

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

На правах рукописи

Кадыров Дауд Эсенбаевич

**Язык как отражение социальных изменений: теоретико-
методологический подход Кембриджской школы истории мысли**

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук
Павлов Александр Владимирович

Москва, 2022

Оглавление

Введение.....	5
ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ КЕМБРИДЖСКОЙ ШКОЛЫ И ЕЕ ОСНОВОПОЛОЖНИКИ.....	20
§ 1.1. Определение Кембриджской школы	20
§ 1.1.1. Общее определение Кембриджской школы.....	20
§ 1.1.2. Кембриджская школа и история понятий	22
§ 1.1.3. Кембриджская школа и история идей	23
§ 1.1.4. Кембриджская школа интеллектуальной истории	25
§ 1.2. Предыстория и становление Кембриджской школы.....	29
§ 1.2.1. Теория речевых актов Джона Остина.....	31
§ 1.2.2. Питер Ласлетт и реабилитация Филмера методом контекстуализма.....	36
§ 1.2.3. Кризис политической философии.....	39
§ 1.3. Основные работы и идеи Квентина Скиннера.....	42
§ 1.3.1. Квентин Скиннер как интеллектуальный историк, политический теоретик и философ	43
§ 1.3.2. Генеалогия свободы и ревитализация республиканизма	50
§ 1.3.3. Робин Коллингвуд и борьба с идеей «вечных» истин	59
§ 1.3.4. Метод Скиннера. Два измерения языка	61
§ 1.3.5. Методы интерпретации в интенционалистском подходе Скиннера	66
§ 1.4. Общие черты и отличия в подходах основоположников Кембриджской школы	72
§ 1.4.1. Джон Покок и исследование политических языков. Сравнение с подходом Скиннера	72
§ 1.4.2. Политическая философия Джона Данна у истоков основания школы.....	84
§ 1.4.3. Разногласия основоположников школы и общая методологическая программа	92
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ КЕМБРИДЖСКОЙ ШКОЛЫ: ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ.....	96

§ 2.1. Политический язык как социальное действие в историческом подходе Кембриджской школы. Границы применимости подхода.....	97
§ 2.1.1. Междисциплинарный проект Кембриджской школы.....	98
§ 2.1.2. Контекстуализм Кембриджской школы	102
§ 2.1.3. Лингвистический контекстуализм: история, социальная сущность и функции языка.....	107
§ 2.1.4. Язык и социальные изменения	110
§ 2.1.5. Границы применимости подхода Кембриджской школы и его место в социальном познании	114
§ 2.2. Политическая риторика и идеологический контекст.....	118
§ 2.2.1. Политический теоретик как идеолог. Скиннер и критика неолиберализма.....	120
§ 2.2.2. Формирование идеологии, ее связь с социально-политическим действием идеолога	128
§ 2.2.3. Идеолог как экспроприатор политических языков.....	131
§ 2.2.4. Новаторство идеолога и стратегии легитимации политического речевого действия	134
§ 2.2.5. Истинность и рациональность убеждений идеолога, их изменение в процессе легитимации	141
ГЛАВА 3. КРИТИКА КЕМБРИДЖСКОЙ ШКОЛЫ. ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДА В РОССИИ	150
§ 3.1. Последователи и критики Кембриджской школы.....	150
§ 3.1.1. Новое поколение Кембриджской школы и переосмысление идей Скиннера.....	150
§ 3.1.2. Скиннер и его критики.....	155
§ 3.2. Сравнение методологии Кембриджской школы с другими подходами	159
§ 3.2.1. Кембриджская школа против анахронизма в истории идей	160
§ 3.2.2. Кембриджская школа и Begriffsgeschichte	167
§ 3.3. Применение методологии Кембриджской школы в России	177
§ 3.3.1. Попытки применения методологии Кембриджской школы к истории России: историографический обзор.....	178

§ 3.3.2. Границы и перспективы локального применения методологии Кембриджской школы	181
Заключение	186
Список литературы	193

Введение

Актуальность темы исследования

Социальная реальность как объект социально-философского анализа создает определенную проблему для исследователя в силу своей сложной структуры¹. Сложность здесь заключается прежде всего в том, что образующие эту структуру явления не могут быть установлены в отрыве от своих функций, определяемых в рамках социального взаимодействия. В этом особенность социальной реальности как части объективного мира – она конструируется и изменяется с определенными целями посредством социальных действий. Так, через социальные конвенции конституируются социальные факты и формируются институты. Однако эти «институциональные» факты обычно воспринимаются как простые и естественные явления, независимые от наших намерений. В этом смысле структура социальной реальности оказывается «невидимой», если не задумываться о ее онтологических основаниях. Таким образом, мы оказываемся в ситуации, когда, по выражению философа Джона Серля, «сложная онтология оказывается простой; простая онтология оказывается сложной»².

Для решения проблемы анализа социальной реальности и объяснения ее изменений необходимо прежде всего понимание тех оснований, на которых базируются социальные действия. Важнейшим и необходимым условием реализации последних является использование вербальных конструкций, высказываний. Таким образом, язык является основой социального действия

¹ Обосновывая особую сложность объекта социальной философии, некоторые исследователи вместе с тем рассматривают ее как самую сложную философскую дисциплину. См. напр.: Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1. М.: Издательство Московского университета, 2013. С.7–8.

² Searle J. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995. P. 4.

как способа конструирования социальной реальности и вместе с тем ключом к объяснению ее изменений³.

Из этого утверждения исходит основной вопрос данного исследования: как связаны концептуальные и социальные изменения? Другими словами, как с помощью высказываний, использующих концепции языка, совершаются действия, меняющие социальную реальность? Как мы можем понять эту связь? Чего, например, хотели, пытались и вообще могли добиться авторы прошлого своими высказываниями, делая их основой собственных теоретических концепций и риторики? Наконец, необходимо определить, какой методологический подход был бы наиболее продуктивным для анализа отмеченной проблематики.

Уже беглый взгляд на практику исследований данной проблематики указывает на ее относительную распространенность в различных научных направлениях. Например, этим вопросом занимается такая междисциплинарная отрасль исторического знания, как интеллектуальная история, которая рассматривает авторские высказывания, идеи и теоретические концепции через социокультурный контекст их возникновения и в неотрывной связи с биографией авторов, которые создавали и продвигали их. Данный подход объединяет под своим названием различные школы и направления, среди которых одним из самых интересных в исследовании указанной проблематики является подход «Кембриджской школы интеллектуальной истории» (Cambridge School of Intellectual History).

Кембриджская школа представляет собой одну из самых влиятельных традиций в западной истории политического дискурса и включает в себя широкую группу исследователей из разных областей гуманитарной науки, чьи оригинальные идеи объединились в уникальной междисциплинарной методологии, часто называемой методом контекстуализма. Основными представителями и основоположниками школы являются Квентин Скиннер, Джон Покок и Джон Данн. Теоретико-методологический подход этих ученых

³ Ibid. P. 59–78.

прежде всего позволяет нам понять роль политических идей как части исторических процессов, и в этом смысле для политической и исторической наук является вполне очевидным то, как подход Кембриджской школы может способствовать изучению истории политической мысли.

Вместе с тем, какую ценность имеют исследования интеллектуальных историков для других направлений гуманитарной науки и как определяются дисциплинарные и методологические границы применимости их методов? На первый взгляд может показаться, что подход кембриджцев не имеет большой ценности для социально-философского познания. Однако если мы исследуем такой аспект их исследований, как проблема обновления дискурса в истории политических идей, то возникает другой вопрос – о взаимосвязи изменений политических языков (дискурсов) с социальными изменениями. Являются ли изменения политического дискурса лишь отражением, «индикаторами» этих изменений, или наоборот, выступают в качестве их первичного фактора-инициатора. При этом здесь же возникает вопрос об общественной легитимации изменений, осуществляемых идеологами. Не менее важной является проблема того, что делают политические теоретики, пытаясь совершить «прыжок» в прошлое и переосмысливая политические идеи; как и в какой степени можно оправдать новые интерпретации авторских текстов как критическую процедуру. Актуальность данных аспектов рассматриваемой Кембриджской школой проблематики представляется более очевидной для социально-философского познания.

Что касается основного вопроса данного исследования, то наиболее известный основоположник Кембриджской школы, ведущий интеллектуальный историк, философ и политический теоретик Квентин Скиннер предлагает рассматривать его следующим образом. В своем основополагающем методологическом манифесте он задается вопросом: какими методиками следует руководствоваться в процессе интерпретации произведения? В поисках ответа Скиннер как интеллектуальный историк обратил внимание на некоторые общие особенности феномена естественных

языков и, используя термины витгенштейновской философии, обозначил два измерения языка. Первое – значение самих слов и высказываний в текстах, чья интерпретация остается традиционной темой герменевтики несмотря на то, что с приходом деконструкции уверенность ученых в существовании стабильных значений пошатнулась. Скиннер отодвигает это измерение и предлагает «сосредоточиться на чем-то другом, кроме значений и их предполагаемой стабильности или нестабильности»⁴. Он обращается к теории речевых актов Джона Остина и в витгенштейновском духе призывает сфокусироваться на втором измерении языка как вида социального действия, то есть исследовать не значение слов, а их употребление – что и с каким намерением делает автор высказываний. Именно этот аспект языка, как мы попытаемся показать в данном исследовании, представляет особый интерес для социально-философского познания. Теоретико-методологический подход Кембриджской школы интересен для нас прежде всего тем, что рассматривает идеи, высказанные авторами в текстах, как речевые акты, которые могут быть адекватно поняты только в контексте конкретной речевой ситуации, в которой они осуществлялись. Таким образом, политические идеи и тот язык, которым авторы их описывают, выступают для методологии Кембриджской школы как социальные действия.

Наконец, необходимость обзора широкого списка узкоспециализированных вопросов, исследуемых Кембриджской школой, подкрепляется тем фактом, что школа, как и интеллектуальная история в целом, представляет все больший интерес для отечественной гуманитарной науки.

Степень научной разработанности проблемы

Зарубежный опыт преподавания интеллектуальной истории как дисциплины насчитывает более полувека, и существует обширный список

⁴ Skinner Q. What Intellectual History Teaches Us: A Conversation with Quentin Skinner (The Governance Podcast Ep6) / Centre for the Study of Governance & Society, July 10th, 2018. URL: <https://csqs.kcl.ac.uk/podcast/what-intellectual-history-teaches-us-a-conversation-with-quentin-skinner/> (дата обращения: 12.02.2020).

литературы, посвященный методологии Кембриджской школы. В российском социально-гуманитарном знании становление и развитие интеллектуальной истории насчитывает уже более двадцати лет⁵, однако Кембриджскую школу в России начали изучать недавно. Обзор отечественной литературы показывает, что исследования, посвященные подходу школы, еще не получили широкого распространения в российской академической среде. Скорее представители школы рассматриваются в рамках общих курсов по политическим и историческим дисциплинам. Поэтому место Кембриджского подхода в социальной философии остается неопределенным, в частности применительно к анализу социальных изменений и роли языка в них.

Тем не менее, можно выделить ряд отечественных исследователей, которые внесли заметный вклад в исследование методологии Кембриджской школы. Среди них, прежде всего, стоит выделить Тимура Атнашева и Михаила Велижева, которые подробно описывают методологию школы в своих публикациях. Также Велижевым была предпринята попытка разработки курса, посвященного Кембриджской школе и таким направлениям интеллектуальной истории, как немецкая школа *Begriffsgeschichte* (история понятий).

Однако особо важным событием в период проведения данного исследования стал выход сборника «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории»⁶ под редакцией Атнашева и Велижева. Сборник знакомит отечественную гуманитарную и социальную науку с методологией школы, с ее историей и критикой. В нем, в частности, содержится целый раздел, посвященный истории политических языков в России. Раздел представлен шестью обширными статьями, в которых предпринимается попытка применить методологию Кембриджской школы к отечественной истории. Среди авторов статей: Т.Ю. Борисова, К.Д. Бугров, С.В. Польской, а

⁵ См. напр.: Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. 2018. № 4, ч. 2. С. 288–302.

⁶ См.: Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.

также Е.А. Правилова. Авторы сборника выделяют других отечественных исследователей, уделявших представителям Кембриджской школы внимание в своих исследованиях: Олег Хархордин, Алексей Миллер, Александр Бикбов, Виктор Каплун, Александр Дмитриев, Артемий Магун, Ирина Савельева, Александр Доброхотов, Николай Копосов и Михаил Ямпольский. Подходы представителей школы были немного рассмотрены в статьях Г.И. Зверевой, М.С. Неклюдовой, П.С. Каневского.

Наконец, отдельно стоит отметить Александра Павлова, который занимается тематикой Кембриджской школы более 10 лет. Павлов посвятил обширную и подробную статью истории метода Кембриджской школы⁷, рецензию к переводу ключевой работы⁸ самого известного основоположника школы – Квентина Скиннера, а также рецензию на вышеупомянутый сборник⁹.

Что касается проблематики социальных изменений и их роли в социальном познании, стоит также отметить коллективный труд «Социальные знания и социальные изменения»¹⁰, подготовленный под руководством В. Г. Федотовой. Работа посвящена анализу развития и роли социально-гуманитарных наук в контексте социальных изменений.

Объектом исследования является взаимосвязь языковых (концептуальных) и социальных изменений.

Предметом исследования выступает теоретико-методологический подход Кембриджской школы интеллектуальной истории к анализу роли языка в социальных изменениях.

⁷ См.: Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 261–302.

⁸ См.: Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 464 с.; Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 564 с.

⁹ См.: Павлов А.В. Истина и метод: рецензия на сборник о Кембриджской школе // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III. № 1. С. 315–329.

¹⁰ См.: Социальные знания и социальные изменения / Под ред. В. Г. Федотовой. М.: ИФ РАН, 2001. 284 с.

Цель диссертационного исследования: показать возможности применения методологии и междисциплинарного подхода Кембриджской школы интеллектуальной истории к анализу роли языка в социальных изменениях и раскрыть эвристический потенциал подхода, его теоретическую и практическую актуальность для социально-философского познания.

Достижение поставленной цели исследования определило следующие **задачи:**

- дать общее представление о Кембриджской школе интеллектуальной истории, обосновав ее обозначение;
- проследить предпосылки и историю возникновения Кембриджской школы;
- представить систематический обзор эволюции работ представителей Кембриджской школы и реакцию на них;
- выделить общие черты, особенности и отличия в подходах основоположников Кембриджской школы, а также обозначить их общую методологическую программу как основу для обозначения в качестве единой методологии;
- рассмотреть понятие контекста в подходе Кембриджской школы и раскрыть с точки зрения ее методологии понимание связи языковых (концептуальных) и социальных изменений;
- исследовать социальную сущность и функции языка как социального действия, способа конструирования и изменения социальной реальности;
- определить дисциплинарные и методологические границы применимости подхода, а также обосновать релевантность междисциплинарного подхода кембриджской школы для социально-философского познания;
- соотнести теоретико-методологический подход Кембриджской школы с другими направлениями и подходами, прежде всего с немецкой школой *Begriffsgeschichte* (история понятий) и ее методом анализа концептуальных изменений, а также с историей идей;

- провести анализ возможности локального применения подхода школы к анализу политических языков в отдельных странах и применительно к разным эпохам, а также раскрыть теоретическую и практическую актуальность такого применения в России.

Методы исследования включают философские и общенаучные методы (историко-философский и сравнительный методы, конкретно-исторический анализ, биографический подход и др.).

Теоретико-методологическую основу диссертации составляют труды представителей Кембриджской школы, ее основоположников и критиков, ученых в области интеллектуальной истории, социальной и политической философии, философии языка, а также исследователей, занимающихся анализом концепций в их историческом/интеллектуальном контексте.

Данное исследование ориентировалось прежде всего на ряд зарубежных и отечественных исследователей, чей подход к исследованию Кембриджской школы, ее основоположников и близких им тем оказался особенно полезным. Среди них, например: Михаил Велижев, Тимур Атнашев, Александр Павлов, Кари Палонен, Сами Сюръемэки, Джеймс Галли, Мелвин Рихтер, Мартин ван Гелдерен, Джеффри Александер и др.

Эмпирическая база исследования включает три группы источников.

Первая группа объединяет два типа первоисточников:

1) классические работы авторов, которых изучали и интерпретировали основоположники Кембриджской школы: Джон Локк¹¹, Томас Гоббс¹², Никколо Макиавелли¹³;

¹¹ См.: Локк Дж. Два трактата о правлении М.; Челябинск: Социум, 2019. 482 с.; Laslett P. Introduction // John Locke. Two Treatises of Government / Ed. P. Laslett. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. 289 p.

¹² См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб.: Азбука, 2020. 704 с.

¹³ См.: Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М.: Пан Пресс, 2020. 471 с.

2) авторы, оказавшие влияние на основоположников школы и ее формирование: Джон Остин¹⁴, Людвиг Витгенштейн¹⁵, Питер Ласлетт¹⁶, Робин Коллингвуд¹⁷. Также в первую группу входит еще один тип источников. Это непосредственно работы самих основоположников школы – Квентина Скиннера¹⁸, Джона Покока¹⁹ и Джона Данна²⁰.

Вторая группа источников включает исследования, посвященные Кембриджской школе и ее основоположникам. Это, прежде всего, тексты Михаила Велижева и Тимура Атнашева²¹, Александра Павлова²², Кари Палонена²³, Сами Сюржемэки²⁴, Мартина Мульзов и Андреаса Малера²⁵,

¹⁴ См.: Austin J.L. *How to Do Things with Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1975. 168 p.

¹⁵ См.: Витгенштейн Л. *Философские исследования*. М.: АСТ, 2018. 352 с.

¹⁶ См.: Laslett P. introduction // Filmer R. *Patriarchia and other Political Works* / Ed. P. Laslett. Oxford: Basil Blackwell, 1949. 326 p.

¹⁷ См.: Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография*. М.: Наука, 1980. 488 с.

¹⁸ См.: Скиннер Кв. *Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122; Скиннер Кв. *Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса*. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 464 с.; Скиннер Кв. *Свобода до либерализма*. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 120 с.; Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 225 p.

¹⁹ См.: Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law: A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 424 p.; Покок Д.Г.А. *Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.

²⁰ См.: Dunn J. *The Political Thought of John Locke: An Historical Account of the Argument of the «Two Treatises of Government»*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 290 p.; Dunn J. *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 346 p.

²¹ См.: Атнашев Т., Велижев М. *Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7–52.

²² См.: Павлов А.В. *Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос*. 2018. № 4. С. 261–302.

²³ См.: Palonen K. *Quentin Skinner: history, politics, rhetoric*. Cambridge: Polity Press, 2003. 216 p.

²⁴ См.: Syrjämäki S. *Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation)*. Tampere: Tampere University Press, 2011. 224 p.; Syrjämäki S., Koikkalainen P. *Quentin Skinner. On Encountering the Past // Finnish Yearbook of Political Thought*. 2002. Vol. 6. P. 34–63.

²⁵ См.: Mulsow M., Mahler A. *Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte*. Berlin: Suhrkamp, 2010. 286 s.

Джеффри Александера²⁶, Мелвина Рихтера²⁷, Джеймса Талли²⁸, Мануэля Сервера-Марзалья²⁹, Марко Геуна³⁰, Марии Неклюдовой³¹ и др. В эту группу источников также входят тексты авторов, предлагавших альтернативные Кембриджской школе подходы: Лео Штраус³², Артур Лавджой³³, Райнхарт Козеллек³⁴.

Третья группа – тексты последователей и сторонников Кембриджской школы, пытавшихся применить и дополнить ее метод: Филипа Петтита³⁵, Джеймса Талли³⁶, Холли Гамильтон-Бликли³⁷, Марка Голди³⁸, Уоррена

²⁶ См.: Alexander J. The Cambridge School, circa 1875 to 1975 // *History of Political Thought*. 2016. No. 37. P. 360–386.

²⁷ См.: Рихтер М. Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 348–380.

²⁸ См.: Талли Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику // *Кембриджская школа: история и метод* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 253–346.

²⁹ См.: Cervera-Marzal M. Pour une conception coopérative des méthodes de lecture de Leo Strauss et Quentin Skinner // *Klesis. Revue philosophique*. 2012. No. 22. P. 11–28.

³⁰ См.: Geuna M. Skinner, pre-humanist rhetorical culture and Machiavelli // *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 50–72.

³¹ См.: Неклюдова М.С. Танец с мумией: авторские интенции в контексте и вне контекста // *Ex Cathedra. Современные методы изучения культуры*. М.: РГГУ, 2012. С. 106–118.

³² См.: Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. 364 с.

³³ См.: Lovejoy A.O. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 382 p.

³⁴ См.: Козеллек Р. Социальная история и история понятий // *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века*. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2006. С. 33–53.

³⁵ См.: Петтит Ф. *Республиканизм. Теория свободы и государственного правления*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 288 с.

³⁶ См.: Талли Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику // *Кембриджская школа: история и метод* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 253–346.

³⁷ См.: Hamilton-Bleakley H. Linguistic philosophy and The Foundations // *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 20–33.

³⁸ См.: Борисова Т.Ю. «Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 522–546.

Бутчера³⁹ и др. Из отечественных авторов: Т.Ю. Борисова, К.Д. Бугров⁴⁰, С.В. Польской⁴¹ и Е.А. Правилова⁴².

Научная новизна исследования

В исследовании предпринята попытка раскрыть для отечественного исследователя суть и релевантность теоретико-методологического подхода Кембриджской школы в исследовании роли языка в социальных изменениях, а также возможности и актуальность подхода для социально-философского познания.

Ценность рассматриваемой методологии состоит в том, она внесла вклад в фундаментальную проблему политической науки и социальной философии, а именно проблему позиции политического теоретика и интеллектуального историка по отношению к социальной и политической реальности, которую эти теоретики понимают, структурируют и даже в определенной степени создают и меняют с помощью языка как социального действия. Особенность подхода Кембриджской школы в этом направлении заключается в том, что язык рассматривается как неотъемлемая часть той реальности, которую он описывает.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Подход Кембриджской школы имеет ценность для социально-философского познания не меньшую, чем для политических и исторических исследований. С одной стороны, подход школы исторический, применяемый,

³⁹ Boutcher W. Unoriginal authors: how to do things with texts in the Renaissance // *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 73–92.

⁴⁰ См.: Бугров К.Д. Республика/революция: Гражданская добродетель в политической истории России Засулич // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 547–581.

⁴¹ См.: Польской С.В. «Истязание по натуральной правде»: легитимация насилия и становление рационального политического языка в России XVIII века // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 409–484.

⁴² См.: Правилова Е.А. «Частная собственность» в языках российского общества конца XVIII – начала XIX века // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 484–499.

прежде всего, к языкам политическим. Это делает подход актуальным для исследований истории политической мысли. С другой стороны – политический язык в методологии Кембриджской школы выступает как социальное действие, влияющее на социальные структуры и меняющее социальную реальность. Таким образом язык становится фактором-инициатором социальных изменений, но в то же время является отражением и ключом к объяснению этих изменений.

2. Различные обозначения Кембриджской школы, в том числе и в отечественной научной литературе, способны создать смешивание ее с другими направлениями и школами, расходящимися в акцентах, которые они ставят по отношению к идеям, авторам и контексту, а также к теории и анализу социально-политических изменений, что в свою очередь создает дополнительные сложности при описании метода Кембриджской школы. Интеллектуальная история как направление исследований в определенной степени объединяет подходы различных школ и традиций, используемых в качестве обозначений Кембриджской школы, а потому обозначение «Кембриджская школа интеллектуальной истории» является наиболее подходящим.

3. Существует двойственное отношение к методологии Кембриджской школы. С одной стороны, – внутренней, – в подходах ее основоположников имеются различия и расхождения, а сами они избегают рассматривать себя как единую школу. С этой стороны мы не можем строго охарактеризовать Кембриджскую школу как продвижение некоей единой и неизменной последовательной методологической программы. С другой стороны – Кембриджская школа рассматривается как устоявшийся теоретико-методологический подход со своим неизменным ядром, которое все основоположники школы в той или иной степени признают, несмотря на некоторый скепсис. Их подходы носят одновременно полемический и взаимодополняющий характер. С этой точки зрения Кембриджская школа, несомненно, объединена широкими методологическими принципами и по-

прежнему следует общей методологической программе. И главное, что объединяет ее представителей – это контекстуальное изучение истории политической мысли, которое фокусируется на разных аспектах исторического/интеллектуального контекста, прежде всего на политическом, идеологическом, социальном и лингвистическом.

4. Сами основоположники Кембриджской школы, выступая в качестве читателя, становятся авторами и, выражая свою интерпретацию, становятся политическими акторами-идеологами. Это можно, например, увидеть, если применить подход Кембриджской школы против Скиннера и провести контекстуальный анализ политического проекта, лежащего в основе его работ. Хотя Скиннер соглашается с наличием тесной связи между его методологическими установками и политическими взглядами, он придерживается мнения, что как исследователь-историк он не выступает в позиции идеолога, а лишь изучает контекст и раскрывает «ходы» авторов прошлого доступным для современного понимания способом. На самом деле между методологическим и чисто политическим аспектами исследований Скиннера отмечается некоторая напряженность, которая исходит, например, из его критики неолиберализма и призывов к ревитализации неоримской концепции свободы.

5. Несмотря на некоторые обстоятельства и ограничения, затрудняющие применение метода Кембриджской школы по отношению к России, задача его «локального» применения очевидно возможна и необходима, однако при условии, что исследователь будет придерживаться определенных методологических рамок. Например, необходимо отделять саму методологию Кембриджской школы от исторических исследований кембриджцев, в которых они применяли свой метод, поскольку исследуемые ими исторические периоды имели иной смысл и культурную специфику, отличные от России и ее социально-политического контекста.

Теоретическая и практическая значимость диссертации

Научно-теоретическое значение рассматриваемой в диссертационном исследовании методологии заключается в том, что разработанный в ее рамках аналитический инструментарий дает понимание центральной роли эволюции языков и риторики, служащих медиаторами социальных изменений в обществе и позволяющих артикулировать групповые интересы в общезначимых и узнаваемых терминах. В этом отношении теоретико-методологический подход и круг вопросов, разработанных представителями Кембриджской школы, представляются чрезвычайно ценными, поскольку они, в частности, являются важными для изучения истории политических языков в российском контексте. Исследования по интеллектуальной истории и истории дискурса в широком междисциплинарном поле также представляют ценность для методологии социальной философии в России.

На практике общие положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы для построения лекторских курсов. Результаты исследования могут быть применимы, в частности, к актуальным вопросам социально-философского познания, а также философской мысли в целом. Предполагается, что ряд ключевых теоретических наработок, отмеченных в исследовании, может также представлять интерес для специалистов по истории политической мысли, социальной и политической философии. И поскольку интеллектуальная история охватывает довольно широкий спектр узкоспециализированных вопросов, эти результаты могут быть очень полезны тем, кто заинтересован в изучении проблем, исследуемых интеллектуальной историей, а также, в частности, Кембриджской школой.

Апробация результатов диссертационного исследования

Результаты исследования отражены в научных статьях, тезисах в рамках теоретических семинаров и конференций, а также были включены в обсуждения промежуточных итогов работы над исследованием на заседаниях сектора социальной философии Института философии РАН.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ по специальности 09.00.11 – Социальная философия:

1. *Кадыров Д.Э.* Применение методологии Кембриджской школы интеллектуальной истории в исследованиях истории социально-философского знания // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 1 (51). С. 319–326.

2. *Кадыров Д.Э.* Возвращение к «Истокам» Квентина Скиннера // Философская мысль. 2020. № 6. С. 13–23.

3. *Кадыров Д.Э.* Методология социально-исторического познания: подход Кембриджской школы интеллектуальной истории // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 253–260.

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ КЕМБРИДЖСКОЙ ШКОЛЫ И ЕЕ ОСНОВОПОЛОЖНИКИ

§ 1.1. Определение Кембриджской школы

§ 1.1.1. Общее определение Кембриджской школы

Прежде чем использовать более-менее точное обозначение Кембриджской школы, необходимо дать ей общее определение.

В интеллектуальной истории и истории политической мысли Кембриджская школа, как правило, представляет собой свободное историографическое движение, которое объединяет широкий круг исследователей и имеет непосредственное отношение к Кембриджскому университету (Великобритания), т.к. многие из представителей школы занимали или продолжают занимать в нем академические должности. Коротко отметим главных авторов, связанных с этим научным движением: Джон Покок, Квентин Скиннер и Джон Данн. Все они «настаивали, что политическое мышление по своей природе исторично и потому его необходимо изучать в историческом и идеологическом контекстах, а также что политические идеи не следует понимать как оторванные от жизни понятия или как „традицию“, ведущую от Платона до наших дней»⁴³.

В широком смысле Кембриджская школа может быть также охарактеризована как контекстуальный способ интерпретации мысли, где основной акцент делается на ее исторических условиях, т.е. контексте той или иной эпохи и общества. Свои установки основоположники школы противопоставляют традиционным методам интерпретации истории политической мысли, искажающим значение текстов и идей, если рассматривать их с точки зрения современного понимания социальной и политической жизни.

⁴³ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 255.

Сам термин «Кембриджская школа» не является самоназванием исследователей. Достаточно сложно установить, кто именно ввел его в научный оборот. Есть предположение, что, возникновение термина связано с серией публикаций Кембриджского университета «Кембриджские тексты в истории политической мысли» (Cambridge Texts in the History of Political Thought) и «Идеи в контексте» (Ideas in Context)⁴⁴. Так или иначе, на сегодняшний день Кембриджская школа представляет собой прочно устоявшийся конвенциональный термин, о чем свидетельствует его распространенность в обширной академической литературе, насчитывающей десятки монографий и сотни статей, которые используют термин «Кембриджская школа» с целью коротко обозначить широко известную в академической среде методологическую программу «в двух словах», что в ином случае потребовало бы излишних объяснений, и тот факт, что термин используется таким образом, «фактически легитимирует [его] полноправное использование»⁴⁵.

Кроме самого названия «Кембриджская школа», в научной литературе (в том числе и отечественной), как правило, принято использовать более конкретные обозначения. Прежде всего, это обозначение «Кембриджская школа интеллектуальной истории», однако можно встретить такие, как «Кембриджская школа истории идей», «...истории понятий», «...истории мысли», «...истории политической мысли», «...политической философии».

Несмотря на конвенциональность самого термина «Кембриджская школа» и общепринятость его обозначений, выражения такого типа являются грубыми упрощениями и воспринимаются скептически и с возражением даже со стороны самих основоположников Кембриджской школы. Например, Скиннер считает, что термин «интеллектуальная история» – не самый подходящий для обозначения его рода исследований, хотя сам называет себя

⁴⁴ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 9.

⁴⁵ Там же. С. 10.

именно интеллектуальным историком⁴⁶. Покок также не согласен с подобными обозначениями⁴⁷, что получило отражение в его работах.

Поэтому, учитывая подобные возражения и то, что вышеуказанные обозначения часто пересекаются и имеют свои особенности, мы остановимся на них подробнее, чтобы определиться, какое из них будет наиболее подходящим в рамках данного исследования⁴⁸.

§ 1.1.2. Кембриджская школа и история понятий

Начнем с обозначения «история понятий», поскольку оно, как правило, используется в качестве названия совсем другой традиции исследований истории политических идей, которую часто сопоставляют с Кембриджской школой. Речь идет о распространенной в исторической и политической науке Германии школе под названием *Begriffsgeschichte*, что буквально переводится как «история понятий». Школу также часто называют «концептуальная история» или «история концепций», и относят к течению в историографии, которое ставит своей целью анализ эволюции и использования концепций во всех областях, связанных с языковым материалом⁴⁹.

Мы не будем рассматривать здесь подход этой школы и его отличие от Кембриджской школы. Подробно об этом речь пойдет в последней главе. Пока что отметим, что история понятий как научное направление в лице *Begriffsgeschichte* представляет собой отдельную междисциплинарную

⁴⁶ Skinner Q. What Intellectual History Teaches Us: A Conversation with Quentin Skinner (The Governance Podcast Ep6) / Centre for the Study of Governance & Society. July 10th, 2018. URL: <https://csgs.kcl.ac.uk/podcast/what-intellectual-history-teaches-us-a-conversation-with-quentin-skinner/> (дата обращения: 20.04.2021).

⁴⁷ См. напр.: Покок Д.Г.А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 197; Росоок J.G.A. Intellectual History // Intellectual History: 5 Questions / Eds. by M.H. Jeppesen, F. Stjernfelt, M. Thorup. Copenhagen: Automatic Press, 2013. P. 143–145.

⁴⁸ Что касается самого названия «Кембриджская школа», то его релевантность в качестве обозначения актуальной методологической программы будет рассмотрена в последнем параграфе данной главы.

⁴⁹ См.: Lüsebrink, H. L. Histoire conceptuelle (*Begriffsgeschichte*) // *Historiographies. Concepts et débats*, I / Ed. by C. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia, N. Offenstadt. Paris: Gallimard, coll. «Folio histoire», 2010. P. 162–169.

область исследований со своей методологией. Кроме того, основоположники Кембриджской школы не признают *Begriffsgeschichte* в качестве научной дисциплины. Поэтому в данном исследовании мы не будем использовать по отношению к Кембриджской школе обозначение «история понятий», т.к. это привело бы только к дополнительным трудностям.

§ 1.1.3. Кембриджская школа и история идей

Следующее обозначение Кембриджской школы – «История идей», представляет собой науку об историческом процессе создания, сохранения и изменения идей. Как область исторических исследований историю идей относят ко всем историко-культурным дисциплинам, изучающим теоретические и метатеоретические эволюции интеллектуальных форм через различные эпистемологические или культурные сферы.

Некоторые исследователи полагают, что история идей особенно сильно развивалась в области истории эстетических идей, куда первая проникла еще в последнюю четверть XIX в. благодаря работам Марселино Менендеса Пелайо⁵⁰. Однако как академическая область история идей возникла только в 1930-е годы. В ранний период своего развития история идей распространялась в США, где ее изучали в 1930-е гг., когда американский философ и историк Артур Онкен Лавджой (1873-1962) ввел термин «история идей» в своей работе 1936 г. под названием «Великая цепь бытия: История идей»⁵¹. На международном уровне история идей формально выросла как академическая дисциплина уже после 1930-х гг. Кроме Англии и США это направление было довольно распространенным в скандинавском регионе⁵² и Германии.

⁵⁰ См.: Aullón de Haro P. La recepción de la obra de Menéndez Pelayo y la creación de la Historia de las Ideas // *Analecta malacitana: Revista de la Sección de Filología de la Facultad de Filosofía y Letras*. 2014. Vol. 37. No. 1-2. P. 7–37.

⁵¹ См.: Lovejoy A.O. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 382 p.

⁵² В Швеции история идей официально возникла в 1932 г., когда Йохан Нордстрем стал профессором истории идей в университете Упсалы (См.: Ambjörnsson R. *Om möjligheten av en folkets idéhistoria // Idéhistoria i tiden: perspektiv på ämnets identitet under sjuttiofem år / Ed. by N. Andersson & H. Björck*. Stockholm: Brutus Östlings bokförlag Symposion, 2008. S. 207–

Главная причина, по которой мы не можем использовать термин «история идей» в качестве уточняющего обозначения Кембриджской школы в рамках данного исследования, заключается в том, что для основоположников школы методологическое допущения истории идей неприемлемы. Историки идей совсем иначе формулируют свои исследовательские задачи, а их трактовка истории делает исторический контекст далеким от ясности⁵³. Скиннер, например, отверг историю идей и всегда противился тому, чтобы его называли историком идей, рассматривая этот термин как очень старомодный⁵⁴. И хотя свою раннюю статью он назвал «Значение и понимание в истории идей», сделал он это «с иронией», чтобы продемонстрировать ошибочность истории идей в терминах, предложенных Лавджоем⁵⁵.

Таким образом, «история идей» как обозначение Кембриджской школы некорректно, если учитывать критику самих представителей школы, а также то, что история идей как научное направление и академическая дисциплина скорее является переходной, «незрелой» формой другого направления исторической науки, с которым наиболее часто ассоциируется Кембриджская школа.

216.); в Дании курс богослова Йоганна Слока по истории идей возник в 1967 г. в Институте истории идей Университета Орхуса (См.: Grumsen S., Hjernitslev H.H. Institut for Idehistorie 1967-2004: Et studie af institutionens oprettelse, udvikling og afvikling // Slagmark – Tidsskrift for idéhistorie. 2007. No. 50. P. 96–124.); в Норвегии первым среди профессоров в области истории идей стал Андреас Ховсгард Винснес 1 июля 1946 г. в Университете Осло. (См.: Krefthing E., Schaanning E., Aasgaard R. Grep om fortiden Perspektiver og metoder i idéhistorie. Oslo: Cappelen Damm Akademisk, 2017. 304 s; Enebakk V. Den norske idéhistoriens idéhistorie // Nytt Norsk Tidsskrift. 2005. Vol. 22. No. 3. S. 271–284.)

⁵³ См.: Richter M. Begriffsgeschichte and the History of Ideas // Journal of the History of Ideas. 1987. Vol. 48. No. 2. P. 247–263.

⁵⁴ Покока тоже не устраивает это обозначение. (См. напр.: Покок Д.Г.А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 197; Pocock J.G.A. Intellectual History // Intellectual History: 5 Questions / Eds. by M.H. Jeppesen, F. Stjernfelt, M. Thorup. Copenhagen: Automatic Press, 2013. P. 143–145.)

⁵⁵ См.: Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

§ 1.1.4. Кембриджская школа интеллектуальной истории

Более позднее направление исследований, пришедшее на смену истории идей, получило название «интеллектуальная история». У интеллектуальных историков совершенно другая трактовка истории и иные, чем у историков идей, задачи. При этом в Соединенных Штатах термин «интеллектуальная история» долгое время не использовался. Как вспоминает Скиннер, хотя сегодня его и называют интеллектуальным историком⁵⁶, было довольно удивительно, что когда его приглашали в Штаты (примерно раз в год), то при этом практически не звали на исторические факультеты. Коллеги Скиннера, как правило, работали на философских или политологических факультетах и рассматривали его исследования «либо как особый способ изучения моральной и политической философии, либо как вклад – довольно незначительный вклад, как принято считать, — в изучение политики»⁵⁷.

Однако со временем то, что на исторических факультетах ранее называли историей идей, постепенно начали обозначать как «интеллектуальная история», что в некоторой степени отражает изменение в научном подходе к изучению истории. Историки стали работать с интеллектуальной историей подобно тому, как философы работали с историей философии⁵⁸. Такой сдвиг выражается в первую очередь в «контекстуальном» объяснении интеллектуальной деятельности⁵⁹. Скиннер отмечает замену традиционного наименования «историк идей» и говорит о том, что это изначально являлось темой полемики, и что интеллектуальная история дала возможность по-новому смотреть на идеи прошлого, поскольку

⁵⁶ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ См.: Grafton A. The history of ideas: Precept and practice, 1950-2000 and beyond // Journal of the History of Ideas. 2006. Vol. 67. No. 1. P. 1–32.

⁵⁹ См.: Richter M. Begriffsgeschichte and the History of Ideas // Journal of the History of Ideas. 1987. Vol. 48. No. 2. P. 247–263.

интеллектуальные историки исследуют не сами идеи, но видят их шире – как подходы и убеждения авторов⁶⁰.

Историк идей намерен исследовать влияние идей на современную жизнь, а также на культурное и социальное развитие и, наоборот, то, как социальные, экономические, политические, технологические и религиозные процессы повлияли на возникновение, разработку и развитие идей. Упущение истории идей заключается в том, что для нее идеи как объект предполагают нечто метафизическое, в то время как интеллектуальная история сосредоточена еще и на производителе интеллектуального – на человеке, т.е. она исследует историю идей конкретных мыслителей. История не может рассматриваться без учета влияния людей, которые были непосредственно связаны с идеями. Следовательно, центральная предпосылка интеллектуальной истории в том, что идеи не развиваются в изоляции от людей, которые разработали и использовали их, и что нужно изучать идеи не только как абстрактные положения, но и с точки зрения культуры, жизни, и исторических контекстов: социального, политического и пр.⁶¹.

Изначально термин «интеллектуальная история» редко использовался в гуманитарных науках. Некоторые отмечают, что в континентальной традиции XX в. он вовсе отсутствовал⁶². В качестве научной дисциплины она возникла в послевоенные годы, и то изначально лишь в своих предыдущих «воплощениях». На сегодняшний день интеллектуальная история как академическая дисциплина получила широкое распространение, например, в Великобритании, США и Австралии, где ей посвящаются научные журналы, а университеты включают ее в ряд учебных курсов. На достижение такого

⁶⁰ Skinner Q. What Intellectual History Teaches Us: A Conversation with Quentin Skinner (The Governance Podcast Ep6) // Centre for the Study of Governance & Society, July 10th, 2018. URL: <https://csgs.kcl.ac.uk/podcast/what-intellectual-history-teaches-us-a-conversation-with-quentin-skinner/> (дата обращения: 20.04.2021).

⁶¹ См.: Richter M. Begriffsgeschichte and the History of Ideas // Journal of the History of Ideas. 1987. Vol. 48. No. 2. P. 247–263.

⁶² См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 11.

успеха у интеллектуальной истории ушли десятилетия. В некоторых странах она так и не достигла должного уровня внимания как академическая дисциплина и по сей день встречает препятствия. Например, практика преподавания интеллектуальной истории менее распространена во Франции, где это направление все еще имеет неопределенный статус, поскольку к нему там относятся с подозрением и порой враждебностью⁶³.

В российском социально-гуманитарном знании интеллектуальная история насчитывает уже более двадцати лет. Все больший интерес к этому направлению постепенно способствовал тому, что в 2000-х гг. курсы по интеллектуальной истории начали вводить в ведущих университетах России, а в 2010-х ее изучение начало распространяться за пределы исторических факультетов⁶⁴. Вместе с тем, несмотря на распространение интеллектуальной истории, в России, как и в других странах, где она существует как академическая дисциплина, существует проблема ее определения. Такая ситуация обусловлена тем, что интеллектуальная история как междисциплинарная область исследований привлекает ученых, которые работают под влиянием разных направлений гуманитарной науки, по-своему

⁶³ Среди, причин, помешавшим развитию направления во Франции историк Чезаре Куттика, например, отмечает роль школы Анналов, которой увлекались французские историки, что, вероятно, стало причиной игнорирования интеллектуальной истории. Кроме того, во Франции распространена традиция изучения истории интеллектуалов, а не анализ их идей в контексте, и интеллектуальную историю часто путают с «социологией интеллектуалов». (См.: Cuttica C. *Intellectual History // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. Vol. 12 / Ed. by J.D. Wright. Oxford: Elsevier, 2015. P. 255, 257–258.)

⁶⁴ Примером является факультет социальных наук НИУ ВШЭ. Там же на факультете гуманитарных наук была открыта магистерская программа под руководством Г.Ч. Гусейнова под названием «Культурная и интеллектуальная история: между Востоком и Западом», выросшая по состоянию на 2021 г. в международную программу двух дипломов. Также с 2016 г. на базе МВШСЭН функционирует научный семинар по интеллектуальной истории, на котором собираются специалисты из различных университетов и исследовательских институтов. Руководителем семинара является А.Л. Зорин, активное участие в его проведении принимают также Т.М. Атнашев и М.Б. Велижев, которые неоднократно публиковали результаты своих исследований по интеллектуальной истории в специализированной книжной серии «Интеллектуальная история» издательства НЛО под редакцией И.А. Калинина и Т.А. Вайзер. (См.: Зверева Г.И. *Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век*. 2018. № 4, ч. 2. С. 288–393.)

трактуют интеллектуальную историю и тем самым привносят в нее различную дисциплинарную специфику. Отсюда различия в акцентах при работе с проблематикой интеллектуальной истории, а точнее с множеством различных проблемных полей⁶⁵.

Одна из очередных попыток дать определение интеллектуальной истории была предпринята в 2013 г. ведущими представителями этой научной области: «Мы понимаем интеллектуальную историю в самом широком смысле. Она включает в себя историю идей, историю понятий, генеалогию, историю чтения, Кембриджскую школу, культурную историю и другие традиции, анализирующие структуры идей в их историческом контексте»⁶⁶. На первый взгляд такое определение мало что объясняет, поскольку является чрезмерно обобщенным и носит отсылочный характер. Получается, что «“интеллектуальной историей” при желании можно назвать любую область знаний, связанную с изучением текстов прошлого»⁶⁷. На самом деле, указанное определение говорит о том, что область интеллектуальной истории стоит определять основываясь в первую очередь не на предмете исследований, а методе. Несмотря на отличия подходов интеллектуальной истории и ее трактовок различными исследователями, всех их объединяет метод анализа текстов прошлого в историческом контексте.⁶⁸ Поэтому термин

⁶⁵ Там же. С. 293.

⁶⁶ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 12.

⁶⁷ Т. Атнашев и М. Велижев добавляют, что «если мы посмотрим на то, кто в западных гуманитарных науках называет себя “интеллектуальными историками” то в первую очередь столкнемся с именами так называемых постмодернистов Хейдена Уайта или Доминика Лакапры». (Там же. С. 11.) С точки зрения Павлова, сам термин постмодернизм, который считают «языком описания эпохи [...] становится все менее актуальным, а говоря точнее сегодня все больше оспаривается», в то время как в России, – и в первую очередь это касается учебной литературы, – сегодня распространено неверное, скорее даже «усеченное» либо устаревшее представление о постмодернизме, например когда о нем «все еще думают в контексте французской философии второй половины XX века». (Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 9–11.)

⁶⁸ См.: Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. 2018. № 4, ч. 2. С. 293–294.

«интеллектуальная история» полезен для обозначения единой методологической программы столь разных подходов⁶⁹.

Таким образом, метод интеллектуальной истории предполагает широту охвата предмета⁷⁰ и объединяет рассмотренные нами направления – «историю идей» и *Begriffsgeschichte*⁷¹, которые могут рассматриваться как прикладные дисциплины в рамках интеллектуальной истории. Поэтому в ходе данного исследования мы будем применять термин «интеллектуальная история» как самое подходящее обозначение Кембриджской школы – «Кембриджской школы интеллектуальной истории». В общем, выбор этого обозначения дает нам большую свободу в работе с теоретико-методологическим подходом школы.

§ 1.2. Предыстория и становление Кембриджской школы

Как было отмечено выше, на сегодняшний день невозможно определить, кто ввел в научный оборот термин «Кембриджская школа», но это название свидетельствует о том, что группу исследователей, связанных с этой школой, считают единым движением, повлиявшим на развитие социально-философского знания в XX в. В начале предыдущем параграфе мы упомянули основоположников школы, однако это далеко не полный список авторов. Помимо них за этим научным движением стоят другие историки политической и социально-философской мысли: Энтони Пагден, Ричард Так, Стефан Коллини, Джон Уоллес, Дональд Винч, Гордон Шохет, Джереми Шневинд,

⁶⁹ См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 12.

⁷⁰ Куттика также выделяет ряд возможных проблем, которыми в дальнейшем займутся те, кто причисляет себя к интеллектуальным историкам, тем самым еще больше расширив предметный охват интеллектуальной истории. (См.: Cuttica C. *Intellectual History* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* (Second Edition). Vol. 12 / Ed. by J.D. Wright. Oxford: Elsevier, 2015. P. 259–260.)

⁷¹ Философ Сами Сюръемэки рассматривает *Begriffsgeschichte* как субдисциплину интеллектуальной истории. (См.: Sytjämäki S. *Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism* (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 17-18.)

Джеймс Талли, Дункан Форбс, Марк Голди, Николас Филипсонаи др.⁷². Что их всех объединяет? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо остановиться более подробно на том, что способствовало становлению Кембриджской школы в 1960-е годы. Такая необходимость обусловлена следующими факторами.

Во-первых, как отмечает Александр Павлов в своей статье: «когда исследователи высказывают мнения о Кембриджской школе, то, как правило, не делают того, что сами ее представители считали главной установкой своих штудий, — не обращают внимания на контекст возникновения группы и, главное, на то, что их взгляды претерпевали значительные изменения»⁷³. Учитывая такое положение дел, мы попытаемся избежать указанной ошибки и уделим отдельное внимание контексту и предпосылкам возникновения Кембриджской школы.

Во-вторых, традиция преподавания политики на Западе была установлена Кембриджским университетом еще в конце XIX в. и начале XX в., а интеллектуальная история наряду с историей идей занимала важное место в западной науке на протяжении всего XX века. Особенность этой традиции состояла прежде всего в том, чтобы применять политическую науку в изучения истории. Таким образом, в Кембридже уже давно устоялась прочная фундаментальная связь между политикой и историей, что необходимо учитывать при рассмотрении истории становления Кембриджской школы.

Наконец, стоит отметить, что когда речь идет о Кембриджской школе, это касается не только работ ее основоположников, но и тех, что были написаны некоторыми другими авторами начиная с 1960 гг. и годов. Поэтому мы уделим внимание основным авторам и идеям, повлиявшим на возникновение подхода школы.

⁷² См.: Mulsow M., Mahler A. Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte. Berlin: Suhrkamp, 2010. S. 7. Подробнее о последователях Кембриджской школы в последней главе.

⁷³ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 265.

Таким образом, с учетом вышеперечисленного, нам необходимо определить, когда и как возникла Кембриджская школа интеллектуальной истории, а также что мы будем брать за отправную точку ее возникновения. Она не возникла, как это может показаться, в 1969 г., когда Скиннер написал свой методологический манифест под названием «Значение и понимание в истории идей»⁷⁴. Предпосылки ее возникновения можно найти раньше. И здесь можно выделить два импульса: первый – теоретический, который исходил прежде всего из разработок философии языка Джона Остина; второй – практический, исходил из практики исторических исследований Питера Ласлетта. Остановимся подробно на каждом из них.

§ 1.2.1. Теория речевых актов Джона Остина

С возникновения аналитической философии и в период распространения лингвистической философии в XX в. традиционные методы анализа речевых актов как объекта философии языка были сосредоточены на проблеме истинности высказываний. Эти методы были основаны на теориях языка, предполагающих, что его основной и возможно единственной целью и функцией является репрезентация и передача информации, будто высказывание может лишь описывать и констатировать некое явление или факт, а значит может быть лишь истинным или ложным.⁷⁵

Со временем это предположение подвергалось все большей критике рядом ученых, среди которых был британский философ языка Джон Лэнгшо Остин (1911-1960). К середине 1950-х гг. он сформулировал теорию речевых актов (speech acts), изложенную в «Лекциях Уильяма Джеймса» в рамках его

⁷⁴ См.: Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.

⁷⁵ См.: Сёрл Дж.Р. Введение // Философия языка / Ред.- сост. Дж. Р. Сёрл. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 6–13

курса лекций 1955 г., которые после редакции Дж. О. Урмсоном были опубликованы в 1962 г. под названием «Как делать вещи с помощью слов»⁷⁶.

Остин показал, что есть высказывания, которые сами являются обозначаемым ими действием. Он назвал такие высказывания «перформативами» (от лат. *performo* – «создаю», «образовываю»). Особенностью перформативного высказывания является то, что оно не может быть истинным или ложным, как в случае с констатирующими высказываниями («констативы»), к которым обычно применяют эти категории. При этом Остин отказался от деления высказываний на перформативные и констатирующие, постепенно стирая между ними границу и обобщив перформативность по отношению к каждому утверждению, поскольку считал, что все они имеют деятельностную природу⁷⁷. Вместо подобного деления Остин составил более тщательную и развернутую лингвистическую классификацию, некую типологию различных смыслов, в которых мы способны что-либо сделать посредством высказываний. Остин обозначил в своей классификации три уровня: локутивный, иллокутивный и перлокутивный. Основываясь на перформативном высказывании, он вывел иллокутивный уровень, который затем распространил на локутивный и перлокутивный. Все они составляют аспекты единого речевого акта и выступают в качестве его образований⁷⁸.

Согласно концепции Остина, с одной стороны, мы имеем локутивный уровень (внешний аспект языка), т.е. само высказывание (от лат. *locutio* — «говорение»). С другой стороны, речевой акт подразумевает не только передачу определенного значения, но также выражается с определенной предполагаемой «силой». Этот уровень речевого акта (внутренний аспект языка) Остин обозначил как «иллокутивный» (лат. *in locutio*), т.е. то, что

⁷⁶ См.: Austin J.L. *How to Do Things with Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1975. 168 p.

⁷⁷ См.: Остин Дж.Л. Перформативы – констативы // *Философия языка* / Ред.- сост. Дж. Р. Сёрл. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 23–34.

⁷⁸ *Ibid*; см также.: Austin J.L. *How to Do Things with Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1975. 168 p.

высказывание содержит помимо самих слов. Соответственно, «сила», с которой реализуется речевой акт, называется «иллокутивной силой» высказывания, которая представляет собой то, что говорящий делает, когда говорит что-либо, и может быть выражена разными способами, например: обещание, убеждение, угроза, приказ, предупреждение, ироническое замечание, вопрос, ответ, шутка, информирование, описание, критика и т.п. Наконец, у нас имеется перлокутивный уровень (лат. *per locutio*) речевого акта, точнее его эффект, т.е. то воздействие, которое оказывается на слушателя с помощью высказывания, например произнесение ответа⁷⁹.

Остин тщательно исследует результаты своего открытия: единицей коммуникации и главным объектом исследования становится уже не высказывание, а речевой акт, осуществляемый в ситуации непосредственного общения с собеседником. Как только мы вступаем в общение с другими людьми, мы всегда что-то делаем и тем самым выражаем себя через это действие. И поскольку мы делаем это по-разному, то наши речевые акты содержат в себе существенное различие: они могут быть выражены как утверждение, вопрос, объяснение, призыв, описание, и пр., и реализуются согласно общепринятым правилам. Таким образом используемый нами язык становится большим, чем просто средством коммуникации.

Идеи Остина оказали заметное влияние на ряд известных современных исследователей, хотя и до него были авторы, считающие ошибочной устоявшуюся догму, согласно которой первичной функцией языка является коммуникация. Эти авторы придерживаются более традиционного понимания языка – как прежде всего инструмента мышления, способа его структурирования и упорядочивания. Данную позицию, например, разделял еще первый американский теоретик языкознания и основоположник американской лингвистической школы Уильям Дуайт Уитни (1827-1894), который в XIX в. заявил, что язык – это мышление вслух, т.е. устный способ

⁷⁹ Ibid; см. также: Marcotte-Chénard S. Le contextualisme de Quentin Skinner à l'épreuve du cas Machiavel // *Methodos*. 2013. Vol. 13. P. 368.

выражения мыслей⁸⁰. Это в свою очередь подразумевает, что речь, звуки и вообще любое внешнее выражение мыслей является вторичным свойством языка, в то время как первичным остается его внутренняя функция – конструирование и упорядочивание мыслительного процесса.

Сегодня одним из самых известных исследователей, придерживающихся подобной точки зрения, является философ и лингвист Ноам Хомский⁸¹. Для него очевидно, что язык может использоваться для коммуникации, однако это не основная его функция. Язык имеет биологическую основу и возник прежде всего как система мышления, создания и интерпретации мысли, а коммуникация – лишь вторичное проявление мышления, способ донести через общение до других то, что мы имеем в виду. Таким образом, язык существует даже тогда, когда он, казалось бы, отсутствует, в том смысле, что способность к языку – это способность использовать его для организации мыслей, идей, даже если они не выражены вербально.⁸²

⁸⁰ См.: Whitney W.D. *Language and the Study of Language: Twelve Lectures On the Principles of Linguistic Science*. New York: C. Scribner & Company, 2011. 526 p.

⁸¹ В свое время Остин, будучи приглашенным лектором в Гарварде в 1950-х годах, где Хомский проводил свои исследования, оказал заметное влияние на последнего как лингвиста. (См. напр.: Sperlich W.B. *Noam Chomsky*. London: Reaktion Books, 2006. P. 33–34.) Помимо Хомского влияние Остина испытал философ Джон Сёрл, специализирующийся в своих ранних работах на речевых актах и их роли в конструировании социальной реальности. (См. напр.: Searle J. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p.; Searle J. *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press, 1995. 241 p.)

⁸² С точки зрения Хомского, коммуникативная функция языка, по-видимому, не влияет на его главную функцию, а скорее наоборот: при социальном использовании языка коммуникативная функция может страдать в силу конфликта с его первоначальной функцией как системы мышления. Когда язык используется для выражения мыслей и взаимодействия с окружающими, «это не имеет ничего общего с коммуникацией в узком смысле; то есть это не связано с передачей информации. Передается много информации, но передается не содержание сказанного». (Chomsky N. *On Language and Culture // Contrasts: Soviet and American Thinkers Discuss the Future / Ed. by Osiatynski W*. New York: MacMillan, 1984. P. 97) Другим словами, социальное использование языка может быть контрпродуктивно коммуникативной эффективности. (См. напр.: Chomsky N. *On Phases // Foundational Issues in Linguistics Theory / Ed. by R. Freidin, C.P. Otero, & M.L. Zubizarreta*. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. P. 137; Bolhuis J., Tattersall I, Chomsky N, Berwick R. *How Could Language Have Evolved? // PLOS Biology*. 2014. Vol. 12(8). URL: <https://chomsky.info/20140826/> (дата обращения: 22.04.2021).)

Таким образом, Уитни обратил внимание на главную функцию языка (внутреннюю), а Хомский подчёркивал вторичность внешней функции языка – коммуникативной, и очертил ее конфликт с внутренней конструкцией языка как системы мышления. На основании открытий Остина можно прийти к заключению, что усвоение внутреннего аспекта языка зависит от его внутренней конструкции. Вместе с пониманием внешнего аспекта языка, значения высказываний, мы можем постараться узнать, что делал автор посредством речевых актов.

К такому выводу позже пришел Скиннер благодаря анализу⁸³, проделанному Остином. Позднее Скиннер предпринял попытку интегрировать в теорию Остина витгенштейновскую концепцию значения. Так, через скиннеровскую формулировку «в терминах теории перформативных речевых актов»⁸⁴ начнет формироваться метод Кембриджской школы, приобретая свои «контекстуалистские» очертания. И хотя позднее Скиннер почти перестал упоминать Остина в своих работах, он не отказался от его «жаргона»⁸⁵ и признания основополагающей роли теории речевых актов в своем подходе⁸⁶. Скиннер рассматривал Остина как крупнейшего британского аналитического философа 1960-х гг.⁸⁷. И здесь важно не отношение кембриджских ученых к теории Остина, а тот факт, что она «...дала возможность Скиннеру апеллировать к “иллокутивной силе” высказывания, демонстрирующей спектр значений, заложенных в тексте, но

⁸³ Скиннер также приводит пример, демонстрирующий каждый аспект речевого акта. См.: Skinner Q. «Social meaning» and the explanation of social action // *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* / Ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 83–84.

⁸⁴ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 25.

⁸⁵ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // *Логос*. 2018. № 4. С. 271; см. также: Скиннер Кв. Язык и политические изменения // *Логос*. 2005. № 3 (48). С. 146.

⁸⁶ См.: Рихтер М. Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 348.

⁸⁷ См.: Marcotte-Chénard S. Le contextualisme de Quentin Skinner à l'épreuve du cas Machiavel // *Methodos*. 2013. Vol. 13. P. 367.

выходящих за пределы языкового сообщения, и сообщающей о сознательном выстраивании отношений между текстом и другими элементами письменной традиции»⁸⁸.

Таким образом, мы рассмотрели, как теория речевых актов Остина стала важной теоретической опорой и импульсом для формирования методологии Кембриджской школы.

§ 1.2.2. Питер Ласлетт и реабилитация Филмера методом контекстуализма

Теперь обратимся к практическому импульсу возникновения Кембриджской школы, который связан в первую очередь с британским историком Питером Ласлеттом (1915-2001). В 1960-е гг. Ласлетт начал работать с архивными материалами, используя неопубликованные рукописи и предлагая подробные реконструкции в области истории политических идей. Изначально специализируясь на истории политической философии, в 1940-1960-х гг. Ласлетт написал новаторскую историческую работу об английском политическом мыслителе и теоретике абсолютной монархии Роберте Филмере (1588-1653). В частности, Ласлетт ввел в научный оборот социальную философию Филмера, составив и отредактировав его политические труды, прежде всего сочинение «Патриарх»⁸⁹, опубликованное в 1680 году, почти тридцать лет после смерти автора.⁹⁰

Суть открытия Ласлетта при работе с трудами Филмера состояла в следующем. За финансовую помощь Филмера участникам Гражданской войны в Англии его имущество подверглось преследованию со стороны парламентской армии и в конечном счете было конфисковано без суда, а сам

⁸⁸ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 25.

⁸⁹ Laslett P. Introduction // Filmer R. Patriarchia and other Political Works / Ed. P. Laslett. Oxford: Basil Blackwell, 1949. 326 p.

⁹⁰ См.: Dunn J., Wrigley T. Thomas Peter Ruffell Laslett (1915–2001) // Proceeds of the British Academy. Vol. 130. Biographical Memoirs of Fellows IV / Ed. by P.J. Marshall. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 109–129.

Филмер, хотя и не принимал активного участия в войне, был заключен в тюрьму на несколько лет по подозрению в поддержке короля, при этом никаких доказательств обнаружено не было⁹¹. Первоначально работа Филмера «Патриарх» распространялась в рукописном виде и представляла собой обоснование абсолютизма и патриархальной власти короля в библейском ключе, а после посмертной публикации его патриархальная идея стала предметом критики и даже насмешек со стороны крупных историков и парламентариев. Ключевую роль в этом сыграл философ Джон Локк, получивший большую известность благодаря второму трактату «О правлении». При этом первый трактат был посвящен как раз критике Филмера, которого затем «воспринимали как грушу для битья, которую сделал Локк»⁹². Так Филмер приобрел свою «славу»⁹³.

Критическое исследование Ласлетта, которое он проделал с работами Филмера, предлагает подробный и исторически точный анализ современного генезиса «Патриарха», показав тем самым, что он написан с совершенно другими намерениями, чем те, которые обычно приписывались ему в искаженной форме. Ласлетт «четко разграничил три “контекста”, которые задавали разные смыслы для высказывания: создание, публикация и активная рецепция текста»⁹⁴, и тем самым отделил авторскую интенцию от идеологического воздействия, которое впоследствии оказало сочинение Филмера.

⁹¹ См.: Burgess G. Filmer, Sir Robert (1588? – 1653) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-9424> (дата обращения: 13.10.2019).

⁹² Павлов А.В. Кембриджская школа политической мысли // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/video/97122> (дата обращения: 25.01.2020).

⁹³ Для некоторых Филмер все же имел в свое время и положительный образ, например, когда его «сделали знаменем в политической борьбе роялисты в конце XVII века. Поэтому говорили, что его текст “Патриарх” отражает идеологию британского роялизма». (Там же; см. также: Мишура А.М., Павлов А.В. «Патриархия»: политическая философия Роберта Филмера // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 1. С. 92–105.)

⁹⁴ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 10.

То же самое Ласлетт проделывает и с «Двумя трактатами» Локка⁹⁵. Важной деталью оказалось не только то, где они были написаны, но и когда. Ласлетт делает заключение, что вопреки общепринятому мнению, трактаты были опубликованы еще до английской «Славной революции» 1688-1689 гг., что существенно меняет их перспективу и понимание того, какими намерениями был движим Локк, обнародовав свой труд, а именно: на чьей стороне он был, кого защищал, критиковал, а также какие идеи пытался донести до читателей. Это дало более широкое понимание политических намерений Локка, труд которого теперь приобрел «...совсем иной смысл: он служил не оправданием революции, но призывом к сопротивлению»⁹⁶.

Так Ласлетт стал одним из первых исследователей, предложивших «...изучать политическую мысль исторически, то есть помещать ее в исторический и идеологический контексты»⁹⁷. Он «реабилитировал» искаженный образ Филмера с помощью контекстуального подхода и позволил по-новому взглянуть на политическую философию Локка. Это открытие оказало значительное влияние на основоположников Кембриджской школы, и именно публикация трактата «Патриарх» в 1949 г. в Оксфорде положила «символическое начало»⁹⁸ школы. Сами основоположники школы неоднократно в своих текстах выражали признание Ласлетту за его научный вклад⁹⁹.

⁹⁵ См.: Laslett P. Introduction // John Locke. Two Treatises of Government / Ed. P. Laslett. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. 289 p.

⁹⁶ Floyd J. Why the History of Ideas Needs More than Just Ideas // Intellectual History Review. 2011. Vol. 21. Iss. 1. P. 32.

⁹⁷ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 279.

⁹⁸ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 9-10.

⁹⁹ Например, Скиннер отмечает, что написанию своих первых работ он был особо обязан именно теоретическим трудам Ласлетта, при чем в еще большей степени, чем двум другим основоположникам Кембриджской школы – Пококу и Данну. (См.: Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 253.) Однако взгляды на такое признание со стороны основоположников школы неоднозначны. Как отмечает Павлов: «эти ссылки нужны лишь

Что касается научного вклада Ласлетта как историка в целом, то он был особенным историком, в том смысле что он «заходил на почву» политической теории. Кроме того, в конце 1950-х гг. Ласлетт обозначил кризис политической философии, заявив о ее «смерти»¹⁰⁰ и тем самым задав курс на поиск новых методов ее изучения.

Таким образом, мы рассмотрели разработанный Ласлеттом контекстуальный подход к изучению политической теории, из которого исходил практический импульс для становления Кембриджской школы.

§ 1.2.3. Кризис политической философии

Кризис, обозначенный Ласлеттом, был прежде всего связан с традиционным подходом к изучению истории политической мысли. С одной стороны, данный подход заключался в том, чтобы использовать в качестве единственного подходящего инструмента поиска в истории политической мысли «великие» (основные, классические, канонические) тексты прошлого. Этот канон «первостепенных» текстов необходимо было изучить, а остальные источники – второстепенные – исключить и отбросить. Исследователям было достаточно в качестве «предлога для самовыражения и обсуждения современных вопросов»¹⁰¹ прочитать «канон» основных работ политической мысли и транслировать их, в лучшем случае выразив себя в качестве переводчика.

С другой стороны, сосредоточенность традиционного подхода на корпусе классических текстов и чтении исключительно «великих» политических мыслителей была основана на распространенном убеждении,

для того, чтобы указать на его [Ласлетта] роль первооткрывателя: сам Ласлетт, работавший в Оксфорде, не был так одержим методологией, что характерно для ранних работ его младших коллег-последователей». (Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 279.)

¹⁰⁰ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 279.

¹⁰¹ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 18.

будто социальные и политические теоретики имеют дело с одними и теми же идеями. Предполагалось, что между классиками политической мысли существует как бы внутренняя связь и непрерывность концептуальной дискуссии, как если бы великие умы в истории философии – например, Платон, Фома Аквинский, Макиавелли, Лютер, Гоббс, Кант и Гегель – были связаны между собой тем или иным образом, работая над общим проектом и рассматривая друг друга в качестве его соавторов. Так возникла догма, согласно которой тексты «великих» авторов политической мысли воплощают в себе некие «вечные» идеи и имеют дело с «многолетними» проблемами и вопросами организации политической и общественной жизни, а потому как объекты политической мысли эти тексты характеризовались как «вневременные» элементы «вечной» мудрости, как универсальные, общечеловеческие и действительные идеи с универсальным применением.

Подобное «неисторическое» чтение политических мыслителей приводило к неправильным интерпретациям и анахронизмам¹⁰², что сыграло свою роль в кризисе политической науки. В этих условиях исследователи начали разрабатывать новые методы работы с историей политической мысли. Так, в Германии была предпринята попытка развить новый подход к изучению основ, проблем и перспектив политических теорий: Иоахим Риттер, Райнхарт Козеллек и Рольф Рейнхардт работали под общим брендом «Begriffsgeschichte» (История понятий). Однако это направление исследований еще не было оформлено как субдисциплина политической науки. Даже те подходы к исследованию социально-политических идей, которые применялись в других областях научного знания и в других странах, не совсем соответствовали запросам политической науки как таковой¹⁰³.

Ситуация начала меняться с появлением новых методологических разработок в исследовании политических идей, которые были предложены

¹⁰² Подробнее об этом в последней главе.

¹⁰³ См.: Asbach O. Von der Geschichte politischer Ideen zur «History of Political Discourse». Skinner, Pocock und die «Cambridge School» // Zeitschrift für Politik. 2002. № 12 (2). P. 638.

основоположниками Кембриджской школы. Эта группа исследователей – Покок, Скиннер и ранее Данн – пыталась разработать новый метод изучения политической мысли, который стал бы альтернативой устоявшейся антиисторической традиции истории идей. Вслед за Ласлеттом они пытались переосмыслить и обосновать свои методологические принципы, критикуя предыдущие формы изучения политических идей. Кембриджцы предположили, что содержание и значение политических теорий и аргументаций не может быть понято само по себе (из самих себя), т.е. путем анализа проблем, внутренней структуры, рациональности и последовательности рассуждений. Взяв на вооружение контекстуалистский подход Ласлетта к исследованию политической мысли они начали применять его в противовес традиционному подходу.

Так, благодаря исследованиям Ласлетта начало формироваться то, что получило название «контекстуализм» – по сути синоним подхода Кембриджской школы, который в дальнейшем стали применять для ее обозначения. В результате в Кембридже сформировалась новая школа интеллектуальной истории с теоретико-методологическим подходом к изучению политической мысли. Их оригинальным методом исследования удовлетворяли запросам политической науки своего времени и нашли отклик в первую очередь среди политических теоретиков. При этом каждый из основоположников применял этот подход по-своему: Скиннер фокусировался на намерениях автора, Покок рассматривал политические языки, а Данн был сосредоточен на биографиях.

Здесь стоит отметить, что для становления Кембриджской школы был важен еще один источник, – английский историк Робин Коллингвуд¹⁰⁴, который полагал, что история, в конечном счете, есть история мышления, а потому нужно попытаться задуматься над мыслями авторов прошлого, чтобы

¹⁰⁴ Коллингвуд не был обозначен наравне с Ласлеттом и Остином в качестве импульса, из которого возникла Кембриджская школа, поскольку последние были важны для всех основоположников школы, в то время как Коллингвуд – только для Скиннера. Подробнее о влиянии идей Коллингвуда на Скиннера речь пойдет в следующем параграфе.

представлять их намерения¹⁰⁵. Призыв Коллингвуда был услышан прежде всего Скиннером, который в итоге пришел к коллингвудовскому заключению, что необходимо описывать историю идей в конкретных исторических ситуациях и искать ответы на конкретные проблемы, а также интерпретировать философский текст, рассматривая его как ответ на конкретный набор вопросов¹⁰⁶. Так, ориентируясь Коллингвуда, Скиннер, проделал с Томасом Гоббсом примерно то же, что Ласлетт – с Филмером и Локком. В итоге Скиннер, по сути, разработал свой оригинальный подход к изучению истории политической мысли.

В следующих параграфах данной главы мы подробно остановимся на том, как Скиннер и его коллеги разрабатывали свои подходы, рассмотрим их особенностях, основные работы и идеи, а также отметим общие черты, которые дают основание говорить об общей методологической программе школы.

§ 1.3. Основные работы и идеи Квентина Скиннера

Квентин Скиннер (Quentin Robert Duthie Skinner, р. 1940 г.) – историк ранней европейской политической мысли последнего поколения и классик мировой историографии. Его работы и идеи являются предметом широких дискуссий в различных научных областях гуманитарного знания и получили высокую оценку со стороны большого числа ученых. Не будет преувеличением назвать его самым известным, влиятельным и цитируемым представителем Кембриджской школы (в том числе и в России). Скиннер был удостоен отдельной биографии, написанной финским политическим

¹⁰⁵ См.: Mulsow M., Mahler A. Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte. Berlin: Suhrkamp, 2010. S. 8.

¹⁰⁶ Ласлетт в своем подходе тоже следовал подобной логике вопросов-ответов, однако давал этому лишь теоретическое описание. См.: Fear Ch. The question-and-answer logic of historical context // History of the Human Sciences. 2013. Vol. 26. Iss. 3. P. 68–81.

философом Кари Палоненом¹⁰⁷, а его самой знаменитой работе «Истоки современной политической мысли»¹⁰⁸ был посвящен отдельный сборник¹⁰⁹.

Для общего ознакомления с исследовательской позицией Скиннера, достаточно обратиться к изданию 2002 г. под названием «Видение политики» (*Visions of Politics*)¹¹⁰, которое представляет собой трехтомное собрание сочинений Скиннера, куда вошли его ключевые работы, важные для понимания его основных научных концепций и методологии.

Поскольку подходу Скиннера будет уделено наибольшее внимание в данном исследовании, рассмотрим сначала подробно то, как он начинал свои исследования. Мы опишем его основные исторические и методологические работы, разберем становление и главные особенности его подхода, а затем перейдем к остальным основоположникам Кембриджской школы.

§ 1.3.1. Квентин Скиннер как интеллектуальный историк, политический теоретик и философ

Для того чтобы лучше понять вклад Скиннера в методологию Кембриджской школы, рассмотрим его академическую биографию. Академический путь Скиннера начинается в 1959 г., когда он поступил в

¹⁰⁷ См.: Palonen K. *Quentin Skinner: history, politics, rhetoric*. Cambridge: Polity Press, 2003. 216 p.

¹⁰⁸ См.: Скиннер Кв. *Истоки современной политической мысли*: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 464 с.; Скиннер Кв. *Истоки современной политической мысли*: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 564 с.

¹⁰⁹ См.: *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 310 p. Подробнее о сборнике в последней главе.

¹¹⁰ См.: Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 225 p.; Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 225 p.; Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 2: Renaissance Virtues*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 478 p.; Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 3: Hobbes and Civil Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 406 p. Особое внимание следует обратить прежде всего на первый том. Он представляет собой результат многолетнего труда Скиннера и объединяет ряд эссе, опубликованных в разное время как статьи в коллективных трудах или специализированных журналах, в которых историк сформулировал основы своей методологической программы интеллектуальной истории и предложил анализ ее основных аргументов.

колледж Гонвилл-энд-Киз Кембриджского университета, а через три года, сразу после окончания университета, Скиннер был принят в него в качестве преподавателя истории в колледже Христа¹¹¹. В то время бакалавры могли сразу приступать к собственным исследованиям без докторской степени, чем Скиннер и воспользовался. Свои исследования он в основном проводил в Кембриджском университете (Великобритания), а также в США, прежде всего в Институте передовых исследований в Принстоне с 1974 по 1978 год, когда тот был активной средой для известных историков идей. Так, Принстон стал одной из платформ наработок методологии Скиннера. То есть университет был очередной предпосылкой становления Кембриджской школы, но этот факт часто остается без внимания¹¹². Позже широкий научный вклад Скиннера получил особое признание в Кембриджском университете: в 1978 г. в возрасте 37 лет Скиннер стал там профессором политологии, а в период с 1996 г. по 2008 г. носил почетное звание профессора современной истории («Regius Professor»). В настоящее время Скиннер является профессором гуманитарных наук и содиректором Центра изучения истории политической мысли в колледже Королевы Марии Лондонского университета, а также почетным членом вышеупомянутых колледжей¹¹³.

Изначально при выборе профессии Скиннер колебался между философией и историей, но в итоге выбрал вторую перспективную область исследований. Позже, в 2004 г., в одном из интервью Скиннер выразил неловкость при ответе на вопрос о том, как он определяет дисциплинарную область своих исследований. Вопрос этот, как он выразился, «трудный», поскольку он себя чувствует больше историком, чем кем-либо еще, хотя также изучал и преподавал философию. Как сказал сам Скиннер: «Короче говоря,

¹¹¹ См.: Weymans W. Een nieuwe les van de geschiedenis // Karakter: tijdschrift van wetenschap. 2003. Vol. 1. Iss. 4. P. 18.

¹¹² См.: Mulsow M., Mahler A. Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte. Berlin: Suhrkamp, 2010. S. 7.

¹¹³ См.: Centre for the History of Political Thought // People. Co-directors. Professor Quentin Skinner - CV. URL: <https://projects.history.qmul.ac.uk/hpt/wp-content/uploads/sites/7/2015/04/Quentin-Skinner-CV-.pdf> (дата обращения: 18.01.2021).

если бы я суммировал то, что я делаю, я бы сказал, что я работаю на стыке между интеллектуальной историей и политической философией»¹¹⁴. На самом деле интересы Скиннера гораздо шире: он объединяет в себе интеллектуального историка, политического теоретика и философа. Он пытается применить свои знания в каждом из этих направлений на пути достижения единой исследовательской задачи. Например, как философ Скиннер сосредоточен на политических идеях, а как историк фокусируется на контексте, пытаясь объединить эти акценты. Вместе с тем Скиннера следует рассматривать «автономно» в каждом из этих исследовательских направлений, поскольку сам он старается разделять их, «не принося в жертву одно другому»¹¹⁵ и не позволяя своим взглядам скомпрометировать друг друга.

Благодаря методологической строгости Скиннера исследователи характеризуют его как оригинального ученого с глубокими для историка знаниями в философии и политической теории, который тщательно работает с источниками на разных языках. В своих исследованиях Скиннер обращается к широкому спектру подходов и направлений гуманитарной науки, что еще больше характеризует индивидуальность его подхода. В разной степени Скиннер испытал влияние исторических исследований Робина Коллингвуда, истории искусства Эрнста Гомбриха, истории науки и теории парадигм Куна, а также работ по политической теории Исая Берлина, Майкла Оукшотта и Ханны Арендт и др. В не меньшей степени Скиннер использует для формирования «каркаса»¹¹⁶ своего подхода труды по аналитической философии, позаимствовав идеи из философии языка позднего Витгенштейна,

¹¹⁴ Skinner Q. Concepts only have history // Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

¹¹⁵ Alexander J. The Cambridge School, circa 1875 to 1975 // History of Political Thought. 2016. No. 37. P. 373.

¹¹⁶ Рихтер М. Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 358–359.

Остина и пр.¹¹⁷. Кроме того, Скиннер обращается к антропологии Клифорда Гирца, «археологии знания» Фуко, «генеалогии морали» Ницше¹¹⁸ и «антифундаментализму» Ричарда Рорти (в ранних работах). Также у него часто встречаются критические отсылки в адрес Чарльза Тейлора, Хиллари Патнэма, Поля Рикера, Жака Деррида и других известных философов. Особое влияние на Скиннера в первые годы его карьеры оказали историки политической мысли Джон Покок, рассматриваемый нами ранее Питер Ласлетт, а также Робин Коллингвуд.

Еще в период студенчества Скиннера Ласлетт опубликовал¹¹⁹ ставшее классическим издание «Два трактата о правлении»¹²⁰ Локка. Это было в методологическом плане очень важным событием для Скиннера, т.к. Локк был представлен совершенно иным и оригинальным для тех времен образом: основателем либерализма. Также в 1957 г. была издана работа Покока под названием «Древняя Конституция и феодальное право»¹²¹, где он показал, как после событий в Англии XVI в. исторический подход остался в стороне и в последующие века был заменен философским.

Под влиянием этих открытий Скиннер стремился лучше понять ключевые исторические и философские вопросы и концепции политической теории. Среди них он выделил концепции государства, представительства и демократии, но особенно его интересовала свобода как одна из ключевых концепций достоинства и ценности человека. Стремясь выработать более-менее четкое определение свободы Скиннер пришел к ницшеанскому

¹¹⁷ В первом томе сборника «Visions of Politics» мы также видим отсылки Скиннера к анализу теорий языка Сёрля, Куайна, Дэвидсона и Грайса. См.: Skinner Q. *Visions of Politics*. Vol. 1: *Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 225 p.

¹¹⁸ Лэмб, например, ставит под сомнение влияние Фуко и Ницше на Скиннера. См.: Lamb R. *Recent Developments in the Thought of Quentin Skinner and the Ambitions of Contextualism* // *Journal of the Philosophy of History*. 2009. № 3 (3). P. 257.

¹¹⁹ См.: Laslett P. *Introduction* // *John Locke. Two Treatises of Government* / Ed. P. Laslett. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. 289 p.

¹²⁰ См.: Локк Дж. *Два трактата о правлении* М.; Челябинск: Социум, 2019. 482 с.

¹²¹ См.: Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law: A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 424 p.

заклучению из «Генеалогии морали», согласно которому «у концепций, имеющих историю, не может быть определений»¹²², а такие концепции, как свобода и государство имеют длительную историю, полную попыток дать им определения, которые затем активно оспаривались¹²³. Как интеллектуальный историк Скиннер видел свою задачу в том, чтобы точно «реконструировать размышления прошлого» об этих концепциях в их «собственных терминах»¹²⁴. Хотя Скиннер признает, что подобные попытки полны искажений, обусловленных отличием современных взглядов, он остается убежден, что интеллектуальный историк должен стремиться выявить, какие цели преследовали авторы. Другими словами, он должен попытаться «увидеть пути, по которым мы не пошли»¹²⁵.

Пытаясь осуществить эту задачу Скиннер начинает исследовать историю ключевых концепций политической теории и выстраивать их генеалогию. Поскольку для Скиннера генеалогия – это всегда критика, то

¹²² Skinner Q. A Genealogy of Liberty by Quentin Skinner – Lecture Transcript / as part of Harry Camp Memorial Lectures at Stanford Humanities Center, October 27, 2016. URL: <https://cluelesspoliticalscientist.wordpress.com/2017/01/27/a-genealogy-of-liberty-by-quentin-skinner-lecture-transcript/> (дата обращения: 12.02.2020).

¹²³ Здесь и далее мы будем говорить не просто о таких словах, терминах, понятиях как свобода и государство, а о концепциях, как это делают Скиннер и его коллеги. Забегая немного вперед, отметим, что для Скиннера в этом плане важно следующее: «если мы хотим понять, как кто-то видит мир – какие различия он проводит, какие классификации он принимает, – нам нужно знать не то, какие слова он использует, а скорее то, какими концепциями он обладает» (Skinner Q. The Idea of Cultural Lexicon // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 159). С другой стороны, термины «идея» и «концепция» у Скиннера в основном выступают синонимами, но последний у него значительно отличается от того, как его понимают в истории идей – прежде всего как лавджоевскую «идею-единицу». Наконец, Скиннер не видит заметного различия между терминами «concept» и «conception», которые, например, разделяют Роулз и его сторонники. Отсутствие необходимости по-разному переводить эти два термина несколько облегчает нам задачу. (См.: Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 50–51, 89–91; Skinner Q. Interpretation and Understanding of Speech Acts // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 125.)

¹²⁴ Skinner Q. A Genealogy of Liberty by Quentin Skinner – Lecture Transcript / as part of Harry Camp Memorial Lectures at Stanford Humanities Center, October 27, 2016. URL: <https://cluelesspoliticalscientist.wordpress.com/2017/01/27/a-genealogy-of-liberty-by-quentin-skinner-lecture-transcript/> (дата обращения: 12.02.2020).

¹²⁵ Ibid.

помещая эти ключевые концепции в исторический контекст Скиннер тем самым подвергает критике их концептуальный анализ¹²⁶ и выделяет несколько путей зарождения, казалось бы, одних и тех же концепций, используемых для организации социальной реальности. Скиннер считал такой способ единственно верным для их понимания, и эта убежденность определяла в дальнейшем его исследования¹²⁷.

Ключевыми историческими периодами для своих исследований Скиннер выбрал XIV–XVIII вв., никогда не переходя за пределы XIX столетия, поскольку именно в этом промежутке он видел наибольший контраст для применения своего подхода. В начале 1970-х Скиннер решил написать книгу, которая проиллюстрирует его философскую позицию. Так начинается исследовательская программа, длящаяся более двадцати лет, в ходе которой в 1978 г. увидела свет самая известная работа Скиннера под названием «Истоки современной политической мысли»¹²⁸. В этой двухтомной монографии Скиннер предложил новую практику исследований истории политической мысли, которая прочно интегрировалась в историческую науку и продолжает набирать популярность по сей день. Однако главная цель Скиннера в его работе заключалась не в том, чтобы описать новый метод, хотя и это ему неумышленно удалось. На самом деле Скиннер пытался прежде всего продемонстрировать несколько выводов своего исследования, которые мы затронем далее.

¹²⁶ Историк Сэм Уолтон отмечает, что генеалогия имеет не только критический аспект, но и «терапевтический», в том смысле, что критика концептуального анализа необходима; он также отмечает «назидательный» аспект, который «заключается в осторожном и сдержанном изложении своей точки зрения». (Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation). P. 27. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).)

¹²⁷ См.: Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

¹²⁸ См.: Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 464 с.; Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2. Эпоха Реформации. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 564 с.

«Истоки» были сосредоточены на политической мысли с конца XIII до конца XVI веков – решающем переходном периоде между Средневековьем и современностью. Скиннер тщательно исследует главные тексты указанного периода, в частности основные политические труды Данте, Марсилия Падуанского, Макиавелли, Эразма, Лютера, Кальвина и др., уделив при этом внимание большому количеству менее известных авторов. Первый ключевой вывод Скиннера в «Истоках» заключался в том, что история упомянутого перехода – это прежде всего история современной концепции государства. Этот вывод подтолкнул Скиннера заняться генеалогией концепции государства. Вместе с тем, эти исследования были неразрывно связаны с поисками особого понимания свободы, поскольку то, что мы о ней думаем – это вместе с тем и фундаментальный вопрос теории государства. Если в исследованиях по генеалогии свободы Скиннер обращает особое внимание на работы Гоббса и Локка, то для понимания истории происхождения концепции государства он решил обратиться к рассуждениям (Discorsi)¹²⁹ Макиавелли. В результате Скиннер пришел к выводу, что эти концепции представляют очередные пути, которые обошла Англия, поскольку англоязычные философы от них отказались¹³⁰.

Мы не будем подробно останавливаться на каждом генеалогическом исследовании Скиннера, а рассмотрим лишь то, что заслуживает особого внимания в контексте нашего исследования – генеалогию свободы, поскольку именно эту концепцию Скиннер подверг наиболее тщательной проверке, а также по причине ее актуальности в современных политических и социально-философских дебатах. Кроме того, понимание генеалогии Скиннера

¹²⁹ См.: Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М.: Пан Пресс, 2020. 471 с.

¹³⁰ См.: Скиннер Кв. The State // Понятие государства в четырех языках: сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во Европейского университета, Летний сад, 2002. С. 12–74; Skinner Q. A Genealogy of the Modern State // Proceedings of the British Academy. 2009. Vol. 162. Lectures (2008). P. 325–370; Skinner Q. A Genealogy of the State – Lecture Transcript // Presented at: Nicholas D. Chabraja Center for Historical Studies, Northwestern November 9, 2011. URL: <https://cluelesspoliticalscientist.wordpress.com/2017/05/18/a-genealogy-of-the-state-by-quentin-skinner-lecture-transcript/> (дата обращения: 12.02.2020).

необходимо для работы с двумя другими основными темами в его исследованиях – риторикой и «идеологией»¹³¹.

§ 1.3.2. Генеалогия свободы и ревитализация республиканизма

Особый взгляд Скиннера на свободу начинает формироваться в его исследованиях политической мысли Гоббса и Локка, которые подтолкнули его еще глубже и подробнее разобраться в этой концепции. Гоббс представляет для Скиннера большой интерес по нескольким причинам. Во-первых, Скиннер выбрал его в качестве основного примера потому, «что в английской традиции он является самым архитектурным из всех политических теоретиков, и обычно считалось, что он стоит особняком от дебатов своего времени»¹³². Во-вторых, Гоббс заинтересовал Скиннера как теоретик государства (state) – еще слабо развитого элемента политической теории того времени. Помимо этого, Скиннер также заинтересовался гоббсовским пониманием представительства (representation). Гоббс отвергал общепринятый в наше время взгляд на представительство. Наконец, Гоббс представил революционную для своего времени идею, заключающуюся в понимании свободы¹³³.

Скиннер прослеживает развитие идей о свободе и идентифицирует ее появление в наиболее конкретной формулировке в самой известной работе Гоббса «Левиафан»¹³⁴. Так Гоббс стал точкой отсчета в скиннеровской генеалогии свободы. Суть гоббсовского понимания свободы заключается в следующем. Прежде всего, он настаивает на том, что свобода не может означать ничего, кроме отсутствия вмешательства (interference) внешних сил

¹³¹ Подробнее об этом во второй главе.

¹³² См.: Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

¹³³ См.: Skinner Q. What Intellectual History Teaches Us: A Conversation with Quentin Skinner (The Governance Podcast Ep6) // Centre for the Study of Governance & Society, July 10th, 2018. URL: <https://csgs.kcl.ac.uk/podcast/what-intellectual-history-teaches-us-a-conversation-with-quentin-skinner/> (дата обращения: 12.02.2020).

¹³⁴ См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб.: Азбука, 2020. 704 с.

(external agencies) в действия человека, а также наличие у него силы/власти (power) эти действия совершить. Причем объективное отсутствие способности (inability) совершить определенные действия не является вмешательством в свободу¹³⁵.

Следуя логике Гоббса, если человек, например, подчиняется закону из страха последствий его нарушения, речь не идет о принуждении (coercion) со стороны внешних сил, поскольку, человек всегда свободен не подчиниться несмотря на «вмешательства в волю» (coercion of the will). Скиннер пытается проиллюстрировать абсурдность этой логики, используя популярный пример из ранней современной философии, который, например, приводит Локк. Речь идет о ситуации, когда на человека направлено оружие и ему предоставлен выбор: деньги или жизнь. С точки зрения Локка, здесь нет никакой альтернативы, хотя человек теоретически может выбрать отдать свою жизнь, чего в действительности в здравом уме никогда не сделает и поэтому остается несвободным. Для Гоббса же достаточно наличия выбора, хотя и чисто теоретического. Таким образом, определение концепции вмешательства/принуждения у Гоббса остается нечетким, поскольку тот ничего подробно о ней больше не сказал¹³⁶.

Интерес Скиннера к политическим идеям Возрождения впоследствии подтолкнул его к исследованиям других концепций свободы. Он видел, что на тему свободы «в современной политической философии проделана большая работа»¹³⁷, однако обнаружил, что были «забыты» некоторые понимания этой концепции. В попытке найти и обосновать особое, однако забытое понимание

¹³⁵ См.: Skinner Q. A Genealogy of Liberty by Quentin Skinner – Lecture Transcript / as part of Harry Camp Memorial Lectures at Stanford Humanities Center, October 27, 2016. URL: <https://cluelesspoliticalscientist.wordpress.com/2017/01/27/a-genealogy-of-liberty-by-quentin-skinner-lecture-transcript/> (дата обращения: 12.02.2020).

¹³⁶ Разве что Гоббс привел четыре примера подавления воли (to bend the will): угроза, обещание, предложение, взятка. Для Скиннера эти примеры сомнительны (особенно последний), поскольку не дают ответа на вопрос о том, что конкретно можно считать подавлением воли, и какова должна быть ее степень, чтобы считаться вмешательством в свободу. (Ibid.)

¹³⁷ Ibid.

свободы, Скиннер обращается к работе английского философа и историка идей Исайи Берлина под названием «Две концепции свободы» («Two Concepts of Liberty») ¹³⁸, в которой тот обозначил «позитивную» и «негативную» концепции свободы. Суть этой идеи состоит в том, что позитивная свобода означает отсутствие вмешательства в действия человека, в то время как негативная «закрывающаяся в простом отсутствии ограничений и запретов на совершение действий, которые можно пожелать или предпочесть совершить» ¹³⁹. Данное разграничение стало предметом обширных дискуссий, продолжающихся по сей день, не обходя внимание Скиннера, который часто ссылается на идею Берлина ¹⁴⁰ в своих лекциях ¹⁴¹.

В 1998 г. вышел небольшой сборник лекций Скиннера под названием «Свобода до либерализма» ¹⁴², где один из главных тезисов – это «неоримская»

¹³⁸ Опубликованная в 1958 г., эта работа представляет собой лекцию Берлина, прочитанную им в Оксфордском университете 31 октября того же года. Текст позднее был опубликован Оксфордским издательством в виде 57-страничной брошюры, а также появился в сборнике статей Берлина 1969 г. под названием «Четыре эссе о свободе» (См.: Берлин И. Четыре эссе о свободе. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1992. 395 с.) и был впоследствии переиздан в сборнике «Свобода» в 2002 г. (См.: Berlin I. Liberty: Incorporating «Four Essays on Liberty». New York: Oxford University Press, 2002. 416 p.).

¹³⁹ Skinner Q. A Genealogy of Liberty by Quentin Skinner – Lecture Transcript / as part of Harry Camp Memorial Lectures at Stanford Humanities Center, October 27, 2016. URL: <https://cluelesspoliticalscientist.wordpress.com/2017/01/27/a-genealogy-of-liberty-by-quentin-skinner-lecture-transcript/> (дата обращения: 12.02.2020).

¹⁴⁰ Скиннер делает это с целью оспорить «историю идей» и сам подход к ней Берлина. Другой основоположник Кембриджской школы – Джон Данн, отмечает, что вклад Берлина в историю политической мысли незначителен и сам он является в этой области скорее поверхностным философом. При этом Данн не отрицает достоинств Берлина как очень грамотного историка с большими познаниями об интеллектуалах прошлого, но обращает внимание на то, что «в политическом смысле у него не было ни одной идеи, которая могла бы иметь хоть какое-то значение. Таким образом, у Исайи Берлина не было своего подхода к истории политических идей». (См.: Данн Д. Политическая философия – будущее человечества // Русский журнал. 17.05.2009. URL: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskaya-filosofiya-buduschee-chelovechestva> (дата обращения: 20.02.2020))

¹⁴¹ По сути, изложенный здесь порядок генеалогии свободы следует той логике, которой придерживается Скиннер в своих публичных лекциях на тему «Генеалогия свободы». В данном источнике можно найти детальное графическое описание этой генеалогии. (См.: Skinner Q. A Genealogy of Liberty by Quentin Skinner – Lecture Transcript / as part of Harry Camp Memorial Lectures at Stanford Humanities Center, October 27, 2016. URL: <https://cluelesspoliticalscientist.wordpress.com/2017/01/27/a-genealogy-of-liberty-by-quentin-skinner-lecture-transcript/> (дата обращения: 12.02.2020))

¹⁴² См.: Скиннер Кв. Свобода до либерализма. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 120 с.

(неороман)/республиканская¹⁴³ концепция свободы. Начиная с исследований, изложенных в этой работе, Скиннер активно сравнивает и противопоставляет неоримскую концепцию свободы либеральной. Последняя была основана на упомянутом ранее гоббсовском понимании свободы¹⁴⁴ и затем подхвачена либеральными мыслителями. Эта линия понимания свободы длится вплоть до наших дней, захватив современный политический дискурс¹⁴⁵.

В современной форме либеральная концепция в целом соответствует негативной свободе, описанной Берлином, поскольку рассматривает внешнее принуждение как единственную угрозу свободе. Конечно, свобода в неоримском понимании не отрицает необходимости отсутствия вмешательства внешних сил. Как отмечает Скиннер, неоримские авторы «не имеют ничего против» негативной концепции свободы в формулировке, соответствующей анализу Бентама¹⁴⁶, который утверждал, что «присутствие

¹⁴³ Скиннер часто, особенно в своих публичных лекциях, называет это понимание свободы «республиканским», но предпочитает называть его неоримским, поскольку в этом случае оно имеет меньшую нормативную нагрузку. Республиканской эту свободу назвал философ Филип Петтит в своей классической работе 1997 г. под названием «Республиканизм» (См.: Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 288 с.), изданной незадолго до публикации «Свободы до либерализма» Скиннера в 1998. Петтит, как известно, оказал большое влияние на Скиннера и в течение многолетнего знакомства они обменивались своими взглядами на республиканизм (См.: Skinner Q. What Intellectual History Teaches Us: A Conversation with Quentin Skinner (The Governance Podcast Ep6) // Centre for the Study of Governance & Society, July 10th, 2018. URL: <https://csgs.kcl.ac.uk/podcast/what-intellectual-history-teaches-us-a-conversation-with-quentin-skinner/> (дата обращения: 12.02.2020)). Скиннер использует термин «республиканизм» «только в отношении тех антимонархических авторов, которые отрицают какую-либо политическую роль монарха». (Geuna M. Skinner, pre-humanist rhetorical culture and Machiavelli // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 70.)

¹⁴⁴ Скиннер относит Гоббса к либеральному пониманию свободы, однако то, что он «приравнивает Гоббса к “либерализму” также вызывает вопросы у многих историков». (Weymans W. Een nieuwe les van de geschiedenis // Karakter: tijdschrift van wetenschap. 2003. Vol. 1. Iss. 4. P. 19.)

¹⁴⁵ Следует учитывать, что речь здесь идет прежде всего об английской традиции понимания свободы.

¹⁴⁶ Скиннер описывает два принципиально противоположных способа подавления воли, которые различал Бентам: обещание вознаграждения за подчинение и угроза наказанием за неподчинение внешним силам. Только второй способ Бентам считает принуждением, и только до тех пор, пока выполняются три условия: угроза должна быть реальной (credible), чтобы ее можно было избегать; она должна быть достаточно серьезной (serious), чтобы ее при этом стоило избегать; наконец, она должна быть сиюминутной (immediate), чтобы была очевидна ее неизбежность. (Skinner Q. A Genealogy of Liberty by Quentin Skinner – Lecture

[свободы] всегда отмечено отсутствием чего-то, а именно отсутствием какой-то меры ограничения или сдерживания»¹⁴⁷. Однако этого недостаточно для свободы и понимать ее только так значит понимать поверхностно. Получается, что человек свободен, потому что никто не вмешивается в его жизнь, будь то физически либо посредством угрозы. Такое понимание свободы сегодня является для нас естественным, однако в свое время оно было революционным.

Согласно Скиннеру концепция, разработанная неоримскими политическими мыслителями (Джон Милтон, Джон Нидхем, Джон Холл, Джеймс Харрингтон, Уолстонкрафт, Мэри Уолстонкрафт, Джон Стюарт Миль, Эджернон Сидней, Марчмонт Нидхэм, Фрэнсис Осборн и др.) фундаментально отличается от либеральной и способно успешно с ней конкурировать. Главное отличие здесь заключается в том, что свобода в неоримском понимании исключает всякое вмешательство со стороны внешних сил и зависимость от их произвола.

С точки зрения неоримской концепции ошибка философов либерализма заключается прежде всего в том, что они неверно выбрали антоним свободы, а именно вмешательство, принуждение. Ограничение свободы может быть вызвано не только вмешательством, но и зависимостью во всех ее формах от внешней воли, а это состояние может быть и в отсутствие вмешательства или угрозы такового. Быть несвободным значит быть зависимым от чужой воли, а жить в состоянии зависимости согласно неоримской концепции уже само по себе является источником и формой ограничения¹⁴⁸. Это в свою очередь означает быть не просто ограниченным в свободе, а вовсе ее не иметь, поскольку зависимость порождает ограничения для осуществления ряда гражданских прав. Таким образом, в либеральной концепции свободы

Transcript / as part of Harry Camp Memorial Lectures at Stanford Humanities Center, October 27, 2016. URL: <https://cluelesspoliticalscientist.wordpress.com/2017/01/27/a-genealogy-of-liberty-by-quentin-skinner-lecture-transcript/> (дата обращения: 12.02.2020)).

¹⁴⁷ Скиннер Кв. Свобода до либерализма. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 74.

¹⁴⁸ Там же. С. 75.

«совершенно упускается из виду то, что критически важно для теории свободы, а именно то, что фундаментальный антоним свободы – это не вмешательство или принуждение, а зависимость»¹⁴⁹.

Либеральное понимание свободы противопоставляет свободу закону, который ее ограничивает¹⁵⁰. Неоримское понимание свободы бросает ему вызов и утверждает прямо обратное: свобода не противопоставляется закону, ведь это не только состояние, но и законный статус, поскольку, чтобы быть свободными от произвола, необходимо, чтобы свобода была закреплена законом. Таким образом, человек свободен настолько, насколько его независимость защищена законом.

Скиннер часто описывает суть неоримской концепции свободы на примере римского права, которое строго определяло граждан субъектами закона, противопоставляя их рабам, которые этим статусом не обладали. Соответственно, граждане были по определению свободны, а рабы нет. Фундаментальное отличие между ними – наличие/отсутствие хозяина: «гражданин может быть беднее, чем раб, или может быть в очень тяжелых обстоятельствах, или может иметь всевозможные трудности, которых нет у раба с добрым хозяином, но факт остается фактом: у раба есть хозяин»¹⁵¹. То же касается и жителя колонии, но в менее явной форме, поскольку он с большей вероятностью может всю жизнь прожить при отсутствии чужого вмешательства, однако это не отменяет факта зависимости этого человека и его сограждан от чужой воли. Отсутствие вмешательства здесь может быть попросту результатом везения и доброй воли хозяина, чья власть, тем не

¹⁴⁹ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

¹⁴⁹ Ibid.

¹⁵⁰ См.: Бугров К.Д. Республика/революция: Гражданская добродетель в политической истории России Засулич // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 576.

¹⁵¹ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

менее, не отменяется. «Ужас рабства в том, – заключает Скиннер. – Что никогда не знаешь, все ли будет хорошо, тогда как статус свободного человека заключается в том, что он или она имеет независимую волю»¹⁵².

Наконец, согласно неоримскому пониманию, индивидуальная свобода возможна лишь в политическом сообществе.¹⁵³ Можно возразить, что подобное обязательство участвовать в общественной жизни как раз является вмешательством в свободу. Однако это крайняя, необходимая и общеприемлемая мера, поскольку если граждане не будут участвовать в политической жизни и принимать собственные законы, это обязательно приведет к утрате свободы (коллективной и индивидуальной) и зависимости от внешних сил, ведь без закона всегда существует реальная угроза. В конце концов, «лучше полагаться на строгие самодельные законы, чем на человеческий произвол»¹⁵⁴. Таким образом, республиканская свобода основана на тесной связи коллективной и индивидуальной свобод.

Гоббсовское понимание игнорирует связь коллективной и индивидуальной свобод. Гоббс считал свободу данной человеку по природе, в то время как законы лишь ограничивают ее. Из таких взглядов на свободу вытекает и понимание государства. Для Гоббса это «независимое абстрактное юридическое лицо, отделенное как от правителей, так и от народа. Такое государство (“Левиафан”) больше не нуждается в гражданском участии»¹⁵⁵. Подобный взгляд на концепцию государства сохранился и доминирует в современном политическом дискурсе подобно либеральному пониманию свободы. В общем, между либеральной и неоримской концепциями возникает пропасть, образованная различием в понимании и интерпретации закона, свободы, вмешательства в нее, а также зависимости.

¹⁵² Ibid.; см. также: Скиннер Кв. Свобода до либерализма. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 120 с.

¹⁵³ Weymans W. Een nieuwe les van de geschiedenis // Karakter: tijdschrift van wetenschap. 2003. Vol. 1. Iss. 4. P. 18.

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Ibid.

Итак, мы рассмотрели два взгляда на понимание свободы, описанные Скиннером, а также увидели, как республиканская концепция свободы была вытеснена либеральной и как эта проблема становится одной из ключевых в исследованиях Скиннера. Благодаря его генеалогическим исследованиям мы можем понять, как разворачиваются «дискуссии» авторов, когда они выдвигают относительно концепций собственную интерпретацию и пытаются опровергнуть другие. Такой подход демонстрирует существование множественности традиций понимания концепций и их интерпретаций, позволяя выявить отличия между на первый взгляд схожими концепциями.

Скиннер подчеркивал огромное значение республиканской концепции свободы для понимания современного мира, поскольку забыть и отказаться от нее было «одной из великих идеологических ошибок»¹⁵⁶. Скиннер был сильно удивлен тем, насколько активно политики США и Великобритания рассуждают о свободе и отстаивают ее как ключевую ценность, будучи далекими от понимания сделанного выбора¹⁵⁷. Призывая исправить эти ошибки и возродить непройденный республиканский путь через дискуссии о свободе и государстве, Скиннер тем самым сделал большой вклад в политическую и социальную философию Англии¹⁵⁸.

Можно задаться вопросом: зачем вообще изучать прошлое? Стоит ли о нем беспокоиться? И что плохого в том, что сегодня мы мыслим иначе? Скиннер дает следующий ответ: «...с моральной точки зрения причина

¹⁵⁶ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

¹⁵⁷ См.: Skinner Q. A Genealogy of Liberty by Quentin Skinner – Lecture Transcript / as part of Harry Camp Memorial Lectures at Stanford Humanities Center, October 27, 2016. URL: <https://cluelesspoliticalscientist.wordpress.com/2017/01/27/a-genealogy-of-liberty-by-quentin-skinner-lecture-transcript/> (дата обращения: 12.02.2020).

¹⁵⁸ См. напр.: Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation). P. 32. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).

беспокойства о прошлом заключается в том, что ему есть, что нам сказать»¹⁵⁹. Обращение к текстам прошлого дает нам возможность обнаружить различные способы и традиции мышления, которые впоследствии могли быть утрачены. И чтобы мы могли использовать эту информацию, необходимо исправить фундаментальную ошибку в проецировании концептуальных парадигм настоящего в прошлое и раскрыть его когнитивную связь с настоящим. Чтобы осуществить эту задачу, Скиннер использует технику диалога с авторами прошлого – способ создания у читателя ощущения, что эти авторы будто бы обращаются к нему. Подобными методами Скиннер стремится «использовать прошлое, чтобы осветить настоящее» делая изучение прошлого не просто интересным, но «полезным для нас здесь и сейчас»¹⁶⁰. Эта операция «возвращения» – «одна из самых важных вещей, которые могут попытаться сделать интеллектуальные историки»¹⁶¹, заключает Скиннер.

Скиннер считает неполноценным устоявшийся взгляд на историка как «человека, который помогает удовлетворить наше любопытство о мире, который мы потеряли»¹⁶². В конце концов, даже если мы и потеряли этот мир, мы все равно должны осознать, что наши ценности, мнения, взгляды и понимание концепций и институтов, влияющих на нашу жизнь, были во многом унаследованы нами. Для того чтобы понять, насколько неосознанным может быть наш выбор, необходимо сперва понять, что мы вообще «выбрали» и между чем могли бы и по-прежнему можем выбирать. Возможно тогда мы поймем, насколько наши ценности относительны, и обнаружим, что некоторые из них, которые «мы до сего момента считали верными, в

¹⁵⁹ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

¹⁶⁰ Ibid.

¹⁶¹ Ibid.

¹⁶² Ibid.

действительности ложны»¹⁶³, либо же наоборот, укрепимся в нашем выборе, теперь уже вполне осознанном.

Таким образом, пытаясь напомнить нам о прошлом и нашем выборе, Скиннер стимулирует наше мышление двигаться за пределы уже известного. Его попытки построить генеалогию свободы и государства, осуществить «повторные раскопки республиканской традиции»¹⁶⁴ и разрушить современную монополию либерального понимания этих концепций стали основой для «интеллектуальной программы ревитализации республиканизма»¹⁶⁵ и положили начало «актуальной политической философии для сегодняшнего дня»¹⁶⁶, благодаря которой мы можем пересмотреть наши на первый взгляд очевидные убеждения о ключевых концепциях истории политической мысли.

§ 1.3.3. Робин Коллингвуд и борьба с идеей «вечных» истин

Скиннер основательно и радикально критиковал традиционные методы изучения истории «идей» и пытался бороться с ориентацией на изучение основного канона текстов, которые «почти всегда являются худшим учебником конвенциональной мудрости»¹⁶⁷. Заметную роль в борьбе Скиннера с идеей «вечных» истин сыграл британский идеализм и особенно некоторые принципы философии истории Робина Коллингвуда, которому Скиннер одним из первых выразил признательность в своих «Истоках»¹⁶⁸.

¹⁶³ Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 334.

¹⁶⁴ Weymans W. Een nieuwe les van de geschiedenis // Karakter: tijdschrift van wetenschap. 2003. Vol. 1. Iss. 4. P. 19.

¹⁶⁵ Бугров К.Д. Республика/революция: Гражданская добродетель в политической истории России Засулич // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 548.

¹⁶⁶ Там же. С. 578.

¹⁶⁷ Skinner Q. Concepts only have history // Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

¹⁶⁸ См.: Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 9.

С точки зрения Скиннера, необходимо научиться мыслить самостоятельно, а не заимствовать ответы на наши вопросы у предшественников, поскольку они решали совсем иные проблемы. Здесь Скиннер, по сути, следует формулировке Коллингвуда¹⁶⁹, когда приходит к выводу, что «в философии просто нет вечных вопросов: есть лишь отдельные ответы на отдельные вопросы, причем различных ответов столько же, сколько и вопросов, а различных вопросов столько же, сколько и вопрошающих»¹⁷⁰. Так Скиннер, следуя аргументам Коллингвуда, приходит к тому, что между историей и философией, по сути, нет стабильного устойчивого различия, поскольку все философские вопросы на самом деле являются историческими.

Вместе с тем, отрицая существование «вечных» вопросов, Скиннер признает «долговечность» некоторых политических идей (таких как свобода и государство¹⁷¹), связанную с преемственностью в обращении к ним. Однако Скиннер уточняет, что «подчеркивать эту преемственность не то же самое, что констатировать ее “вечную” актуальность»¹⁷², иначе можно стать жертвой иллюзии воспроизводства идей в истории. На протяжении истории различные системы мысли и культура в целом меняются, и авторы по-разному решают тот или иной вопрос и используют слова, которые «если и фигурируют в их несхожих теориях, то используются настолько по-разному, что усматривать в

¹⁶⁹ См.: Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 357.

¹⁷⁰ Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 111.

¹⁷¹ Эта долговечность политических идей нашла особое отражение в скиннеровской генеалогии концепции «государства». (См.: Скиннер Кв. *The State* // Понятие государства в четырех языках: сб. ст. / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во Европейского университета: Летний сад, 2002. С. 12–74; Skinner Q. *A Genealogy of the Modern State* // *Proceedings of the British Academy*. 2009. Vol. 162. Lectures (2008). P. 325–370; Skinner Q. *A Genealogy of the State – Lecture Transcript* // Presented at: Nicholas D. Chabraja Center for Historical Studies, Northwestern University November 9, 2011. URL: <https://cluelesspoliticalscientist.wordpress.com/2017/05/18/a-genealogy-of-the-state-by-quentin-skinner-lecture-transcript/> (дата обращения: 12.02.2020); Pallonen K. *Quentin Skinner’s Rhetoric of Conceptual Change* // *History of the Human Sciences*. 1997. Vol. 10. No. 2. P. 61–80. P. 62.

¹⁷² Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 328.

них какие-то устойчивые понятия, значит создавать явную неразбериху»¹⁷³. Поэтому, когда исследователи ищут ответы на эти разные вопросы в текстах «великих» авторов и начинают их интерпретировать, они тем самым подвергают активному искажению как интерпретации и формулировки этих авторов, так и свои собственные, создавая целые структурные напластования смыслов. Соответственно, стремление выделить некий набор «великих» текстов, составивших канон интеллектуальной истории, является явной и грубой ошибкой¹⁷⁴.

Так, используя коллингвудовскую критику, Скиннер борется с идеей «вечных» истин, которая, по его словам, «умерла очень тяжело»¹⁷⁵. Убедившись в несостоятельности этой идеи, Скиннер мог начать работать над собственным проектом интеллектуальной истории, с помощью которого можно решить методологическую проблему реконструкции идей прошлого.

§ 1.3.4. Метод Скиннера. Два измерения языка

Скиннер известен не только как специалист по Гоббсу и приверженец республиканизма, но и как методолог, который уверенно продвигает свой подход в интеллектуальной истории. С самого начала карьеры Скиннер строго отстаивает свои методологические установки и именно в методологии изучения истории политической мысли он наиболее проявил себя как философ. Скиннер всегда уделял особое внимание точности, ясности и «чистоте» своей методологии.¹⁷⁶ Она статична в плане неизменности

¹⁷³ Там же. С. 328–329.

¹⁷⁴ См.: Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

¹⁷⁵ Ibid.

¹⁷⁶ Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation). P. 2. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020); см. также: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 13–14.

принципов, однако это не сделало ее простой для понимания. Скиннер рассматривает идеи в «динамической интертекстуальности»¹⁷⁷, как действия, а не просто описательные утверждения, т.е. он не ограничивается реконструкцией исторических рамок идей, а идет в этом направлении еще дальше. Рассмотрим подробнее, на чем Скиннер основывал свой метод и в чем его особенность.

Прежде всего, метод Скиннера отличается его теорией интерпретации и отношением к естественным языкам. Еще в ранний период исследований политической мысли Гоббса у Скиннера возникает необходимость разобраться в интерпретации. В его арсенале было немало источников, к которым он обращался. Отметим наиболее важные. Прежде всего, это работы, посвященные философскому анализу языка и работы по теории интерпретации. На тот момент исследования Ласлетта уже гармонично сочетались с устоявшимися в Кембридже методами лингвистической философии Гилберта Райля¹⁷⁸. Скиннер решил укрепить связи исторического подхода с философией языка, тем самым пойдя против традиционного для Великобритании разделения этих областей¹⁷⁹. Чтобы выяснить индивидуальную проблему теоретических текстов и характер интерпретации в истории, Скиннер обращается к «Философским исследованиям»¹⁸⁰ Витгенштейна (довольно распространенное явление у британских исследователей того времени) и теории речевых актов, разработанной Остином в его труде под названием «Как делать вещи с помощью слов»¹⁸¹.

¹⁷⁷ Skornicki A. Lectures critiques // Revue française de science politique. 2019. Vol. 69. No. 3. P. 502.

¹⁷⁸ См.: Mulsow M., Mahler A. Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte. Berlin: Suhrkamp, 2010. S. 9.

¹⁷⁹ См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 15.

¹⁸⁰ См.: Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018. 352 с.

¹⁸¹ См.: Austin J.L. How to Do Things with Words. Cambridge: Harvard University Press, 1975. 168 p.

Используя термины витгенштейновской философии, Скиннер обозначил два измерения языка¹⁸². Первое измерение – это значение самих слов и высказываний в текстах, и если опираться лишь на это, то толкование текстов состоит в том, чтобы сосредоточиться на внутренней интерпретации и рассматривать тексты как простую связь означающего и означаемого. Данный принцип предполагает, что тексты понятны сами по себе, независимо от контекста их появления, и что они уже содержат в себе все необходимые элементы для толкования их смысла. На этом принципе основывался герменевтический подход к интерпретации текстов. Когда Скиннер начинал свои исследования в 1960-х гг., традиционный способ изучения истории¹⁸³ также основывался на подобном принципе, хотя со временем, особенно с ростом популярности деконструкции, становилось понятно, что стабильных значений текстов не существует. Это означало, что устоявшийся герменевтический подход к интерпретации текстов эпистемологически ошибочен.

Однако такой подход к изучению истории политической мысли по-прежнему доминировал в науке, чем Скиннер был недоволен¹⁸⁴. Проведя историческое исследование ряда классических текстов социальных и политических теоретиков, Скиннер приходит к заключению, что даже если бы мы нашли в них те самые «вечные» истины, то «было что-то еще, происходящее, когда они создавались, когда они писались»¹⁸⁵. Скиннер видел

¹⁸² См.: Skinner Q. What Intellectual History Teaches Us: A Conversation with Quentin Skinner (The Governance Podcast Ep6) / Centre for the Study of Governance & Society, July 10th, 2018. URL: <https://csgs.kcl.ac.uk/podcast/what-intellectual-history-teaches-us-a-conversation-with-quentin-skinner/> (дата обращения: 12.02.2020).

¹⁸³ Скиннер считает, что такое положение дел на этих факультетах до сих пор в значительной степени распространено. (См.: Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).)

¹⁸⁴ Кроме рассмотренного нами традиционного герменевтического метода интерпретации, который также называют «эссенциалистским», Скиннер также боролся с другой крайностью в теории интерпретации. Об этом подробно пойдет речь в следующей главе.

¹⁸⁵ Skinner Q. Concepts only have history // Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

свою задачу в том, чтобы найти и показать эту недостающую, но очень важную часть исторического анализа, которая постоянно упускалась из виду.

Скиннер пытался разработать и предложить альтернативный подход к интерпретации истории политической мысли, который бы шел дальше традиционной герменевтики. Поскольку она не дает достоверной информации о смысле высказываний, Скиннер «отходит» от первого измерения языка предлагает «сосредоточиться на чем-то другом, кроме значений и их предполагаемой стабильности или нестабильности»¹⁸⁶, начав читать тексты новаторским образом. Для этого он обращается к теории речевых актов Остина и призывает сфокусироваться на втором измерении языка как вида социального взаимодействия, то есть исследовать не значение слов, а их употребление – что делает автор посредством высказываний¹⁸⁷. Одним из важнейших положений Витгенштейна было то, что язык существует только в контексте конкретных форм жизни и языковых игр. Остин в свою очередь подчеркивал важность языковых условностей для определения иллокутивных речевых актов. Таким образом, искомая Скиннером составляющая текстов, упускаемая из виду, оказалась контекстом речевых актов.

Эти языковые философские познания Скиннеру удалось перенести на интеллектуальную историю, задачу которой он видел в том, чтобы воссоздать смысл речевых актов. Иными словами, интеллектуальный историк должен не ограничиваться вопросом о том, что означает текст, а задаться следующим: что на самом деле хотел сказать автор? Так, основываясь на двух указанных традициях – витгенштейновской философии языка и теории речевых актов Остина – Скиннер предлагает краткое и общее описание альтернативной методологии – контекстуальной, которая была ответом устоявшимся ранее традициям изучения и интерпретации истории политической мысли.

¹⁸⁶ Skinner Q. What Intellectual History Teaches Us: A Conversation with Quentin Skinner (The Governance Podcast Ep6) // Centre for the Study of Governance & Society, July 10th, 2018. URL: <https://csgs.kcl.ac.uk/podcast/what-intellectual-history-teaches-us-a-conversation-with-quentin-skinner/> (дата обращения: 12.02.2020).

¹⁸⁷ См.: Marcotte-Chénard S. Le contextualisme de Quentin Skinner à l'épreuve du cas Machiavel // *Methodos*. 2013. Vol. 13. P. 7.

Эту методологию Скиннер предлагает использовать по отношению к текстам и сам пытается применить ее в своих исследованиях: он использует многочисленные инновационные способы в попытке обосновать свою историческую практику. Один из таких способов заключается в изучении второстепенных исторических источников – периферии. Скиннер считает принципиально важным для философа-историка тщательно исследовать и сопоставлять второстепенные и часто забытые источники прошлого в их контексте и логике ¹⁸⁸. Сам он уделяет много внимания таким неканонизированным источникам, как брошюры, газеты и прочие тексты, которые, по его мнению, могут способствовать пересмотру тезисов классических авторов, таких как Макиавелли и Гоббс.

Стремление Скиннера к «децентрализации» канонических текстов» и его внимание к текстам «периферии» были вызваны желанием «показать, что на самом деле нет такого различия между текстами и их так называемыми контекстами» ¹⁸⁹. При этом Скиннер не отрицает, например, что западная традиция содержит целый ряд текстов, которые прочесть гораздо важнее, полезнее и даже интереснее, чем остальные: чтение второстепенных источников о Гоббсе, например, «никогда не будет таким интересным, как чтение самого Гоббса» ¹⁹⁰. Сам Скиннер в своей генеалогии свободы и государства Скиннер поместил в исторический контекст прежде всего именно «канонических» авторов (Гоббс, Локк и Макиавелли), поскольку они внесли значительный вклад в историю этих концепций. Здесь заключается важная тонкость, на которой основан второй ключевой вывод скиннеровских «Истоков»: когда мы строим генеалогию некой концепции, необходимо сосредоточиться не на канонических авторах как таковых, использующих

¹⁸⁸ См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С.18.

¹⁸⁹ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

¹⁹⁰ Ibid.

концепцию, а на идеологическом контексте¹⁹¹ при ее использовании, чтобы понять, что на самом деле хотел сказать автор.

В результате Скиннер разработал новую методологию работы с текстами, которая была предметом частой критики, потому что находилась в резком контрасте с традиционными практиками исследований. Рассмотрим подробнее некоторые из конкретных методологических приемов Скиннера.

§ 1.3.5. Методы интерпретации в интенционалистском подходе Скиннера

Ранее мы отметили, что теория интерпретации Скиннера является отличительной особенностью его подхода. Скиннер посвятил анализу интерпретаций ряд статей в 1960-х и начала 1970-х гг., в которых он начинает активно критиковать способы трактовки текстов, пренебрегающие проверкой того, могли ли рассматриваемые авторы иметь в виду то, о чем говорится в интерпретациях их мыслей. Эту позицию Скиннер обозначил в своей ранней и наиболее известной статье 1969 года «Значение и понимание в истории идей»¹⁹², которая представляет собой один из манифестов формирующегося движения и часто упоминается в качестве первоначальной «декларации» принципов Кембриджской школы¹⁹³. В другой известной статье 1972 года под названием «Мотивы, намерения и интерпретация текстов» Скиннер коротко определяет интерпретацию как «процесс “постижения смысла” текста, а также расшифровки и разъяснения его значения, который прокладывает путь к лучшей трактовке»¹⁹⁴. Далее Скиннер пытается объяснить, зачем вообще ей нужно заниматься. Главной задачей теории интерпретации является

¹⁹¹ Подробнее об этом во второй.

¹⁹² См.: Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.

¹⁹³ См.: Blackledge P. Reflections on the Marxist Theory of History. Manchester, UK: Manchester University Press, 2006. P. 10.

¹⁹⁴ Скиннер Кв. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 123.

«определение природы отношений, которые объединяют текст с его контекстом»¹⁹⁵. Скиннер дополняет такой взгляд: для него эта задача заключается также в стремлении «проникнуть вглубь текста, чтобы полностью постичь его смысл»¹⁹⁶.

Разобравшись с определением и задачами интерпретации, Скиннер обращает внимание на ее главную проблему, которая заключается в возможности разработки ее правил. Он соглашается с общеизвестным правилом, которое заключается в «”пристальном и внимательном чтении” самого текста»¹⁹⁷, и далее формулирует два собственных правила-метода, первое из которых гласит: «сосредоточьтесь не только на самом тексте, который пытаетесь интерпретировать, но и на господствующих традициях, определяющих подход к затронутым в произведении проблемам и темам»¹⁹⁸. С этим правилом все ясно, и сам Скиннер не уделяет ему много внимания. Со вторым правилом ситуация гораздо сложнее, поскольку историкам не так просто его принять. Сначала мы рассмотрим теоретические предпосылки этого правила, а затем приведем его формулировку и пример использования.

Второе правило интерпретации Скиннера связано прежде всего с центральной в его подходе концепцией «намерения», или «интенции» (intention). Основной вывод, к которому приходит Скиннер в «Значении и понимании в истории идей», заключается в том, что абстракция за контекстуальными пределами невозможна и убеждение, будто философские утверждения могут выйти за пределы контекста, наивно¹⁹⁹. Напротив, каждое утверждение неизбежно является воплощением определенного намерения,

¹⁹⁵ Cervera-Marzal M. Pour une conception coopérative des méthodes de lecture de Leo Strauss et Quentin Skinner // Klesis. Revue philosophique. 2012. No. 22. P. 16.

¹⁹⁶ Скиннер Кв. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 124.

¹⁹⁷ Там же. С. 124.

¹⁹⁸ Там же. С. 137.

¹⁹⁹ См.: Skinner Q. On Encountering the Past: an Interview with Quentin Skinner // Finnish Yearbook of Political Thought. 2002. No. 6. P. 56.

направленного на решение той или иной проблемы²⁰⁰. Отсюда следует центральный тезис, к которому Скиннер будет в дальнейшем постоянно возвращаться: не следует, читая автора, рассматривать только то, что им сказано, но прежде всего, нужно извлекать то, что автор имел в виду, говоря то, что он сказал. Так Скиннер поставил в центр методологии чтения текстов вопрос о намерениях²⁰¹.

Как и в теории речевых актов Остина, философия языка в подходе Скиннера непосредственно связана с теорией действия, т.к. для него язык всегда имеет дело с намерением совершить определенное действие. Именно намерения заставляют нас говорить с помощью определенных идей, но не в рамках определённого значения. Поэтому для того, чтобы понять речевые акты, необходимо обратиться к намерениям автора. Именно за такое внимание к авторским намерениям/интенциям подход Скиннера получил название «интенционализм» (*intentionalism*)²⁰². Отсутствие должного внимания к намерениям было одной из главных проблем, выявленных Скиннером в исследовании «великих» текстов. Эта проблема делала традиционный исторический анализ невозможным, поскольку комментаторы ограничивались тем, что изучали лишь то, что говорит автор.

²⁰⁰ См.: Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 111.

²⁰¹ См.: Marcotte-Chénard S. Le contextualisme de Quentin Skinner à l'épreuve du cas Machiavel // *Methodos*. 2013. Vol. 13. P. 26; Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53-122.

²⁰² См.: Cervera-Marzal M. Pour une conception coopérative des méthodes de lecture de Leo Strauss et Quentin Skinner // *Klesis. Revue philosophique*. 2012. No. 22. P. 18. Не стоит также путать интенционализм Скиннера с другими интенционалистскими подходами, например «интенционалистской теорией значения» Пола Грайса. Как отмечают Мульзов и Малер: «В то время как Грайс реконструирует само лингвистическое значение, исходя из намерений говорящего (того, что слушатель верит во что-то и что он считает, что говорящий имеет в виду это), Скиннер с Остином – а затем Сёрл – проводят различие между чисто семантическим пропозициональным содержанием высказываний и их зависимой от использования прагматической иллюкутивной силой» (Mulsow M., Mahler A. *Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte*. Berlin: Suhrkamp, 2010. S. 9-10). Для ознакомления с позицией Сёрля по интенционализму можно обратиться к его одноименной работе. (См.: Searle J. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 288 p.)

Скиннер пытается восполнить это упущение и формулирует второе из предложенных им правил-методов интерпретации. Рассмотрев различные аргументы и доводы в поддержку и против этого правила, Скиннер формулирует его следующим образом. Оно гласит: «сосредоточьтесь на картине мира писателя, на сфере его подкрепляемых практическим опытом убеждений. Это правило основано на логической взаимосвязи между нашей способностью приписывать определенные намерения субъектам действия и тем, что мы знаем об их убеждениях»²⁰³.

В качестве демонстрации этого правила, Скиннер приводит пример из истории философии, где политолог Кроуфорд Браф Макферсон в качестве интерпретатора пытается приписать Локку некое намерение, когда последний писал свои «Два трактата о правлении». Скиннер отвергает интерпретацию Макферсона за отсутствием у Локка сопутствующих указанному намерению убеждений. По мнению Скиннера, Макферсон не придал значения убеждениям Локка, в результате чего составил неверную картину взглядов автора и его работы. Разумеется, мы не можем быть уверены в том, каковы именно убеждения Локка, однако их игнорирование приводит к значительно менее правдоподобной картине мира автора.²⁰⁴

Чтобы не допускать подобной ошибки, правильно интерпретировать намерения автора и понять смысл его текста, Скиннер призывает акцентировать внимание на втором измерении языка, благодаря которому мы исследуем метафоры, скрытые смыслы, символы и как таковые намерения (все это необходимо «извлечь» из текста при помощи техники «распаковывания» понятий²⁰⁵), а затем отделить «включенные» в этот текст намерения от предшествующих его написанию мотивов и намерений²⁰⁶. Предложенный

²⁰³ Скиннер Кв. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 138.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. С. 123–141.

²⁰⁶ Лэмб предполагает, что во внешнем проявлении речевого действия Скиннер все же «не видит различия между интенциями и мотивами». Lamb R. Quentin Skinner's revised historical contextualism: a critique // *History of the Human Sciences*. 2009. Vol. 22 (3). P. 21.

метод не был оригинальным и уже разрабатывался до Скиннера, однако был «погребен в пору расцвета структурализма и постструктурализма»²⁰⁷. Хотя, как указывает историк Мелвин Рихтер, Скиннер и «не претендует на роль первопроходца ни в формулировке, ни в применении используемого им метода»²⁰⁸.

Суть скиннеровского разделения намерений и мотивов заключается в следующем. Категория «мотивов» представляет собой «обстоятельства, лежащие за пределами текста и предшествовавшие его написанию»²⁰⁹, которые недоступны для анализа и не подлежат интерпретации. Категория «намерений» делится на две группы. Первая группа – это намерения, предшествующие написанию текста, а потому также иррелевантные и не поддающиеся выявлению в рамках конкретного текста. Вторая группа намерений – то, что непосредственно имело место при написании текста (иллокутивная сила) и поэтому доступное для контекстуального анализа.

Именно вторая группа намерений позволяет, например, выявить основной замысел Локка при написании второго трактата. При этом если мы все же не находим в тексте никаких интересных интерпретаций, то это было бы довольно удивительно с точки зрения Скиннера. Но даже в том случае, если это действительно не удастся исследователю, то текст, вероятно, просто не дает нам достаточно информации. Так, когда мы имеем такой известный политический текст классической древности, как платоновское «Государство», у нас нет информации о намерениях автора вмешаться в греческую политику, однако это не говорит о том, что такое вмешательство отсутствовало, но лишь о том, что у нас просто недостаточно информации. Подобное вмешательство обязательно было, поскольку в работах подобного

²⁰⁷ Неклюдова М.С. Танец с мумией: авторские интенции в контексте и вне контекста // *Ex Cathedra. Современные методы изучения культуры*. М.: РГГУ, 2012. С. 106.

²⁰⁸ Рихтер М. Покок, Скиннер и *Begriffsgeschichte* // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 357–358.

²⁰⁹ Неклюдова М.С. Танец с мумией: авторские интенции в контексте и вне контекста // *Ex Cathedra. Современные методы изучения культуры*. М.: РГГУ, 2012. С. 106.

рода оно всегда имеет место, даже если нам не всегда и не сразу удастся его обнаружить. Соответственно, намерение здесь не может заключаться в том, чтобы просто сделать некое абстрактное философское утверждение, которое было бы доступно вне контекста, в котором оно было задумано. Поэтому такие труды, как «Левиафан» Гоббса или «Два трактата о правительстве» Локка следует рассматривать прежде всего «как части аргументативной пропаганды, а не идеальных теорий»²¹⁰.

Итак, мы рассмотрели, как Скиннер начинал свои исследования и его основные идеи; как он, ориентируясь на призыв Коллингвуда, метод Ласлетта и ницшеанскую формулировку, решает проделать анализ некоторых концепций (прежде всего свободы) и построить на этом их генеалогию²¹¹. Под влиянием работ Витгенштейна и Остина Скиннер приходит к мысли, что, изучая тексты прошлого, мы не должны относиться к ним, как если бы они были утверждениями, отражающими укоренившиеся в нашей культуре взгляды, а скорее должны относиться к ним более критично, как к вмешательству в интеллектуальные споры своего времени. Наконец, мы рассмотрели основные черты интенционалистского подхода Скиннера, определили цель и задачи интеллектуального историка, а также те правила, которых ему необходимо придерживаться для реконструкции речевого действия. В последней главе мы еще затронем тему интенционализма в подходе Скиннера. Здесь же отметим, что она имеет некоторые специфические тонкости²¹², которым мы, к сожалению, не сможем уделить внимание в данном

²¹⁰ Bourke R. The Cambridge School. P.3. URL: <https://www.qmul.ac.uk/history/media/ph/news/The-Cambridge-School.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).

²¹¹ Мелисса Лейн в своей статье анализирует генеалогию государства и свободы Скиннера, а также генеалогию морали Ницше. (См.: Lane M. Doing Our Own Thinking for Ourselves: On Quentin Skinner's Genealogical Turn // Journal of the History of Ideas. 2012. Vol. 73. No. 1. P. 179–200.)

²¹² К подобным тонкостям, например, относятся различие между иллюкутивным намерением, иллюкутивной силой, перлюкутивным намерением и перлюкутивной силой, которые порой достаточно сложно отличить. За подробным анализом этих и прочих различий в подходе Скиннера предлагаем обратиться к диссертационному исследованию философа Сами Сюржемэки, который неоднократно интервьюировал Скиннера. (См.: Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 63.)

исследовании. Кроме того, как отмечает Павлов: «Имена, книги, течения, традиции и т.д., упоминаемые и детально разбираемые Скиннером, невероятно сложно удержать в памяти, тем более что сам он, обсудив одну тему и перейдя к другой, может вернуться к прежней, потому что ее потенциал не был исчерпан»²¹³.

§ 1.4. Общие черты и отличия в подходах основоположников Кембриджской школы

Теперь, когда мы выяснили, что представляет собой разработанный Скиннером метод и на чем он основывается, мы можем перейти к подходам других основоположников Кембриджской школы. Сначала мы коротко опишем их главные идеи, послужившие основой методологии школы, некоторые их особенности, терминологию, затем сравним эти подходы, выделив основные сходства и отличия при рассмотрении общих тем. Наконец, мы попытаемся определить, можно ли и на каком основании рассматривать Кембриджскую школу как единую методологическую программу.

§ 1.4.1. Джон Покок и исследование политических языков. Сравнение с подходом Скиннера

Заслуги Скиннера не умоляют вклада других основоположников в методологию Кембриджской школы. Еще один яркий и самый старший по возрасту представитель этого «движения» – историк Джон Гревилл Агард Покок (р. 1924). Покок родом из Новой Зеландии, получил докторскую степень в Кембридже в 1952 г., после чего вернулся на родину, чтобы преподавать в Кентерберийском университетском колледже с 1946 по 1948 гг., а также читать лекции в Университете Отаго с 1953 по 1955 гг. Как и Скиннер, Покок провел значительную часть своих исследований в США: сначала он переместился из Кембриджа в Миссури в 1966 г., а затем в Балтимор в 1975 г.,

²¹³ Павлов А.В. Истина и метод: рецензия на сборник о Кембриджской школе // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III. № 1. С. 316.

чтобы обосноваться в университете Джона Хопкинса. Покок работает на стыке историографии, политической философии и юриспруденции²¹⁴. Многие его работы остаются не переведенными в отличие от более известного в России Скиннера, хотя книги Покока по истории политической мысли столь же влиятельны и являются важным дополнением к подходу Скиннера. Мы не будем подробно останавливаться на академическом пути Покока и осветим лишь основные работы, идеи и особенности его подхода.

Как уже было ранее отмечено, одна из главных работ Покока под названием «Древняя Конституция и феодальное право»²¹⁵, сильно повлияла на Скиннера. Эта работа увидела свет в 1965 г., когда Скиннеру было шестнадцать лет и он только окончил школу. Покок в свою очередь при ее написании находился под заметным влиянием Ласлетта, а также своего научного руководителя – известного британского историка Герберта Баттерфилда²¹⁶. «Древняя конституция» является, по сути, продуктом диссертации Покока, написанной им под руководством Баттерфилда между 1948 и 1952 гг., и посвящена истории классической политической мысли Англии. В этой работе Покок представил «зарождающийся метод лингвистического контекстуализма»²¹⁷ Кембриджской школы и предложил изучать политическую мысль, основываясь на двух главных

²¹⁴ См.: Атнашев Т., Велижев М. Политическая философия Джона Покока // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 2. № 3. С. 141–142.

²¹⁵ См.: Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law: A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 424 p.

²¹⁶ Отмечают, что Баттерфилд сыграл определенную роль в качестве предпосылки возникновения Кембриджской школы тем, что своим отношением к устоявшимся ранее методам исследований в истории идей смог «предупредить» будущего основоположника школы. (См.: Bourke R. *The Cambridge School*. URL: <https://www.qmul.ac.uk/history/media/p/h/news/The-Cambridge-School.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).) Александр также отмечает, что «Скиннер в своих ранних работах был Баттерфилдом истории политической мысли» в том смысле, что в своих статьях Скиннер был столь же решителен по отношению к интерпретации истории, как и Баттерфилд, и настаивал на том, что в истории «нет коротких путей». (Alexander J. *The Cambridge School, circa 1875 to 1975 // History of Political Thought*. 2016. No. 37. P. 372.)

²¹⁷ Ibid. P. 372; Araújo P. Pocock e a historiografia como linguagem política // Resgate: Revista Interdisciplinar de Cultura. 2017. Vol. 25. No. 1 (33). P. 276.

методологических элементах: контексте и языке. Первый подразумевает необходимость контекстуального изучения политических текстов, а второй дополняет первый и включает в себя новаторский метод изучения политической мысли, основанный на «концепции политических языков»²¹⁸.

Язык здесь выступает как метафора, и его значение отличается от тех, что приняты в рамках какой-либо «одной теории языка»²¹⁹. Для понимания этого термина в подходе Покока скорее подойдет другой используемый им для описания политических языков термин – «идиома», определяемая как сложившееся устойчивое языковое образование, которое представляет собой отдельный (под)контекст, политический язык. Иначе говоря, идиомы – это «„языки“, на которых может вестись политическая дискуссия»²²⁰. Покок может вкладывать в термин идиома и другие смыслы, причем несколько одновременно²²¹. Подобно тому, как научная парадигма определяет конвенциональную форму решения проблем, политический язык становится матрицей для всех возможных аргументов. Он обеспечивает определенную семантику, авторитеты, примеры и риторические образцы, используемые носителями политического языка. Покок видит задачу интеллектуального историка в том, чтобы сосредоточиться на изучении идиом, уметь читать и сопоставлять их, т.е. проследить «эволюцию и взаимопроникновения

²¹⁸ Ibid. Подробнее о лингвистическом контекстуализме в подходе Кембриджской школы речь пойдет в следующей главе.

²¹⁹ Рихтер М. Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 355.

²²⁰ Покок Д.Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 144.

²²¹ Атнашев и Велижев в примечании к одной из статей Покока выделяют: «а) устойчивые языковые образования или диалекты б) устойчивые сочетания слов, расположенных в строго определенном порядке и приобретающих особый смысл, невыводимый напрямую из механической комбинации значений каждого из них, в) “витгенштейновское” “семейное множество” слов в различных сочетаниях, а также соответствующие отдельные слова и их синонимы, получающие особую и узнаваемую коннотацию в связи с частым совместным употреблением». (Там же.)

различных устойчивых социопрофессиональных идиом»²²² той или иной эпохи, в которой идеи трансформировались в исторически устные высказывания. Эти высказывания необходимо рассматривать как действия, направленные на изменение окружающего мира и как ответ на них. Ключом к историческому анализу становится для Покока анализ политических языков, на основании которого, считает историк, можно определить группы дискурсов и некоторые тенденции в развитии политической мысли. Именно с такой установкой Покок сфокусировал основное внимание в своих исследованиях на изучении главных героев политической теории Нового рамени, таких как Гоббс, Локк и Джеймс Харрингтон.

Позднее Покок пересмотрел свою терминологию, сделав ее менее строгой, но более сложной: вдобавок к таким многозначным терминам, как «идиома», Покок использует в поздних работах лингвистические концепции Фердинанда де Соссюра – «langue» (язык) и «parole» (речь), что придало концепции политических языков структуралистский окрас. Под «langue» здесь подразумевается общая языковая матрица всех возможных речевых актов, в то время как «parole» обозначает отдельный речевой акт, индивидуальное выражение. Историк Мартин Ван Гелдерен поясняет это терминологическое разделение в подходе Покока тем, что само «отношение между языком и речевым актом, между langue и parole следует рассматривать в категориях дуальности»²²³. При этом для Покока эта дуальность неравномерна: он стремится придать языку почти детерминирующее значение по отношению к речи, поэтому неудивительно, что Покок меньше Скиннера заинтересован в конкретных речевых актах и индивидуальных намерениях автора. Покока не интересуют «позаимствованные из англоязычной философии языка языковые

²²² Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С 19–20.

²²³ Ван Гелдерен М. Между Кембрижем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 388.

игры»²²⁴, поэтому позднее он также отодвинет сосюрровские концепции и начнет использовать уже термин «дискурс», причем сделает это «безо всяких явных отсылок к дискуссиям вокруг этого понятия во Франции, в частности у Фуко и Робена»²²⁵. Покок даже предпочтет называть себя «историком дискурсов»²²⁶.

Таковы главные особенности подхода Покока. Интерпретация истории социальной и политической философии в вышеуказанных терминах и то, как они используются для исторического анализа – наиболее оригинальный методологический вклад Покока. По сути, он объединил в своем междисциплинарном подходе элементы политической и исторической наук философия, филологии, права и пр.²²⁷. Благодаря такому комплексному и пронизательному подходу Кембриджская школа приобрела в лице Покока уникальные методы анализа политических языков и идей.

Теперь, когда мы рассмотрели основные особенности концепции Покока, проведем небольшое сравнение его подхода со скиннеровским и отметим некоторые их общие черты и отличия, а также взаимную критику.

Поккок и Скиннер активно взаимодействовали, особенно в конце 1960-х годов, когда они еще работали над своими текстами, ставшими классикой исторической науки. В 1969 г. Скиннеру ознакомился с черновиком²²⁸ знаменитой работы Покока и предложил ее название²²⁹ – «Момент

²²⁴ Там же.

²²⁵ Рихтер М. Покок, Скиннер и *Begriffsgeschichte* // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 335.

²²⁶ Атнашев Т. Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 10.

²²⁷ Там же. С. 19.

²²⁸ См.: Skinner Q. *Surveying The Foundations: a retrospect and reassessment* // *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 240.

²²⁹ См.: Pocock J.G.A. *Foundations and moments* // *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 39.

Макиавелли»²³⁰. Работа была опубликована 1975 г., за несколько лет до «Истоков современной политической мысли» Скиннера. Покок считает, что хотя Скиннер и предложил название «Момента» и в своей работе даже описал несколько подобных «моментов», он все же вероятно упустил некий «дополнительный» смысловой уровень, вкладываемый автором в этот труд²³¹.

В «Моменте» Покок пытался проследить и реконструировать отношения между последовательностью «моментов» единого интеллектуального феномена. «Момент Макиавелли» произошел в республике Флоренции начала XVI в., когда она впервые столкнулась с кризисом идеалов и дестабилизацией институтов. Идеи Макиавелли давали ответы на эти события и были направлены на возрождение классических идеалов республиканской мысли. Подобным образом другие мыслители пытались дать ответы на кризисы своего времени, охватывающие периоды Английской и Американской революций.

Как и Скиннер в «Истоках», Покок в «Моменте» отказался от традиционного подхода анализу истории политической мысли. Он изложил оригинальную модель исторической практики, которую взяли на вооружение интеллектуальные историки и ученые из различных областей гуманитарных наук. Аргументы Покока активно обсуждались и подвергались критике на протяжении десятилетий после публикации «Момента Макиавелли». Как отмечает историк Чезаре Вазоли: «Поккок с почти одержимой решимостью стремится навязать свои концептуальные модели объектам его исследований»²³². Многих восхищала амбициозность Покока, других раздражала его навязчивость. Критики недоумевали от того, что Покок игнорировал в угоду собственному методу исторические исследования

²³⁰ См.: Покок Д.Г.А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.

²³¹ См.: Pocock J.G.A. Foundations and moments // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 39.

²³² Vasoli C. The Machiavellian Moment: A Grand Ideological Synthesis // The Journal of Modern History. 1977. Vol. 49. No. 4. P. 662.

ученых, использовавших иные категории для описания, например, Реформации и Просвещения. Это производило впечатление, что Покок стремился продемонстрировать лишь собственные идеи²³³. Однако даже критики признавали научную значимость труда Покока для многих ученых. Среди опирающихся на его подход был и Скиннер, однако его «Истоки» были сосредоточены на XIV–XVI вв., в то время как «Момент» сфокусирован на XVII и XVIII вв. и менее решителен в отношении периода до XVI в. Если в «Моменте» Покок указывал на аристотелевские корни республиканской традиции²³⁴, то Скиннер в «Истоках» выступал против утверждений о подобной преемственности²³⁵ и подчёркивал римские корни республиканизма, «поставив на месте Аристотеля Цицерона»²³⁶. Позже Покок возразит, что его не совсем правильно поняли, когда под словом «Аристотель» увидели целую традицию мысли²³⁷. Наконец, Покок в своей статье отметил, что «Истоки» не предоставили единого повествования, поскольку между темами двух томов нет такой серии событий, которые можно было бы объединить в единый процесс, хотя в первых двух томах «Видений политики»²³⁸ Скиннера данная «проблема» уже отсутствует²³⁹.

²³³ Ibid.

²³⁴ См.: Покок Д.Г.А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 771–772; Pocock J.G.A. Foundations and moments // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 42.

²³⁵ См.: Geuna M. Skinner, pre-humanist rhetorical culture and Machiavelli // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 71.

²³⁶ Покок Д.Г.А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 772; см также: Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 101-103.

²³⁷ См.: Pocock J.G.A. Foundations and moments // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 42.

²³⁸ См.: Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 225 p.; Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 225 p.; Skinner Q. Visions of Politics. Volume 2: Renaissance Virtues. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 478 p.

²³⁹ См.: Pocock J.G.A. Foundations and moments // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 45.

В подходах Покока и Скиннера было много общего. Оба ориентировались на одни разработки, например, на контекстуализм Ласлетта или концепцию парадигм Томаса Куна. Однако несмотря на общие темы и цели, Скиннеру и Пококу не удалось избежать разногласий, и дело тут не столько в теоретических и практических различиях в подходах. Конечно, в лице каждого из них мы имеем как методолога и политического теоретика, так и историка-практика²⁴⁰, однако они уделяли совершенно разное внимание этим аспектам в своих работах: в отличие от Покока, размышлявшего в основном над практикой исторических исследований, Скиннер является больше теоретиком, который «не боится вступать в абстрактные философские рассуждения»²⁴¹. Там же, где два основоположника нового научного направления сходятся на общих основаниях, мы сразу видим заметные отличия. Рассмотрим основные.

Прежде всего, Скиннер и Покок как историки политической мысли отличаются особым отношением к философии: для Скиннера философские вопросы, по сути, являются историческими, а для Покока «...именно подход историка будет настоящим философским»²⁴². Поэтому оба историка стремились разработать и как можно точнее сформулировать более комплексный исторический метод изучения политической философии. Это послужило тому, что в их подходах большое внимание уделяется изучению множества политических языков, дискурсов и традиций в интеллектуальной истории. Поэтому для понимания интеллектуального контекста оба автора считают необходимым обращаться к второстепенным, «неканоническим» текстам²⁴³.

²⁴⁰ См.: Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 275.

²⁴¹ Mulsow M., Mahler A. Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte. Berlin: Suhrkamp, 2010. S. 11.

²⁴² Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 266.

²⁴³ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 39.

В некоторых аспектах сходство подходов Покока и Скиннера оказывается менее явным, скорее даже поверхностным, поскольку каждый из них несколько иначе расставляет акценты, что не осталось без критики. С точки зрения Скиннера, например, если главное внимание уделяется лишь дискурсу²⁴⁴, то авторы в рамках такого анализа могут легко «раствориться» и стать «лишь производными от контекста»²⁴⁵. Конечно, Скиннер признает, что в отдельных случаях это действительно неизбежно, поскольку «большинство действующих лиц в истории действуют условно, и в случае интеллектуальной истории это фактически означает, что они исчезают в общем дискурсе своей эпохи»²⁴⁶. Но это не означает, что не нужно интересоваться отдельными авторами. На самом деле Скиннер уделяет им большое внимание, просто он не фокусируется лишь на них, поскольку они не интересуют его как нечто, что следует помещать в центр внимания. Такой взгляд на фигуру автора по отношению к контексту не вызвал согласия у Покока, который «склонен рассматривать “дискурсы” как действующие независимо»²⁴⁷. Если для Покока задача интеллектуального историка – «разработка и определение соответствующего “языка”, на котором рассуждает теоретик»²⁴⁸, то Скиннер видит эту задачу в том, чтобы сначала изучить языки пококовского дискурса,

²⁴⁴ С точки зрения Павлова, в этом заключается явное ограничение применимости методологии Покока несмотря на то, что она претерпела изменения и Покок позднее пытался адаптировать ее к жизни, сохранив «те вещи, которые со временем составили ему славу и кажутся работоспособными до сих пор». (Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 275.)

²⁴⁵ Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 319.

²⁴⁶ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

²⁴⁷ Bourke R. The Cambridge School. URL: <https://www.qmul.ac.uk/history/media/ph/news/The-Cambridge-School.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).

²⁴⁸ Mulsow M., Mahler A. Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte. Berlin: Suhrkamp, 2010. P. 12.

а уже затем сосредоточиться на том, как отдельные авторы способствовали расширению спектра дискурсов в их различных формах²⁴⁹.

Для Покока множественные политические языки устойчивы, но изменяются со временем, взаимопроникают, эволюционируют, и передаются от автора к автору через логически связанные линии политической мысли, которые формируют современный канон ее истории, поэтому трудно установить исторические и географические границы этих языков. У Покока этот процесс телеологичен, в то время как для Скиннера «борьба» интерпретаций авторов и их интенций на пути к современной политической мысли лишена всякой телеологичности и есть ничто иное как «следствие использования понятий в разных политических контекстах»²⁵⁰. Даже если мы где-то и прослеживаем некую внешне логическую эволюцию политических языков в рамках определенных общих линий политической мысли, для Скиннера это лишь случайный набор политических языков, «скрепленных между собой исключительно по принципу принадлежности к определенной политической культуре дискурса и конкретных констелляций встреч и разрывов»²⁵¹. «Скорее речь идет о наборе отдельных контекстов и ситуаций, в которых движение не осуществлялось по заранее заданной траектории, а происходило под влиянием сознательно воздействующих друг на друга акторов»²⁵². Скиннер настаивает на случайности этого процесса и в антидетерминистском ключе пытается отстоять определенную степень свободы авторской воли в истории политической философии²⁵³, несмотря на

²⁴⁹ См.: Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 319; Skinner Q. Concepts only have history // Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestems.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

²⁵⁰ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 29.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же. С 18–19.

²⁵³ Там же. С. 19, 29–30.

заявления Ролана Барта и Мишеля Фуко о смерти автора²⁵⁴. Здесь Скиннер, кажется, переворачивает точку зрения исторического анализа: мы не должны брать идею и видеть, что о ней говорят авторы, а прежде всего изучать то, что сказал определённый автор и почему он это сказал; мы не должны беспокоиться о том, чтобы увидеть историческую преемственность этих «проблем», но необходимо обратить внимание на ответ, который каждый автор дал на проблемы, поставленные перед ним.

Указанные отличия выразились в существенных терминологических различиях в подходах Скиннера и Покока. Словарь Покока отличается от скиннеровского большим разнообразием концепций. Одни термины Покок заменял другими, не менее многозначными, и при этом вкладывал в них несколько смыслов одновременно. Прежде всего, это уже упомянутая цепь концепций язык – идиома – сосюрровские «langue» и «parole» – дискурс, а также такие термины, как «парадигма» и «языковые игры», каждая из которых может иметь свой собственный словарь. Сюда можно также добавить неупомянутые ранее термины, к которым Покок часто обращается: наречие («sublanguage»), язык второго уровня («second-order language»), «ткани» («texture»), а также «матрица» и «языковые “инновации”»²⁵⁵. Атнашев и Велижев отмечают, что многозначность и неточность пококовского словаря была преднамеренной, чтобы обозначить «проблематичность восприятия текста как чрезмерно жесткой языковой системы» в которой в то же время взаимодействуют «сразу несколько языков, что является не недостатком системности, а скорее риторическим и познавательным преимуществом»²⁵⁶. Словарь Покока отражает его сосредоточенность на «диахронике»²⁵⁷,

²⁵⁴ См.: Skinner Q. Concepts only have history // Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

²⁵⁵ Атнашев, Т. Велижев, М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 26.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Pocock J.G.A. Foundations and moments // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 45.

стремление отслеживать и реконструировать процессы, происходящие при изменении, развитии и миграции политических языков через различные культуры и исторические ситуации в пределах длительного временного периода. Так Покок исследовал некоторые концепции республиканской теории «от Аристотеля и Полибия до Т. Джефферсона»²⁵⁸, что является более длительным временным промежутком, чем тот, который охватывают генеалогические исследования Скиннера.

Однако в методологическом плане словарь Скиннера отличается большей точностью и строгостью, что в немалой степени было связано с его интересом к аналитической философии и философии языка. Для Скиннера характерно стремление к «синхронной»²⁵⁹ максимально четкой и детальной реконструкции концепций²⁶⁰, а также сосредоточенность на языковых ситуациях, которые историк философски осмысляет как существующие здесь и сейчас. При этом методологический лексикон Скиннера не лишен терминологической дуальности, подобной подходу Покока: как однажды указали Скиннеру в одном из интервью, в одних случаях он в «структуралистско-функционалистском» ключе употребляет термин «агент» (agent), а в других, когда «выступает за прагматический поворот», использует термин «актор» (actor)²⁶¹. Сам Скиннер видит себя в качестве «агента», то есть посредника-переводчика, однако это не говорит о каком-либо предпочтении между позициями агента и актора. Для Скиннера агентство необходимо,

²⁵⁸ Бугров К.Д. Республика/революция: Гражданская добродетель в политической истории России Засулич // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 550.

²⁵⁹ Pocock J.G.A. Foundations and moments // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 45.

²⁶⁰ Атнашев Т. Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 26.

²⁶¹ См.: Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

однако акторы «не будут иметь никакого значения. Они не изгоняются со сцены, но фокус уже не на этом»²⁶².

Если в словаре Покока как мы обнаруживаем влияние сосюрговской терминологии, характерной для структурализма, то метод Скиннера был больше подвержен влиянию постструктурализма, однако существенно отличался как от него, так и антигерменевтического направления²⁶³. Более того, Скиннер находился с последними и многими другими подобными традициями во внутреннем противоречии²⁶⁴, поскольку для него было важно восстановление интенциональности через реконструкцию речевых актов, а не проблемы традиционной герменевтики» и ее «деконструкции»²⁶⁵.

Таким образом, мы рассмотрели общие черты и основные отличия в подходах Покока и Скиннера.

§ 1.4.2. Политическая философия Джона Данна у истоков основания школы

Скиннер и Покок считаются признанными лидерами Кембриджской школы, и их активное взаимодействие пошло на пользу методологии движения²⁶⁶. Однако рассказ о школе будет неполным, если мы забудем еще одного ее основоположника – историка Джона Монфора Данна (р. 1940). Было бы большим упущением недооценивать вклад Данна в основание и становление кембриджского метода, поскольку именно он стоял у истоков формирования школы.

²⁶² Ibid.

²⁶³ Ibid.

²⁶⁴ См.: Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 273.

²⁶⁵ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

²⁶⁶ См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 13.

Данн начинал как историк политической мысли. По образованию он историк, однако такой выбор обусловлен тем, что для Данна это направление было наиболее доступным способом получить научную степень. Данн испытывал большой интерес к политике, обусловленный его стремлением понять человеческий мир, поскольку в детстве Данну приходилось проживать некоторое время в послевоенной Германии, Иране и Индии. В студенческий период Данн обратился к политической философии как способу выработать устойчивый взгляд на политику. Если бы не стипендия по истории, Данн решил бы перейти на философию, хотя не считал себя талантливym в этом направлении²⁶⁷.

Сегодня Данн известен как один из лучших специалистов по Локку. Ранние тексты Данна были основаны на тщательной реконструкции политической мысли Локка. Однако выбор этого мыслителя в качестве объекта исследований был в какой-то степени случайностью. На последнем курсе Данн увлекся курсом историка Дункана Форбса. Изначально Данн собирался продолжить исследования под руководством Форбса и посвятить свою докторскую диссертацию по истории политической мысли идеям Юма. Однако Форбс сам был сильно занят исследованиями Юма и не хотел, чтобы аспиранты ему мешали, поэтому решил передать руководство исследованиями Данна Питеру Ласлетту, который к этому моменту опубликовал свое новаторское издание «Двух трактатов» Локка²⁶⁸. Ласлетт предложил Данну исследовать влияние труда Локка на Великобританию, Францию и Северную Америку. После трех лет исследований Данн обратил внимание на некоторые важные аспекты политической мысли Локка, которые не удалось осветить в рамках диссертации, поэтому Данн решил посвятить этому свою первую книгу «Политическая мысль Джона Локка»²⁶⁹. В этой классической работе Данн

²⁶⁷ См.: Gulsen S. An Interview with John Dunn // *International Political Anthropology*. 2012. Vol. 5. No. 2. P. 181–182.

²⁶⁸ Ibid.

²⁶⁹ См.: Dunn J. *The Political Thought of John Locke: An Historical Account of the Argument of the «Two Treatises of Government»*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 290 p.

прежде всего пытался показать, что для целостного понимания идей Локка необходимо учитывать в них религиозный фактор, поскольку именно христианским мировоззрением был обусловлен взгляд Локка на политику, а «теология является необходимым условием для убедительности многих из его аргументов»²⁷⁰, которые «без этого [условия] не работают»²⁷¹. Исследуя вопросы интерпретации естественного права Данн пришел к выводу, что политическая мысль Локка не сыграла роли в качестве основания современной политики²⁷². Данн продолжал линию ласлеттовской интерпретации Локка, но в отличие от Ласлетта был большим приверженцем сближения политики и истории.

На примере исследований мысли Локка Данн пытался изменить то, как читают политических теоретиков, и таким образом исправить положение, в котором находилась политическая философия в 1960-х гг. В конце 1960-х гг. Данн вместе с коллегами из Кембриджа предложил методологические рецепты, направленные на исправление исторической «“невосприимчивости” политической науки, путем реконструкции того, что в прошлом пытались сделать политические мыслители»²⁷³. Данн первым из них перенял контекстуальный подход Ласлетта и пришел к идее использовать теорию речевых актов Остина²⁷⁴, после чего эти наработки и предложения уже оформили в своем подходе Скиннер и Покок. Так были сформированы общие основания Кембриджской школы – убеждения и выводы, которых ее основоположники стремились строго придерживаться.

²⁷⁰ Ibid. P. 263.

²⁷¹ Dunn J., Cerovac I. John Dunn Interview // Croatian Journal of Philosophy. 2020. Vol. 20. No. 59. P. 133–134.

²⁷² Dunn J. What is Living and What is Dead in the Political Theory of John Locke // Dunn. J. Interpreting Political Responsibility: Essays 1981–1989. Oxford: Polity, 1990. P. 11.

²⁷³ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 13–14.

²⁷⁴ См.: Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 269.

Хотя Данн не считает, что он, Скиннер и Покок смогли значительно изменить методы интерпретации наиболее известных политических мыслителей прошлого, он с оптимизмом оценивает влияние работ своих коллег на тех, кто изучает политическую теорию²⁷⁵. Скиннер и Покок часто упоминают о вкладе Данна в формирование школы, чего не делают отечественные авторы, которые, по замечанию Павлова, «в лучшем случае отделяются проходным упоминанием и одной-двумя ссылками на его ранние тексты», либо вообще игнорируют его вклад, в результате чего «можно прийти к не совсем правильному пониманию вклада Кембриджской школы в актуальную политическую философию»²⁷⁶.

После исследований мысли Локка Данн посвятил ряд работ таким темам, как феномен революции и крах режима, политическая теория социализма, история и значение демократии, а также политические процессы в современных государствах. Эти исследования лежат на стыке истории, политической теории и социологии. Рассмотрим вкратце основные работы.

В 1972 г. Данн занялся феноменом революции и посвятил ему знаменитую работу «Современные революции: введение в анализ политического явления», в которой отнес исследования революций к «социологии революций» как части общей теории коллективного поведения и социальных изменений²⁷⁷. В последующие годы Данн заявлял об отсутствии революции как исторического феномена в XXI в. в том смысле, что нет больше профессиональных революционеров, существовавших в «эпоху революций»²⁷⁸ (с 1789 г. и по 1989 г.), которые, обещая разрушить устоявшийся режим, могли бы дать нам надежду на нечто лучшее и совершенно новое. Каждая революция движима прежде всего этой надежной,

²⁷⁵ См.: Dunn J., Cerovac I. John Dunn Interview // Croatian Journal of Philosophy. 2020. Vol. 20. No. 59. P. 135.

²⁷⁶ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 264.

²⁷⁷ См.: Dunn J. Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 15–16.

²⁷⁸ Dunn J., Abrams B. Modern Revolutions and Beyond. An Interview with John Dunn // Contention. 2017. Vol. 5. No. 2. P. 126–127.

но в то же время именно она способна оправдать опасные и разрушительные действия и процессы, подобные гражданским войнам, чем по сути являются революции. Почти полвека после первой публикации этого исследования Данн не отказался от своих утверждений: сегодня, когда эпоха революций завершилась, вместо них мы наблюдаем другой феномен – «крах режимов», и лишь редкие попытки их реконструкции, которые едва могут «протянуть больше четверти часа»²⁷⁹ и все так же заканчиваются разрушением обществ.

Данн рассматривает историю революций как неразрывно связанную с историей социализма²⁸⁰, поэтому одной из его последующих работ стала «Политика социализма»²⁸¹. Среди главных тем этого исследования: процессы возникновения, продвижения и ослабления социализма в развитых капиталистических обществах; факторы, влияющие на выбор как в пользу, так и против социалистических идей; перспективы этого выбора для современных обществ. Данн обозначил три требования, выдвигаемые к любой политической теории для достижения успеха. Прежде всего, это реализм по отношению к социально-политической ситуации и адекватное, «сбалансированное» понимание последствий. Нарушение этого понимания в сторону фактических или контрфактических (предотвращенных) последствий препятствует успеху политической теории. Второе требование к политической теории заключается в формировании убедительной концепции социального блага. Наконец, третье, самое главное требование – способность этой теории объяснить, как использовать наши исторические социальные возможности²⁸².

В более поздней работе «Освобождение людей»²⁸³ Данн попытался объяснить, как демократия достигла современного «величия», и как представительная капиталистическая демократия «выиграла конкурентную

²⁷⁹ Ibid. P. 118.

²⁸⁰ Ibid. P. 119.

²⁸¹ См.: Dunn J. *The Politics of Socialism: An Essay in Political Theory*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1984. 124 p.

²⁸² Там же. P. 7.

²⁸³ См.: Dunn J. *Setting the People Free: The Story of Democracy*. London: Atlantic Books, 2005. 246 p.

глобальную борьбу за богатство и власть»²⁸⁴. С этой целью Данн описал историю демократии и связанные с ней практики, проследил изменения, которые претерпела эта концепция начиная с Древней Греции и вплоть до современных западных обществ. Данн пришел к выводу, что присутствие демократии в современном мире – явление необычное, поскольку после зарождения этой идеи две с половиной тысячи лет назад она просуществовала недолго, а затем и вовсе исчезла более чем на две тысячи лет²⁸⁵. Демократия упоминалась теоретиками и обозначалась как форма правления, обеспечивающая граждан системой выборов и наиболее «тесным отношением между тем чтобы управлять и быть управляемым»²⁸⁶. Идея демократии вернулась в политическую практику лишь в конце XVIII в., однако претерпев некоторые трансформации. Теперь демократия подразумевает также процесс «демократизации». Это более сложная концепция, обозначающая «проект полной перестройки политики в соответствии со стандартами, установленными идеей народного самоуправления»²⁸⁷. Многие общества в разной степени проходили через этот процесс, однако теоретически он не имеет ограничений, поскольку «полностью не достижим»²⁸⁸. Таким образом демократий в чистом виде просто нет.

Проблема возникает, когда мы упрощаем смысл демократии, воспринимая ее лишь через призму теории, и забываем о реальном положении дел. Как отмечает политолог Павел Каневский, Данн пытался обратить внимание на эту проблему «почти во всех своих работах, особенно с начала 1990-х гг.»²⁸⁹. Одной из таких работ является последнее на данный момент

²⁸⁴ Basham P. Book Review: Setting the People Free: The Story of Democracy // Cato Journal. 2006. Vol. 26. Iss. 1. P. 208.

²⁸⁵ См.: Dunn J. Setting the People Free: The Story of Democracy. London: Atlantic Books, 2005. P. 13–14.

²⁸⁶ Dunn J., Cerovac I. John Dunn Interview // Croatian Journal of Philosophy. 2020. Vol. 20. No. 59. P. 137.

²⁸⁷ Ibid.

²⁸⁸ Ibid.

²⁸⁹ Каневский П.С. Переосмысливая демократию (размышления о книге Джона Данна «Не очаровываться демократией») // Вестник Московского университета. 2017. Т. 23. № 2. С. 170.

исследование Данна «Не очаровываться демократией» (*Breaking Democracy's Spell*)²⁹⁰ где он продолжил критический анализ концепции демократии, тенденций и проблем ее развития в современных обществах. Ранее Данн указывал, что процесс демократизации может быть обратим. Главный фактор, без которого демократия не имеет больших шансов быть устойчивой – экономическое развитие²⁹¹. При этом Данн отмечает, что капиталистические системы, демонстрирующие высокие показатели экономического развития, имеют свои недостатки, тормозящие демократизацию, а идея капиталистической демократии «противоречива сама по себе»²⁹². Смысл этой критики не в дискредитации принципов демократии и капиталистического подхода, а в том, чтобы обратить внимание на наличие дисфункций, быть осторожным, и попытаться увеличить шансы на реализацию лучших возможностей для демократизации, когда они представятся.

В исследованиях Данна главной мотивацией было стремление применить историческую перспективу к современной политической теории. Это стремление привело к тому, что Данн постепенно отклонялся от общего курса Кембриджской школы – изучения истории политической мысли. С самого начала академического пути Данн, по его словам, «хотел спасти мир, и не думал, что быть академическим историком – многообещающий подход к этому»²⁹³. Поэтому Данн в итоге вовсе оставил историю, решил «начать сначала и стать оригинальным политическим теоретиком»²⁹⁴, перейдя «к жанру чистой политической философии»²⁹⁵. Он занялся изучением влияния философии на политическую мысль. Разделяя политику на теорию и практику,

²⁹⁰ Данн Дж. Не очаровываться демократией. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 160 с.

²⁹¹ См.: Dunn J. *Setting the People Free: The Story of Democracy*. London: Atlantic Books, 2005. P. 128–129.

²⁹² Gulsen S. An Interview with John Dunn // *International Political Anthropology*. 2012. Vol. 5. No. 2. P. 193.

²⁹³ Ibid. P. 181.

²⁹⁴ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // *Логос*. 2018. № 4. С. 281.

²⁹⁵ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 13–14.

он был обеспокоен ослаблением их связи²⁹⁶. Для него изучение политической теории должно приносить пользу современной политической практике – «реальной» политике²⁹⁷. Данна отличает интерес к будущему политической науки: «Ни Джон Покок, ни Квентин Скиннер не питают серьезного интереса к политике. Их не интересует будущее, они почти ничего не знают о современной политике. Я же потратил всю жизнь на изучение и размышление об этом предмете. Поэтому я – очень нетипичный представитель Кембриджской школы. Типичным представителем этой школы является как раз Квентин Скиннер»²⁹⁸.

Все это послужило причиной тому, что сегодня исследователи главным образом обсуждают идеи других представителей Кембриджской школы, а Данна упоминают менее активно. Так, несмотря на общие основания – «ядро» методологии Кембриджской школы, – со временем становилось понятно, что подходы основоположников школы начинают разделяться, тем самым формируя «периферийные элементы»²⁹⁹ методологии школы. Последние включают целый ряд личных убеждений и научных интересов основоположников школы по разным вопросам интеллектуальной истории, позиции по которым у них расходятся, менялись со временем, либо вовсе отпадали. Коротко отметим главные.

²⁹⁶ См.: Dunn J. The History of Political Theory // Dunn. J. The History of Political Theory and Other Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 26–27, 30; Dunn J. The Future of Political Philosophy in the West // Rethinking Modern Political Theory: Essays 1979–83. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 171–189; Данн Д. Политическая философия – будущее человечества // Русский журнал. 17.05.2009. URL: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskaya-filosofiya-budushee-chelovechestva> (дата обращения: 20.02.2020). Подробнее о взаимосвязи философии и политического мышления речь пойдет в следующей главе.

²⁹⁷ См.: Dunn J. Western Political Theory in the Face of the Future. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993. P. 7, 126–127, 132.

²⁹⁸ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 264.

²⁹⁹ Павлов А.В. Кембриджская школа политической мысли – Александр Павлов / ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/video/97122> (дата обращения: 25.01.2020).

§ 1.4.3. Разногласия основоположников школы и общая методологическая программа

На сегодняшний день сложилось двойственное отношение к методологии Кембриджской школы. С одной стороны, сами основоположники избегают рассматривать себя как единую школу. Данн сомневается в существовании школы как «единого организма»³⁰⁰. Для Скиннера ее существование является спорным в том смысле, что прошло уже достаточно много лет, как он преподавал в Кембридже, хотя и провел там большую часть своей академической карьеры, в то время как, например, Покок находился в Кембридже лишь короткое время в качестве аспиранта. Скиннер по-прежнему остается на тех же позициях школы и в этом он является скорее исключением среди основоположников школы, поскольку наиболее тщательно обособлял свои индивидуальные взгляды на определенные вопросы ради сохранения «чистоты» и целостности методологии. Однако делать вывод только из этого было бы неправильным, поскольку Скиннер – это еще не методология школы.

Прежде всего, расхождения в подходах кембриджцев касаются акцентов при анализе истории политической мысли. Скиннер уделял основное внимание использованию концепций и идей, в то время как для Покока важны языковые конвенции, которые являются основным объектом его исторического анализа. Покок меньше, чем Скиннер заинтересован в конкретных речевых актах и индивидуальных намерениях автора и предпочитает отслеживать политические языки и их развитие в течение длительного периода времени и через различные культуры³⁰¹. Данн в свою очередь был сосредоточен на мысли Локка, однако позднее занялся историей демократии эпохи Нового времени и современности.

³⁰⁰ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 264. Полный текст интервью в Данном см.: Данн Д. Политическая философия – будущее человечества // Русский журнал. 17.05.2009. URL: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskaya-filosofiya-budushee-chelovechestva> (дата обращения: 20.02.2020).

³⁰¹ См.: Mulsow M., Mahler A. Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte. Berlin: Suhrkamp, 2010. S. 11–13.

Наконец, основоположники Кембриджской школы стали постепенно разделяться в отношении республиканизма. Увлечение Скиннера этой идеей со временем начало приводить к заметным расхождениям в повестке Кембриджской школы, когда в 1980-х гг. Скиннер сосредоточился на «ревитализации» неоримской (республиканской) концепции свободы. Этот исследовательский ход стал «предметом острой “внутрипартийной” дискуссии»³⁰², что в очередной раз поставило вопрос о том, можем ли мы сегодня рассматривать Кембриджскую школу как единую последовательную методологическую программу. Ситуация осложнилась тем, что на пути к своей программе ревитализации Скиннер «решительно провел черту между собственной интерпретацией республиканизма и подходами Дж. Покока или Х. Арндт, которых он упрекнул в позитивном понимании свободы»³⁰³, а когда речь заходила об анализе некоторых вопросов республиканской политической мысли, то Покок выступал по отношению к Скиннеру уже не как коллега, а как соперник³⁰⁴. В итоге их разногласия при разделении по узким, но очень важным аспектам понимания этой темы получили особую огласку³⁰⁵.

В конце концов, основоположники постепенно начали следовать разными карьерными путями. Наиболее отчетливо это прослеживается в академическом пути Данна, хотя не он один наметил собственный вектор исследований: решение вести обособленные исследования и стать «самостоятельными политическими теоретиками»³⁰⁶ приняли также Покок со Скиннером. Например, с 1990-х гг. Покок серьезно занялся интеллектуальной

³⁰² Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 30.

³⁰³ Бугров К.Д. Республика/революция: Гражданская добродетель в политической истории России Засулич // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 548.

³⁰⁴ Там же. С. 548–550.

³⁰⁵ См.: Bourke R. The Cambridge School. URL: <https://www.qmul.ac.uk/history/media/ph/news/The-Cambridge-School.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).

³⁰⁶ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 280.

историей XVIII в., работая над трудом «Варварство и религия»³⁰⁷. Скиннер в свою очередь пошел «республиканским» путем. Таким образом, Скиннер, Покок и Данн проводили свои исследования с учетом различных вопросов и политических проблем.

По причине вышеуказанных различий и расхождений в подходах основоположников Кембриджской школы сложно строго охарактеризовать ее как продвижение некой единой и неизменной последовательной методологии. С другой стороны, несмотря на подобные разночтения и взаимную критику, Кембриджская школа рассматривается как устоявшийся теоретико-методологический подход со своим неизменным ядром. Поэтому возникает вопрос: продвигает ли Кембриджская школа общую последовательную методологическую программу, и если не единую и неизменную, то какую?

При всех своих сомнениях, сами основоположники Кембриджской школы в той или иной степени признают наличие у нее общих оснований. Данн, например, говорит об общих взглядах с другими основоположниками школы, выделяя Скиннера, которого он назвал «абсолютным единомышленником»³⁰⁸ по некоторым вопросам. В интервью 2009 года Данн отметил, что, несмотря на разные интересы, основоположники школы не перестают разделять убежденность в историчности политического мышления и строят на этом общие выводы, которых строго придерживаются по сей день³⁰⁹. На этих взглядах, убеждениях, и выводах было сформировано «ядро» Кембриджской школы, придерживаясь которого начиная с 1980-х каждый из основоположников уже стремился внести свой вклад не только в методологию

³⁰⁷ См.: Pocock J.G.A. *Barbarism and Religion. Vol. 1: The Enlightenment of Edward Gibbon, 1737–1764.* Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 323 p. Покок продолжал работу над этим проектом даже на восьмом десятке своей жизни, в результате чего он вырос из исследования работы британского историка Эдварда Гиббона до четырехтомного исследования.

³⁰⁸ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 264;

³⁰⁹ См.: Данн Д. Политическая философия – будущее человечества // Русский журнал. 17.05.2009. URL: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskaya-filosofiya-budushee-chelovechestva> (дата обращения: 20.02.2020).

школы, но также и в изучение истории политической мысли, пытаюсь занять свою позицию в методологических дебатах интеллектуальной истории.

С этой точки зрения, Кембриджская школа, несомненно, объединена широкими методологическими принципами и по-прежнему следует общей программе. Главное, что объединяет ее представителей – это контекстуальное изучение истории политической мысли. Именно контекст как неотъемлемая часть описываемой исследователями реальности выступает как объединяющий фактор методологической программы школы, поскольку «контекст» остиновского речевого действия – ключевая концепция установок кембриджских ученых, на которой все они сходятся: «и Скиннер, и Покок, и Джон Данн едины в том, что первая задача историка философии – реконструировать исторический смысл речевого действия»³¹⁰. Будучи сторонниками такого подхода, кембриджские историки «по большей части избегали вносить вклад в философские дебаты о том, как действовать дальше», разве что кроме Скиннера, который в своих исследованиях предложил конкретные методы анализа истории политической мысли.³¹¹

Таким образом, мы рассмотрели трех основоположников Кембриджской школы интеллектуальной истории, упомянули их основные идеи, которые послужили фундаментом оригинального метода «контекстуализма», став уже к 1980-м гг. лидирующим в англосаксонском мире направлением в исследовании истории политической мысли. В следующей главе мы подробно рассмотрим различные элементы методологии Кембриджской школы, а также те шаги, которые предпринял Скиннер для развития контекстуалистского похода к исследованию истории политической мысли.

³¹⁰ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 24.

³¹¹ См.: Bourke R. The Cambridge School. URL: <https://www.qmul.ac.uk/history/media/ph/news/The-Cambridge-School.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ КЕМБРИДЖСКОЙ ШКОЛЫ: ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Теория Остина с идеей об иллокутивной силе высказываний дала нам понимание, что речевые акты как форма социального действия воздействует на социальную реальность. Это вывод также помогает нам объяснить, как «социальный контекст политической философии создает и оберегает определенное поле, в котором речевые акты становятся прямым социальным действием»³¹². Теоретико-методологический подход Кембриджской школы пытается расширить идеи Остина и дать нам инструментарий для понимания того, кто и как создает, меняет и «оберегает» социальный контекст, а также для анализа и объяснения отношений между концептуальными и социальными изменениями. В этой главе предлагается подробнее рассмотреть этот инструментарий. Сосредоточив внимание на анализе различных высказываний, в которых используются ключевые для интеллектуальной истории концепции, мы сможем лучше понять роль языка в социальных изменениях и саму специфику истории социально-философского знания.

Но перед тем, как мы рассмотрим инструментарий Кембриджской школы, необходимо ответить на несколько вопросов. Прежде всего, подход школы имеет междисциплинарный характер. Однако остается неясным, как определяются методологические и дисциплинарные границы применимости этого подхода. Какую ценность в нашем случае имеет подход школы для социальной философии и как именно инструментарий школы в частности и интеллектуальной истории в целом способствуют социально-философскому анализу отношений языка и социальной реальности? На эти вопросы мы также попытаемся ответить в данной главе.

³¹² Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 25.

§ 2.1. Политический язык как социальное действие в историческом подходе Кембриджской школы. Границы применимости подхода

Как отмечает социолог Джеффри Александер, в Кембридже «существовали четыре традиции, в соответствии с которыми политика и история были связаны между собой: 1. Политология; 2. История политической мысли, 3. Политическая философия, 4. Политическая теология»³¹³. Когда речь идет о Кембриджской школе, ее часто рассматривают именно как школу истории политической мысли, поэтому в данном контексте иногда уместно также использовать обозначение «Кембриджская школа истории политической мысли». Однако необходимо учитывать, что Кембриджская школа не является строго школой истории политической мысли. Ранее мы отмечали, что Скиннера больше устраивает, когда его называют интеллектуальным историком³¹⁴. Покок предпочитает называть себя «историком дискурсов»³¹⁵, при этом он отличает в своих работах термины «история политической мысли» и «история политического дискурса»³¹⁶.

Александер также отмечает: «Сама по себе история политической мысли – это не что иное, как один из аспектов исторического исследования политики. И само по себе это просто не может объяснить, почему это важно. Ирония заключается в том, что история политической мысли имеет значение только в том случае, если кто-то другой – политолог, политический философ или политический теолог – приходит, чтобы объяснить, почему. И трагедия

³¹³ Alexander J. The Cambridge School, circa 1875 to 1975 // History of Political Thought. 2016. No. 37. P. 383.

³¹⁴ См.: Skinner Q. What Intellectual History Teaches Us: A Conversation with Quentin Skinner (The Governance Podcast Ep6) / Centre for the Study of Governance & Society, July 10th, 2018. URL: <https://csgs.kcl.ac.uk/podcast/what-intellectual-history-teaches-us-a-conversation-with-quentin-skinner/> (дата обращения: 12.02.2020).

³¹⁵ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 10.

³¹⁶ Покок Д. Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 142.

нынешнего состояния сильно ослабленной [Кембриджской] Школы может заключаться в том, что остались только историки политической мысли»³¹⁷.

Рассмотрим подробнее, какую роль в подходе кембриджцев имеют политическая наука, философия и история, а также то, как они в нем связаны. Затем попробуем определить дисциплинарные границы применения методологии школы и ее место в социально-философском познании.

§ 2.1.1. Междисциплинарный проект Кембриджской школы

Подход Кембриджской школы принято понимать как исторический, однако применяется он прежде всего к политической мысли, поскольку, когда мы говорим об этой школе, то речь идет о «понимании истории по отношению к политике и политики по отношению к истории»³¹⁸. Еще несколько столетий до возникновения Кембриджской школы многие известные исследователи Кембриджского университета сходились во мнении, что необходимо создать почву для взаимодействия истории и политики. К этому призывали и основоположники Кембриджской школы. Например, Скиннер подчеркивал большую важность политических идей для историков и пытался убедить их в этом с целью примирить историю и политическую мысль. При этом Скиннер с коллегами по школе имели свое собственное представление о том, как объединить эти науки в общем исследовательском поле³¹⁹.

Однако этим междисциплинарный проект Кембриджской школы не ограничился: основоположники школы двигались и в других направлениях. Прежде всего, они пытались связать политическую теорию с философией. Подобным путем шли в Оксфорде³²⁰, который в определенной степени повлиял на становление Кембриджской школы в том смысле, что именно в

³¹⁷ Alexander J. The Cambridge School, circa 1875 to 1975 // History of Political Thought. 2016. No. 37. P. 383–384.

³¹⁸ Ibid. P. 361.

³¹⁹ Ibid. P. 360.

³²⁰ Ibid. P. 361.

Оксфордском университете проводили свои исследования Ласлетт и Остин³²¹. Скиннер пытался обратить внимание на необходимость усиления взаимного внимания политической мысли и философии и ставил высшую ценность политических идей в перспективе философов. Данн также видел проблему в том, что сегодня политическое мышление «слабо»³²², как и его связь с философией. Причиной Данн считает распространение «абсурдных» и предвзятых взглядов на политику как менее привилегированную область по отношению к философии, а также убеждений, что последняя не нуждается ни в понимании политических реалий, ни даже в признании политики как таковой. С другой стороны, эта проблема не односторонняя: политике также стоит восстановить связь с философией. Усиление этой связи необходимо, поскольку именно в политической сфере принимаются решения, какие изменения проводить, формируя «модель устройства общественной жизни»³²³, и в этой же сфере лежит ответственность за данные решения.

С точки зрения Данна, изучение политики является «вопросом философской важности», который необходимо понимать именно исторически, и на сегодняшний день политическая наука находится «в неудовлетворительном философском состоянии»³²⁴ как раз по той причине, что она отвергает свои «корни» и игнорирует историческую обусловленность политики. Будущее политической науки зависит от того, насколько она признает такое положение. Возможно, тогда она сможет вновь приобрести должное значение³²⁵.

³²¹ См.: Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 279; Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 9-10.

³²² Данн Д. Политическая философия – будущее человечества // Русский журнал. 17.05.2009. URL: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskaya-filosofiya-budushee-chelovechestva> (дата обращения: 20.02.2020).

³²³ Там же.

³²⁴ Alexander J. The Cambridge School, circa 1875 to 1975 // History of Political Thought. 2016. No. 37. P. 371.

³²⁵ См.: Dunn J. The History of Political Theory // Dunn. J. The History of Political Theory and Other Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 26–27, 30; Dunn J. The Future

В то время как Данн в своем призыве делает акцент на «реальной» политике, Скиннер склоняется к тому, что разделение на реальную политику и политическую теорию является искусственным³²⁶. Для Скиннера всякая философия идеологична³²⁷, поэтому взаимовлияние философии и политики на практике неизбежно. Наше философское мышление определяет наши политические действия, т.е. философские идеи выступают надстройкой над системой власти и являются «неотъемлемой частью любого успешного притязания на власть»³²⁸. Соответственно, невозможно предложить некую абстрактную философию, свободную от мирских интересов. Это не означает, что Скиннер отрицает определенный уровень абстракции в философии, просто абстракция имеет смысл лишь в целях аналитического рассмотрения реальных проблем, хотя объективность тут остается под вопросом³²⁹.

Перейдем к другому направлению междисциплинарного проекта Кембриджской школы. Еще в период ее становления, в 1960-х годах, Кембриджский университет был «чрезвычайно живой и продуктивной средой как для историков, так и для философов»³³⁰. Основоположники Кембриджской школы пытались объединить эти направления. Покок приходит к выводу, что по-настоящему философским будет исследование, проведенное именно историком³³¹. В свою очередь для Скиннера философские вопросы на самом

of Political Philosophy in the West // Rethinking Modern Political Theory: Essays 1979-83. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 171–189

³²⁶ См.: Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation. P. 25. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).

³²⁷ Для описания этой идеологичности философии Палонен применяет термин «политика философии». (См.: Palonen K. Quentin Skinner: history, politics, rhetoric. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 138.) Об анализе идеологии у Скиннера речь пойдет в следующем параграфе.

³²⁸ Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation. P. 14. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).

³²⁹ Ibid. P. 25.

³³⁰ Mulsow M., Mahler A. Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte. Berlin: Suhrkamp, 2010. P. 7.

³³¹ См.: Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122. Философы Сьюрэмэки, например, рассматривают историю философии как «подкатегорию» интеллектуальной истории, но

деле являются историческими³³². Поэтому для основоположников школы изучение интеллектуальной истории имеет большую философскую ценность и становится незаменимым средством для всех, кто намеревается правильно понять настоящее.

Стремясь сделать историю политической мысли актуальной для современной политики, основоположники школы, с одной стороны, избегают компромиссов и строго придерживаются ограниченных исторических рамок и стандартов изучения истории политической мысли. Вместе с тем, они избегают «коротких путей» в понимании истории и пытаются найти более комплексные способы, которые другие историки, как правило, игнорировали. И хотя кембриджцы действовали как историки, наибольший вклад в своих попытках соединить прошлое с настоящим и в то же время продемонстрировать их неизбежное противоречие они сделали именно как философы. При этом им пришлось защищать свой подход как от философов, так и историков, которые считали, что в произведениях политической философии речь идет об одних и тех же вопросах и «вечных» идеях. Подход Кембриджской школы опроверг такой взгляд. С его точки зрения, идеи – это нечто большее³³³.

Классические тексты прошлого на самом деле отвечают не на наши вопросы, а те, что они сами ставили, предоставляя самые разнообразные ответы. Это понимание позволяет нам обнаружить существование очень разных традиций интерпретаций и раскрыть случайность наших убеждений, узнав больше о прошлом и о себе. Таким образом, через методологию интеллектуальной истории мы можем выйти за пределы, навязываемые нашим

при этом добавляет, что «история философии не является особой формой исторических исследований в том смысле, что ее нельзя охарактеризовать даже нерешительным набором методологических стратегий. История философии может принять практически любой подход к предмету». Sytjämäki S. *Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism* (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 18.

³³² См.: Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 266.

³³³ См.: Alexander J. *The Cambridge School, circa 1875 to 1975* // *History of Political Thought*. 2016. No. 37. P. 372-273.

обществом и учиться у других. Это не дает решения каких-то конкретных проблем, но мы получаем ключ к самопознанию.

Итак, мы рассмотрели, как основоположники Кембриджской школы стремились связать в своем исследовательском проекте политику, историю и философию. Однако при этом они делали разные акценты в изучении истории политической мысли, порой говорили о разных контекстах и даже по-разному опирались на другие направления и методы исследований, например философские, лингвистические и социологические. Подобные акценты создают определенные вариации в понимании истории политической мысли. Об этом и пойдет речь ниже.

§ 2.1.2. Контекстуализм Кембриджской школы

Интеллектуальные историки, как правило, сходятся в необходимости контекстуализации идей. Однако определение самого термина «контекст» и его понимание среди них неоднозначно, поскольку это «категория, охватывающая широкий круг явлений»³³⁴. Как и другие концепции, используемые в интеллектуальной истории, она подвергалась пересмотру, что в некоторой степени отразило изменения и в других направлениях исторической науки.

Контекстуализм часто используют в качестве синонима подхода Кембриджской школы. Однако, с точки зрения кембриджцев, контекст в методологии контекстуального анализа многими часто рассматривается неверно³³⁵. Даже внутри самой Кембриджской школы имеются некоторые разногласия по этому вопросу: основоположники школы по-разному расставляют акценты и применяют различную терминологию в своих исследованиях, поэтому спорным остается вопрос о том, что представляет

³³⁴ Cervera-Marzal M. Pour une conception coopérative des méthodes de lecture de Leo Strauss et Quentin Skinner // *Klesis. Revue philosophique*. 2012. No. 22. P. 17.

³³⁵ См.: Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 109–110.

собой соответствующий контекст истории политической мысли в методологии школы.

Ранее мы уже упоминали различия между словарями Скиннера и Покока, которые употребляли разные термины в своем анализе и порой вкладывали в них разный смысл. Тем не менее, эти отличия не говорят о парадоксальных разночтениях в общей методологии школы. Даже при определенных различиях в методах и терминологии, как в случае Скиннера и Покока, подходы основоположников Кембриджской школы носят «одновременно взаимодополняющий и взаимно полемический характер методологических работ»³³⁶, что в очередной раз демонстрирует широкий междисциплинарный характер подхода школы к изучению истории политической философии и дает нам возможность говорить о единой методологической программе.

Рассмотрим подробнее эти отличия и определим, о каком именно контексте говорят основоположники Кембриджской школы.

Итак, поскольку подход Кембриджской школы исторический, то речь в нем идет прежде всего об историческом контексте, на чем сходятся все основоположники школы. Далее, поскольку контекстуалистский подход школы имеет дело с политическим дискурсом, то речь в нем также идет о политическом и идеологическом контекстах³³⁷. И хотя исторический контекст «включает» в себя политический, в подходе Кембриджской школы они могут упоминаться как два отдельных измерения контекстуального анализа.

³³⁶ См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7–52.

³³⁷ См.: Талли в своем анализе подхода Скиннера приходит к заключению, что у последнего политический контекст первичен по отношению к идеологическому контексту, который по сути является здесь надстройкой, но при этом активно «воздействует на базис» – политический контекст. (Талли Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 230.)

Далее, поскольку политика является механизмом изменения социальной реальности, то политические изменения имеют также социальное выражение и неразрывно связаны с социальными изменениями. В этом у кембриджцев тоже нет разногласий, поэтому они прослеживают социальные изменения в первую очередь через политические идеи, на примере истории политической мысли. Скиннер всегда демонстрировал большой интерес к методологии социальных наук и работам таких социологов, как Макс Вебер и Клифорд Гирц³³⁸. Когда Скиннер говорит о контексте политической мысли, то помимо политического речь идет и о социальном контексте: «вопросы задает сам социальный мир [...] Таким образом, – заключает Скиннер. – Всегда в глубине моего сознания лежит то, что теории, о которых я пишу, продуцируются самой социальной сферой»³³⁹. Покок понимает историю как «социальную деятельность определенной группы»³⁴⁰. Данн считает возможность понимания социально-политических изменений через контекстуальное изучение политических идей «самой интересной чертой истории политических идей, [...] поскольку если речь идет о великих политических мыслителях, то их интеллектуальные повороты имели очень серьезные политические следствия для всего мира»³⁴¹. Что автор имеет в виду под тем или иным политическим аргументом и с какой целью его использовал – все это становится ясно только тогда, когда мы понимаем социально-политический контекст высказываний.

³³⁸ Отношение Скиннера к социальным наукам отражено, например, в работе «Видения политики», особенно в последних четырех главах первого тома, где он в этом отношении развивает теорию социального действия в ее связи с философией языка. (См.: Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 225 p; см. также предисловие к: *The Return of Grand Theory in the Human Sciences* / Ed. by Q. Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 224 p.

³³⁹ Skinner Q. *Concepts only have history* // Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

³⁴⁰ Araújo P. *Pocock e a historiografia como linguagem política* // *Resgate: Revista Interdisciplinar de Cultura*. 2017. Vol. 25. No. 1 (33). P. 284.

³⁴¹ Данн Д. *Политическая философия – будущее человечества* // *Русский журнал*. 17.05.2009. URL: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskaya-filosofiya-budushee-chelovechestva> (дата обращения: 20.02.2020).

Такой анализ необходим в связи с более общей социально-политической историей этих аргументов.

Особая «чувствительность к коммуникативной природе политических высказываний»³⁴² со стороны основоположников Кембриджской школы в немалой степени послужила тому, что термин «контекстуализм» стал использоваться в качестве синонима подхода школы. Однако необходимо учитывать, что контекстуализм как метод интерпретации представлен не только подходом Кембриджской школы, а в некоторых формах значительно от него отличается. Отмечают, например, что когда речь идет об анализе социального контекста, контекстуализм кембриджцев заметно контрастирует с отстаиваемым историком Льюисом Нэмиром социальным контекстуализмом, который, по сути, более близок к марксистской версии контекстуальной интерпретации³⁴³. Историки, опирающиеся на исторический материализм с его идеей о том, что социальное бытие определяет сознание, рассматривали идеи лишь как поверхностное отражение социальных структур или побочный продукт социального, как оправдание господства той или иной идеологии. Такая форма контекстуализма была традиционным подходом к интерпретации и противоположна герменевтическому подходу – «эссенциалистскому». Если социальный конструктивизм, «работая на манере социологического детерминизма, стремится, таким образом, разбавить фигуру автора»³⁴⁴ и игнорировать причинную связь по отношению к социальным фактам, то эссенциализм фокусировался лишь на внутреннем смысле текстов и игнорировал социальный и политический контексты их создания. Скиннер же подчеркивал тот факт, что «в истории есть много крупных непреднамеренных социальных явлений и движущих сил: социально-

³⁴² Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 10.

³⁴³ См.: Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 102.

³⁴⁴ Cervera-Marzal M. Pour une conception coopérative des méthodes de lecture de Leo Strauss et Quentin Skinner // Klesis. Revue philosophique. 2012. No. 22. P. 17.

экономические изменения, демографический переход»³⁴⁵. В этом отношении контекстуализм кембриджцев в некотором смысле соблюдает золотую середину: в то время как смысл текста определяется контекстом, это не означает, что автор выступает лишь как «продукт социально-исторических механизмов»³⁴⁶. Скиннер отвергал оба вышеупомянутых подхода, поскольку они упускают отношения, объединяющие текст с его контекстом и «оперируют радикальным разрывом»³⁴⁷ между ними, вместо того чтобы подчеркивать их связь, и в результате эти подходы упускают сам суть предмета теории интерпретации.

Таким образом, анализ политической мысли в рамках социального контекста наряду с политическим является неотъемлемой частью и «необходимым условием»³⁴⁸ контекстуального анализа Кембриджской школы. Как и политический, а также идеологический контексты, социальный «включен» в исторический контекст. Однако анализа социального контекста для понимания процессов социальных изменений недостаточно с точки зрения Скиннера: «Если бы мы даже могли путем анализа социального контекста расшифровать значение какого-либо утверждения, мы бы все равно не имели никакого представления о вложенной в него иллюкутивной силе, а значит в конечном счете и не понимали бы его по-настоящему. То есть неизбежно остается пробел: даже если благодаря анализу социального контекста мы можем объяснить тексты, это не равнозначно возможности понять их»³⁴⁹. А понимать здесь необходимо прежде всего то, что подразумевается под определенными высказываниями, а также отношения между ними. С точки зрения Скиннера, частая ошибка методологии контекстуального анализа в

³⁴⁵ Skornicki A. Lectures critiques // *Revue française de science politique*. 2019. Vol. 69. No. 3. P. 503.

³⁴⁶ Cervera-Marzal M. Pour une conception coopérative des méthodes de lecture de Leo Strauss et Quentin Skinner // *Klesis. Revue philosophique*. 2012. No. 22. P. 17.

³⁴⁷ Ibid.

³⁴⁸ Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 56.

³⁴⁹ Там же. С. 106.

этом отношении заключается в том, в контекст «воспринимают как определяющий фактор высказывания. Его скорее следует воспринимать как исходное обрамление»³⁵⁰. Для того, чтобы продемонстрировать это, Скиннер использует еще один элемент, уровень контекстуального анализа.

§ 2.1.3. Лингвистический контекстуализм: история, социальная сущность и функции языка

Как утверждает лингвист Ноам Хомский в работе «О языке»: «...любая серьезная социальная наука или теория социальных изменений должны основываться на некоторой концепции человеческой природы»³⁵¹. Критикуемые Скиннером контекстуалистские подходы были довольно радикальны в этом отношении: одни придерживались социологического детерминизма и рассматривали человека как побочный продукт социального, другие, наоборот, игнорировали роль последнего и фокусировались на авторе и его идеях³⁵². Поэтому Скиннер и его коллеги по Кембриджской школе предложили в противовес этим представлениям иной подход. Рассмотрим подробнее, на какой концепции человеческой природы основывается теория социальных изменений в подходе кембриджцев и как в его рамках стоит понимать контекст.

Человек – существо социальное, коллективное. С точки зрения историка Мартина ван Гелдерена, признать это «значит признать его лингвистическим существом», и поскольку социальные и политические действия и структуры, которые создает человек, являются также, по сути, лингвистическими, ван Гелдерен приходит к заключению, что «история языка включает в себя социальную и политическую историю»³⁵³. Если мы возьмем точку зрения

³⁵⁰ Там же. С. 109–110.

³⁵¹ Chomsky N. On Language: Chomsky's Classic Works Language and Responsibility and Reflections on Language in One Volume. New York: The new Press, 2007. P. 70.

³⁵² См. предыдущий подпараграф.

³⁵³ Ван Гелдерен М. Между Кембрижем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 390.

основоположников Кембриджской школы по этому вопросу, то для Покока, например, история политической мысли является, по сути, историей языка, точнее (политических) языков, дискурсов, поскольку «у нее [политической мысли] есть история именно благодаря тому, что она становится дискурсом»³⁵⁴. Для Скиннера в свою очередь интеллектуальный контекст тоже имеет языковой, лингвистический характер: под контекстом истории политической мысли он понимает прежде всего «полемическую языковую ситуацию»³⁵⁵ и стремится раскрыть ее, обращаясь к языковому контексту. Скиннер пытается показать, что если мы хотим понять социальный контекст высказываний, необходимо помещать их именно в языковой, лингвистический контекст, в котором они возникли. Таким образом, анализ лингвистического контекста имеет для Скиннера первостепенное значение, в то время как анализ социального для него по-прежнему важен и интересен, но имеет уже второстепенное значение как «часть лингвистического анализа текста»³⁵⁶.

Особое внимание к лингвистическому контексту со стороны Скиннера не было оригинальным, поскольку с возникновением лингвистического поворота важность языка уже была открыта в гуманитарных науках³⁵⁷. Оригинальность Скиннера здесь скорее заключалась в том, что он стремился раскрыть роль лингвистических (концептуальных) изменений в истории политических идей «в различных отношениях с социальными и политическими реалиями»³⁵⁸, и сделал понимание этой неотрывной связи

³⁵⁴ Покок Д.Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 147.

³⁵⁵ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 24.

³⁵⁶ Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 110.

³⁵⁷ См.: Weymans W. Über den Nutzen der Ideengeschichte: Quentin Skinners Verteidigung der republikanischen Freiheit gegen den modernen Staat // Leviathan. 2005. Vol. 33. No. 3. P. 385.

³⁵⁸ Skinner, Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007, URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

полезным для историков, политической философии, а также проблем истории социального познания. Выбрав Гоббса в качестве примера для применения контекстуалистского подхода, Скиннер показал, что подход можно применить к любому подобному автору в англоязычной традиции.

Таким образом, мы видим, что для Скиннера язык выступает основным средством политической теории, а анализ перформативных аспектов языка является основой его метода. Вместе с тем реконструкция языка автора и его намерений в равной степени важны для теории интерпретации Скиннера и составляют единую основу его подхода. В то время как реконструкция языка характеризует подход Скиннера как лингвистический контекстуализм, реконструкция интенций придает ему «интенционалистский» окрас. Позже Скиннер переключил свое внимание от интенций на реконструкцию речевого действия, не переставая при этом обращаться к интенциональности³⁵⁹. Дело в том, что подобный акцент на интенции в его подходе часто оказывается неправильно понят. Как объясняет Скиннер: «очевидно, в каком-то смысле меня интересует интенциональность. Но меня интересуют намерения, с которыми люди используют язык, а не предполагаемая связь между намерением и смыслом»³⁶⁰. Скиннер не раз повторяет, что для него тексты – это действия, а потому он занимается совершенно другим – не интенциональностью как таковой, а вопросом об интенциональности действий и перформативности текстов³⁶¹. С этой мыслью Скиннер фокусируется на особом «классе социальных действий, в которых концепция кого-либо, означающего что-либо (в или посредством слов или действий), имеет самое

³⁵⁹ См.: Покок Д.Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 147–148.

³⁶⁰ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

³⁶¹ Ibid.

ясное и наиболее очевидное применение, а именно в классе лингвистических действий»³⁶².

§ 2.1.4. Язык и социальные изменения

Среди основоположников Кембриджской школы Скиннер имеет особый взгляд на теорию социальных изменений и роль языка в них, а также лингвистическую концепцию человеческой природы. Как отмечает Павлов, проект Скиннера по борьбе с антиисторическими подходами к анализу истории политической мысли был одновременно направлен на то, чтобы «нанести удар не только по политическим теоретикам (вольно обращающимся с идеями) и историкам (изучающим контекст мысли), но и по политическим философам (интерпретирующим тексты) с позиций лингвистической философии»³⁶³.

С точки зрения Скиннера языки, сохраняя свою, по существу, историческую природу, являются вкладом в наш социальный мир, поскольку социальная реальность определяется нашими концепциями, которые не «навязываются» ей, «а привносятся нами, когда мы пытаемся ее понять»³⁶⁴. Скиннер затем задается рядом связанных с этим заключением вопросов: что мы можем надеяться узнать о нашем социальном мире и его изменениях, изучая концепции, которыми мы описываем и оцениваем этот мир, и как наши языковые разногласия в отношении него отражают разногласия по поводу самой социальной реальности³⁶⁵? В поисках ответа на эти вопросы Скиннер пытается показать, как изучение меняющихся определений различных

³⁶² Skinner Q. 'Social meaning' and the explanation of social action // *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* / Ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 83.

³⁶³ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // *Логос*. 2018. № 4. С. 270.

³⁶⁴ Скиннер Кв. Ответ моим критикам // *Кембриджская школа: история и метод* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 279.

³⁶⁵ См.: Skinner Q. *The Idea of Cultural Lexicon* // *Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 163, 171; Skinner Q. *Language and Social Change* // *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* / Ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 119–132.

концепций языка способно помочь нам в понимании социальных изменений. Ключевой публикацией³⁶⁶ Скиннера по этой теме является статья 1979 г. под названием «Идея культурного лексикона», которая после двух редакций вошла в его сборник «Visions of Politics», сохранив свое оригинальное название³⁶⁷. В первой редакции статья была опубликована в 1980 г. под довольно примечательным названием – «Язык и социальные изменения»³⁶⁸. Далее речь пойдет преимущественно о последней редакции статьи.

В данной статье Скиннер критически исследует концепцию «ключевых слов» известного неомарксиста Рэймонда Уильямса. В работе 1967 года под названием «Ключевые слова: Словарь культуры и общества»³⁶⁹ Уильямс исследует историю более сотни ключевых слов, на первый взгляд знакомых и вполне понятных, но на самом деле способных сбить с толку. Среди них, например: культура, искусство, образование, менеджмент, массы, природа, общество, благосостояние, работа, бюрократия пр. В 1983 г. последовало пересмотренное и расширенное издание этого исследования. Подход Уильямса носит более культурологический характер, чем этимологический, и подходит больше для социологических и культурных исследований. Скиннер пытается применить его к процессам политического обновления, но приходит к выводу, что большим упущением Уильямса (позднее он сам это признал) было его отношение к концепциям. Изучение последних может открыть более широкие перспективы для интеллектуального историка, чем чисто

³⁶⁶ Сам Скиннер рассматривает ее в качестве лучшего из своих философских эссе. (См.: Syrjämäki S., Koikkalainen P. Quentin Skinner. On Encountering the Past // Finnish Yearbook of Political Thought. 2002. Vol. 6. P. 61.)

³⁶⁷ См.: Skinner Q. The Idea of Cultural Lexicon // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 158–174.

³⁶⁸ См.: Skinner Q. Language and Social Change // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / Ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 119-132. Здесь мы обращаемся к оригинальному тексту на английском языке, поскольку в переводе на русский термин «социальные изменение» в названии статьи заменен на «политические изменения». В рамках данного исследования такие замены привели бы к определенным замешательствам, хотя возможно, что исходя из общего контекста Скиннер в своей статье подразумевал те обозначения, которые предпочел автор перевода. См.: Скиннер Кв. Язык и политические изменения // Логос. 2005. № 3 (48). С. 143–152.

³⁶⁹ См.: Williams R. Keywords: a vocabulary of culture and society. New York: Oxford University Press, 2015. 270 p.

семантическое описание ключевых слов (keywords), практикуемое Уильямсом. Напомним, что Скиннер рассматривает не историю концепций, а историю их использования, поскольку никакой истории у них быть не может. Конечно, происхождение некоего термина иногда проливает свет на его значение, но часто обнаруживается, что изначально концепция означала совсем другое, т.е. использовалось иначе. Поэтому, как отмечает Скиннер: «Если мы хотим понять, как кто-то видит мир – какие различия он проводит, какие классификации он принимает, – нам нужно знать не то, какие слова он использует, а скорее то, какими концепциями он обладает»³⁷⁰.

При этом полное и точное понимание индивидуальной концепции нам недоступно, поскольку для этого необходимо соотнести ее со всеми другими связанными концепциями, а для этого нужно понять и эти концепции, соотнеся их с другими, и т.д., а также понять их социальную роль³⁷¹. Однако целью здесь является не абсолютное понимание концепций, а реконструкция исторически локального смысла речевых действий, выявление тех коммуникативных актов, которые могли быть осуществлены посредством конкретных действий, а также понимание отношений между данными действиями³⁷². Элементами этих речевых действий являются определения, которые авторы дают концепциям в рамках более широкого концептуального и социального контекста по отношению к другим социальными явлениям.

Еще одной задачей интеллектуального историка является реконструкция интенций, которыми руководствовался автор, используя то или иное определение, а для этого важно также понимать его взгляды, картину мира. Таким образом, мы видим, как политический язык автора, концепции, которыми он «обладает», опираются на его отношение к социальной

³⁷⁰ Skinner Q. The Idea of Cultural Lexicon // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 159.

³⁷¹ См.: Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 69.

³⁷² См.: Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 110.

реальности. Другими словами, мы видим то, как «наш социальный язык и наша социальная ткань опираются друг на друга»³⁷³. Так, дискуссии вокруг определения концепций и разногласий отражают отношение авторов к социальной реальности. На основе анализа языковых проявлений этих разногласий мы можем выявить интенции авторов, направленные на изменение этой реальности³⁷⁴.

Следующий вопрос, на который Скиннер пытается ответить: являются ли изменения в концептуальных разногласиях причиной социальных изменений в социальном мире или остаются лишь лингвистическими изменениями. Сюржемэки в своем исследовании рассматривает несколько уровней концептуальных разногласий в подходе Скиннера и приходит к следующему заключению: «Лингвистический уровень легко определить, но является ли это в то же время социальным спором? Что, если одна сторона победит? Будут ли предполагаемые лингвистические изменения также социальными? Ответ Скиннера – «“Да”. [...] в целом действие происходит в социальном мире, и действия склонны оказывать определенное воздействие на окружающую среду. Можно, пожалуй, даже утверждать, что потенциальные изменения носят в основном социальный характер и в определенной степени лингвистический»³⁷⁵.

При этом Скиннер считает недостаточным рассматривать концептуальные изменения лишь как «зеркало», отражение социальных изменений и выступает против такого поверхностного взгляда на их отношения³⁷⁶, поскольку для него эта связь гораздо более глубокая: «это правда, что наши социальные практики помогают придать смысл нашей социальной лексики. Но в равной степени верно и то, что наш социальный

³⁷³ Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 319.

³⁷⁴ См.: Palonen K. Quentin Skinner: history, politics, rhetoric. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 89–90.

³⁷⁵ Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 75.

³⁷⁶ Ibid. P. 77.

словарь помогает сформировать характер этих практик»³⁷⁷. В другом месте Скиннер обращает внимание на то, что «наша социальная действительность определяется нашими концепциями и любое успешное изменение в их использовании одновременно становится изменением и в окружающей нас социальной реальности. Перо, как отмечает Талли, может стать серьезным оружием»³⁷⁸.

Используя выражение философа Чарльза Тейлора, Скиннер приходит к выводу, что при желании мы можем говорить об отношениях между языком и социальной реальностью в терминах взаимозависимости, но правильнее было бы рассматривать их скорее в диалектической взаимосвязи и «признать "искусственность различия между социальной реальностью и языком описания этой социальной реальности"»³⁷⁹. Таким образом, мы приходим к выводу, что концептуальные изменения следует рассматривать одновременно как отражение, «индикатор» социальных изменений, так и их фактор-инициатор.

§ 2.1.5. Границы применимости подхода Кембриджской школы и его место в социальном познании

Мы видим, что контекст в методологии Кембриджской школы можно прежде всего понимать как лингвистический контекст. На протяжении многих лет подход кембриджцев подвергался активной критике за то, что концепция контекста в нем слишком узка в том смысле, что другие аспекты исторического контекста – политический, экономический, социальный и культурный – якобы игнорируются в пользу чисто лингвистических обстоятельств. В целом же этот оригинальный «лингвистический» шаг в

³⁷⁷ Skinner Q. The Idea of Cultural Lexicon // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 174.

³⁷⁸ Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 319.

³⁷⁹ Skinner Q. The Idea of Cultural Lexicon // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 174.

изучении политических идей позволил сформировать подход, согласно которому мыслитель больше не является оригинальным или «великим» просто потому, что он предвосхищает наши собственные прозрения (как считалось ранее), но потому, что он обновляет, модифицирует или подрывает существующие аргументы в своем собственном контексте. Так кембриджцы стремились побороть устоявшееся убеждение, что текст должен быть изучен «сам по себе». В результате, благодаря совместным усилиям кембриджцев и их особому вниманию к языковому контексту политической мысли, за последние несколько десятилетий Кембриджская школа постепенно росла и в итоге приобрела роль «ортодоксального статуса»³⁸⁰ в интеллектуальной истории, внося в нее значительный вклад. Акцент кембриджцев на лингвистическом контексте также позволил им сделать оригинальный вклад в философию языка³⁸¹.

Таким образом, у нас имеются несколько элементов контекстуального анализа, которые опираются на разные аспекты исторического контекста: политический, идеологический, социальный и лингвистический. Для интеллектуального историка все это укладывается в термин «интеллектуальный контекст». Такой терминологический выбор делает, например, Скиннер, когда «уточняет, что при толковании философских текстов прошлого необходимо учитывать именно интеллектуальный контекст»³⁸². По сути, речь здесь идет все о том же историческом контексте, однако Скиннер делает акцент именно на интеллектуальном из осознания неоднозначного спектра значений, который содержит в себе концепция контекста, а также по той причине, что замысел автора выявляется

³⁸⁰ Lamb R. Quentin Skinner's revised historical contextualism: a critique // *History of the Human Sciences*. 2009. Vol. 22 (3). P. 2.

³⁸¹ Как отмечает Павлов, этому поспособствовал тот факт, что в тот период, когда основоположники Кембриджской школы разрабатывали свою методологию, «Кембридж оставался наиболее влиятельным центром лингвистической философии». (Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // *Логос*. 2018. № 4. С. 267.)

³⁸² Cervera-Marzal M. Pour une conception coopérative des méthodes de lecture de Leo Strauss et Quentin Skinner // *Klesis. Revue philosophique*. 2012. No. 22. P. 18.

практически только через интеллектуальный контекст, и редко исходя из внутреннего содержания самого текста³⁸³. Сам термин «интеллектуальная история» в понимании Кембриджской школы отражает все эти контексты и поэтому выбран в качестве обозначения школы.

Помещая тексты в интеллектуальный контекст, историк использует методы интерпретации, чтобы выяснить, что делает автор, когда пишет текст. Основоположниками Кембриджской школы был предложен оригинальный подход в этом направлении. Он сосредоточен на изучении политических языков, используемых политическими и социальными теоретиками, чьи лингвистические действия являются формой социального действия, которые, по сути, имеют лингвистическую природу. Как подметил Ван Гелдерен: «Для изучения истории язык – это эпистемологический дом бытия. [...] Онтологические отношения между языком и реальностью озадачивают не только философов [...] Они глубоко релевантны и для историков-практиков»³⁸⁴. Это и пытаются показать представители Кембриджской школы – они рассматривают влияние политических языков и идей на социальные изменения как историки, политические теоретики и философы, пытаясь избежать недостатков одностороннего изучения в рамках одного направления.

Междисциплинарный подход кембриджцев позволил объединить методы философско-лингвистического анализа и социально-исторических исследований, и в этом плане их оригинальный подход к пониманию социальных изменений имеет особую ценность для социально-философского познания, поскольку главным средством политической теории в этом подходе выступает язык как социальное действие, изменяющее социальные структуры, саму социальную реальность, являясь в то же время отражением/индикатором и фактором-инициатором этих изменений.

³⁸³ Ibid.

³⁸⁴ Ван Гелдерен М. Между Кембрижем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 390–391.

Ван Гелдерен в своей статье делает уместное замечание о дисциплинарных границах подобного подхода: «В этом отношении оказывается неясно, почему следствием онтологического различия между языком и обществом должны стать отдельные дисциплины, занимающиеся изучением истории. Неясно, чем эпистемология и методология социальной истории отличается от истории понятий; неясно, чем социально-историческое изучение любви эпистемологически и методологически отличается от историко-понятийного изучения того же явления. Любовь может быть чем-то большим, нежели дискурс влюбленных, и она может иметь долингвистические условия, но все, что остается от нее увлеченному историку, – это язык»³⁸⁵.

Таким образом, теоретико-методологический подход Кембриджской школы интеллектуальной истории к анализу роли языка в социальных изменениях имеет большую ценность и актуальность для широкого круга дисциплин. Отмечают, что идея «плюрализации» политических языков, предлагаемая Кембриджской школой сыграла заметную роль в социальных науках³⁸⁶. В этой связи было бы упрощением утверждать, что данный подход имеет ценность прежде всего для политической теории или исторической науки, а для социально-философского познания он имеет лишь второстепенное значение. В действительности он имеет большое значение для каждого из указанных направлений, а в изучении определенных вопросов междисциплинарный подход Кембриджской школы имеет прикладное значение и в других направлениях³⁸⁷.

³⁸⁵ Ван Гелдерен, М. Между Кембрижем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 390.

³⁸⁶ См.: Panagia D. A Theory of Aspects: Media Participation and Political Theory // *New Literary History*. 2014. Vol. 45. P. 431.

³⁸⁷ Например, подход Кембриджской школы нашел необычное применение в теологии в качестве метода интерпретации талмудической литературы. Хотя уместность этих попыток остается спорной. (См. напр.: Bkankovsky Y. *An Interpretive Method for Talmudic Literature*. Yuval Bkankovsky: Jerusalem, 2013. 158 p. URL: https://www.academia.edu/4099173/An_Interpretive_Method_for_Talmudic_Literature_%D7%9E%D7%90%D7%9E%D7%A8_%D7%A2%D7%9C_%D7%A4%D7%A8%D7%A9%D7%A0%D7%95%D7%AA_%D7%94%D7%AA%D7%9C%D7%9E%D7%95%D7%93 (дата

Итак, мы попытались обозначить методологические границы Кембриджской школы и раскрыть одно из ключевых положений данного исследования, а именно: то понимание, которое дает нам методология Кембриджской школы о процессах обновления дискурса в истории политических идей и их роли в социальных изменениях, имеет не меньшую ценность для социально-философского познания, чем для политической или исторической наук. Для нас также было важно ответить, являются ли концептуальные изменения языка лишь отражением социальных изменений, или наоборот, выступают в качестве их первичного фактора-инициатора. Далее мы рассмотрим подробнее, как подход Кембриджской школы применим к анализу структуры политических языков идеолога, его стратегий и тактик изменения социальной реальности с помощью этих языков, а также ограничений этих изменений.

§ 2.2. Политическая риторика и идеологический контекст

Ранее мы упоминали, что основоположники Кембриджской школы имеют свой особый взгляд на то, как можно было бы примирить историю и политическую науку. В качестве основы их объединения Скиннер рассматривает анализ идеологии. Скиннер как исследователь имеет три разные, но взаимосвязанные и взаимодополняющие роли – интеллектуального историка, политического теоретика и философа, и в этом статусе он часто обращается в своих исследованиях к идеологии, риторике и генеалогии³⁸⁸. Генеалогию ключевых концепций политической теории в подходе Скиннера мы уже рассматривали в предыдущей главе. Далее речь пойдет о его подходе к анализу риторики и идеологии.

обращения: 21.10.2020).) Данное эссе талмудиста Юваля Бханковского было автором выложено в свободном доступе без издательства.

³⁸⁸ См.: Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation). URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).

Прежде всего, большой интерес в подходе Скиннера представляют методы исследования, применяемые к анализу риторических аспектов языка. Скиннер часто обращается к риторике, поскольку для него всякая концепция представляет собой «языковые элементы в политической борьбе»³⁸⁹. Идеология здесь понимается как «язык политики, определяемый своими конвенциями и используемый определенным количеством пишущих»³⁹⁰. В каком-то смысле Скиннер синкретически использует риторiku и теорию речевых актов, поскольку там, где последняя не дает ответов, риторическая традиция оказывается крайне полезной³⁹¹.

В изучении этих специфических тем Скиннер «был одинок с самого начала»³⁹². С точки зрения некоторых исследователей он и его сторонники неправильно разрабатывали тему. Особую неприязнь выражали сторонники американской «истории идей», поскольку, вспоминает Скиннер, «им казалось, что мы бросаем вызов предполагаемому обоснованию изучения этого предмета, что мы, конечно же, и делали»³⁹³. Позднее Скиннер больше не был одинок в изучении этих вопросов, и уже давно участвует в разных масштабных совместных проектах, которые позволили ему познакомиться со многими учеными и тем самым привлечь новых сторонников и последователей.

Одним из таких ученых был философ Джеймс Талли, с которым Скиннер занимается редакцией серии монографий издательства Кембриджского университета под названием «Идеи в контексте» (*Ideas in Context*), в которой они пытались распространить свой подход к

³⁸⁹ Garsten B. Review of Kari Palonen, Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric // Ethics. 2007. Vol. 117. № 3. P. 567.

³⁹⁰ Талли Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 221.

³⁹¹ Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation. P. 27. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).

³⁹² Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

³⁹³ Ibid.

интеллектуальной истории³⁹⁴. В статье под названием «Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику»³⁹⁵ Талли выделил 5 шагов в теории интерпретации Скиннера, которые отвечают на вопросы касательно политической риторики и идеологического контекста: что делал автор при написании текста по отношению к другим текстам и действиям, образующим идеологический и «практический» контексты; как идентифицировать и анализировать идеологии; какие формы и связи политического мышления и действия участвуют в конвенционализации социально-политических изменений, и как анализ их связи способен объяснить эти процессы³⁹⁶.

Далее мы рассмотрим, как Скиннер и его коллеги пытаются ответить на указанные вопросы, а также какие методы для этого применяют.

§ 2.2.1. Политический теоретик как идеолог. Скиннер и критика неолиберализма

Изложенный выше взгляд кембриджцев на понимание взаимосвязи философии, политической теории и истории, а также роль языка, лингвистического контекста в этих отношениях меняет саму концепцию истории и понимание задач историка. Скиннер, по сути, совершил революцию в понимании этих задач³⁹⁷: теперь само мышление необходимо рассматривать

³⁹⁴ В настоящее время в серии опубликовано уже более 100 работ, в которых авторы еще с возникновения серии в 1983 г. пытаются поместить различные идеи, концепции в исторический, интеллектуальный контекст. (См.: Ideas in Context. URL: <https://www.cambridge.org/core/series/ideas-in-context/7E30BA052B5A1F0AF3C67156FEA725BE> (дата обращения: 01.03.2020); а также: Cowan B. Ideas in Context: From the Social to the Cultural History of Ideas // Palgrave Advances in Intellectual History / Ed. by B. Young and R. Whatmore. Houndmills: Palgrave, 2006. P. 171–188.)

³⁹⁵ См.: Талли Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 253–346.

³⁹⁶ Там же. С. 218.

³⁹⁷ Нововведение Скиннера достойно признания согласно его же собственному убеждению, что «новизна должна использоваться в качестве основного критерия оценки качества и значимости научных вкладов». (Garsten B. Review of Kari Palonen, Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric // Ethics. 2007. Vol. 117. № 3. P. 570.)

как политическую деятельность. Соответственно, деятельность политического теоретика также становится политической деятельностью, а любая философия – идеологичной. Как отметил по этому поводу политолог Брайан Гарстен: «политические философы лучше всего воспринимаются как “теоретические политики”, делающие набор “ходов” в игре теоретизирования, стремясь достичь определенных целей. Философская форма их письма – это риторический стиль, призванный сделать их аргументы убедительными»³⁹⁸.

Для Покока сама история становится риторикой в той степени, в какой она изучает то, как политические языки конкурируют друг с другом. Поскольку историки стремятся убедить остальных в истинности своей позиции и утвердить свои нарративы и интерпретации в качестве наиболее верных, то сама история, таким образом, становится определенным пространством сосредоточения и формирования власти, сообществом, в котором большинство придерживается веры и убежденности в определенном нарративе (риторика), прибавляя ему авторитетности и официальности, тем самым поддерживая определенные институты, наделенные властью. Любая попытка вмешаться в эти отношения власти способна лишь перераспределить или усилить ее³⁹⁹.

Скиннер отстаивает идею, что смысл возникает из совокупности речевых актов – действий. Талли отмечает, что «первичным агентом масштабного изменения, как в мысли, так и в действии является неустойчивая конфигурация властных отношений, которая образует практический контекст и которую репрезентируют идеологические дебаты»⁴⁰⁰. Важными структурными элементами этих дебатов для основоположников Кембриджской школы являются политические тексты. Покок также отмечает,

³⁹⁸ Ibid. P. 566.

³⁹⁹ См.: Araújo P. Povo e a historiografia como linguagem política // Resgate: Revista Interdisciplinar de Cultura. 2017. Vol. 25. No. 1 (33). P. 291.

⁴⁰⁰ Талли, Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику / Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 231.

что сама природа этих дебатов и политических дискуссий «предполагает в отношениях “автор – читатель” как асимметрию, так и симметрию, поскольку, используя общий для них обоим язык, читатель может сам стать автором»⁴⁰¹, который в свою очередь реагирует на других авторов. Так, разграничение между политическим теоретиком и политиком становится все менее заметным, поскольку «историк, будучи частью академической системы, не перестает быть “политическим актором”»⁴⁰².

Таким образом, историк, политический теоретик или исследователь становится идеологом, даже если сам этого до конца не осознает или не признает. Он влияет на социально-политические изменения через участие в изменении и перераспределении власти путем занятия определенной позиции в своих текстах, например, поддержке или критике определенных политических языков. Следовательно, не стоит забывать, что и сами основоположники Кембриджской школы, выступая в качестве читателя и интерпретатора, становятся авторами и политическими акторами⁴⁰³, а значит их также необходимо помещать в конкретный контекст. В конце концов, новаторский подход кембриджцев сам по себе является таким же продуктом своего времени, как и другие традиции исследований.

Один из способов понять подход Кембриджской школы заключается в том, чтобы обратить его против самих основоположников школы. Подобная попытка была предпринята, например, Эмилем Перро-Соссином в его статье, где он иронически применяет подход Скиннера против него же. Перро-Соссин проводит критический анализ ранних работ Скиннера и рассматривает их в контексте начала его академического пути⁴⁰⁴, а затем обвиняет его в

⁴⁰¹ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 31.

⁴⁰² Там же. С. 41.

⁴⁰³ Атнашев и Велижев также обращают внимание на то, что такая точка зрения «чрезвычайно важна для понимания прагматики подхода Кембриджской школы». (Там же. С. 42.)

⁴⁰⁴ См.: Perreau-Saussine E. Quentin Skinner in Context // *The Review of Politics*. 2007. Vol. 69. No.1. P. 106–122.

«излишней оригинальности»⁴⁰⁵. Историк Сэм Уолтон в своем исследовании выступает в защиту скиннеровской методологии и анализирует критику Перро-Соссина, обнаружив в его аргументах скрытый интерес и тем самым иронично применив к его тексту метод Скиннера⁴⁰⁶.

Итак, какие цели мог преследовать Скиннер в своих исследованиях как идеолог? Какие намерения могли лежать в основе его подхода? Сам Скиннер придерживается следующей точки зрения на свою позицию как исследователя: «историк здесь не действует от первого лица как идеолог или философ – он предоставляет “старые” и уже непонятные нам ходы как “новые” для современного понимания именно благодаря работе с контекстом»⁴⁰⁷. В то же время Скиннер, всегда всерьез воспринимавший возражения по отношению к своему подходу, стремился «все более и более “непосредственно” участвовать в политико-философских дебатах»⁴⁰⁸, и тем самым все больше проявлял себя как идеолог.

Скиннер подтверждает, что существует очень тесная связь между его методологическими установками и политическими взглядами⁴⁰⁹. Отчасти мы обсудили это ранее, когда речь шла о его приверженности республиканской теории и взглядах по отношению к современной политике. Из этого, например, исходит призыв Скиннера к ревитализации неоримской концепции свободы. При этом он не позиционирует себя как политический активист, как это делает, например, Хомский, который еще с середины XX в. изучает и

⁴⁰⁵ Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation). P. 10. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).

⁴⁰⁶ Ibid.

⁴⁰⁷ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 18–19.

⁴⁰⁸ Weymans W. Een nieuwe les van de geschiedenis // Karakter: tijdschrift van wetenschap. 2003. Vol. 1. Iss. 4. P. 18.

⁴⁰⁹ Fillafer F.L., McClure J. Contextualism, Global Intellectual History, and Neoliberalism: A Conversation with Quentin Skinner. P. 17. URL: https://www.academia.edu/30173415/Contextualism_Global_Intellectual_History_and_Neoliberalism_A_Conversation_with_Quentin_Skinner (дата обращения: 14.02.2021).

обсуждает в своих работах отношения языка и политики, то, как формируется, «оберегается» и изменяется социально-политическая реальность. Хомский обсуждает эти вопросы и как ученый, и как политический активист, хотя разделяет эти два статуса в интеллектуальном плане. Скиннер же скорее видит себя как моралист, при этом ряд его высказываний и призывов напоминают те, что были сделаны Хомским, и наоборот, описание социально-политических процессов, которое дает Хомский, порой довольно удачно коррелируют с тем, что Скиннер говорит о таких темах, как формирование и изменение идеологии, ее связи с социально-политическим действием, а также об идеологическом контексте, легитимации политического речевого действия, политической риторике и идеологической манипуляции. Отметим в качестве примера некоторые сходства.

Прежде всего, оба ученых являются критиками неолиберализма, который Скиннер обвиняет в ущербе, причиненном современным институтам, а также в неверном понимании свободы: «я обнаружил, что с возрастом, и потратив так много времени на попытки воссоздать то, что казалось мне важными дебатами о свободе, о представительстве, о государстве в их собственных терминах, я гораздо больше заинтересован в том, чтобы выступать в качестве моралиста и сказать, например, в отношении теории свободы, что мы действительно пошли в ужасном направлении, и неолиберализм как теория государства и как мнение, что вы свободны, пока никто не морочит вам голову, наносит ужасный ущерб нашему институту. И я действительно хочу сказать, что причина, по которой наносится ущерб нашим институтам, заключается в том, что у нас неправильное представление о свободе. Я действительно хочу это сказать»⁴¹⁰.

⁴¹⁰ Skinner Q. What Intellectual History Teaches Us: A Conversation with Quentin Skinner (The Governance Podcast Ep6) / Centre for the Study of Governance & Society, July 10th, 2018. URL: <https://csgs.kcl.ac.uk/podcast/what-intellectual-history-teaches-us-a-conversation-with-quentin-skinner/> (дата обращения: 20.04.2021); см. также: Kuschel G.B. Skinner's Methodology: A Weapon against Liberalism // Res Publica Revista de Historia de las Ideas Políticas. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 109–122.

У Скиннера и Хомского схожие взгляды на связанное с распространением неолиберализма устройство современного труда, который, по их мнению, является, по сути, формой зависимости. С точки зрения Скиннера, неолиберальный взгляд «упускает из виду чрезвычайно важные элементы во всем, что связано с феноменологией чувства свободы»⁴¹¹; такой взгляд является, по выражению Хомского (с анархистских позиций), «составной частью этой системы, как несовместимого с принципом, согласно которому труд должен осуществляться свободно и под контролем производителя»⁴¹². Работник в таких условиях не чувствует себя свободным, поскольку знает, что все его действия на самом деле являются разрешением со стороны внешней силы, авторитета, либо же им просто движет другой внешний импульс – потребность в зарплате, что также делает человека зависимым, поскольку им движет не внутренний импульс выполнять работу по призванию, когда оплата труда для него не имеет первостепенной важности при выборе работы. Конечно, можно возразить, что человек свободен прекратить свои страдания, поскольку добровольно работает по трудовому контракту и волен расторгнуть его, избавившись от зависимости. Однако проблема в том, что работодатель, как правило, пытается выглядеть совершенно «безобидным», и ему это удается. Работник попадает в зависимость, полагая, что является свободным и защищен законом, в то время как его судьба как работника остается на милость работодателя, который при желании может его уволить, и человек не знает, когда это может произойти, а может лишь приблизительно об этом догадываться⁴¹³. Более того, – утверждает Скиннер – работодатели прекрасно это знают. По утверждению Хомского, в таких условиях любая другая работа или форма наемного труда,

⁴¹¹ Ibid.

⁴¹² Chomsky N. Notes on Anarchism Excerpted from For Reasons of State, 1973. URL: <https://chomsky.info/state01/> (дата обращения: 09.12.2020).

⁴¹³ Например, как отмечает Хомский, «технологии последних лет позволили медиакомпаниям сокращать штат даже по мере того, как они добиваются более высоких результатов». (Chomsky N., Edward S. Herman. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 1988. P. 11-12.)

даже более приятная, не избавит человека от статуса зависимости до тех пор, пока он движим лишь внешним импульсом⁴¹⁴. С этой точки зрения и для Скиннера, и для Хомского такой человек выполняет рабский труд.

Оба также указывают на ряд проблем, которые усугубляют такую ситуацию в современном мире. Во-первых, проблему усиливает разделение профсоюзов⁴¹⁵, в особенности в США и Великобритании, где большая часть рабочей силы используется нелегально, чтобы избежать налогов, в результате чего нанимаемые работают за меньшую плату, а наниматели получают еще больше. Это способствует росту теневой экономики и трудностей с трудоустройством, а также нарушению прав работников, поскольку работодатель может в любой момент оставить их без работы. Государство обычно знает об этом, но контроль в этой сфере оставляет желать лучшего. Все это ведет к произволу и зависимости. Еще одним примером зависимости, хотя немного другого рода, Скиннер считает бытовое насилие. Например, члены семьи, подверженные насилию, часто зависимы как финансово, так и морально, поскольку не имеют достаточной общественной и государственной поддержки, т.к. семейная сфера относится к частноправовым отношениям. Таким образом, проблема имеет системный характер⁴¹⁶.

Во-вторых, развитие цифровых технологий и связанный с этим бесконтрольный и тотальный сбор данных учреждениями⁴¹⁷, которые скрывают этот факт и пытаются убедить людей, что не собирают огромные

⁴¹⁴ См.: Chomsky N. Notes on Anarchism Excerpted from For Reasons of State, 1973. URL: <https://chomsky.info/state01/> (дата обращения: 09.12.2020).

⁴¹⁵ См.: Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020); Chomsky N. Notes on Anarchism Excerpted from For Reasons of State, 1973. URL: <https://chomsky.info/state01/> (дата обращения: 09.12.2020).

⁴¹⁶ См.: Fillafer F.L., McClure J. Contextualism, Global Intellectual History, and Neoliberalism: A Conversation with Quentin Skinner. P. 16. URL: https://www.academia.edu/30173415/Contextualism_Global_Intellectual_History_and_Neoliberalism_A_Conversation_with_Quentin_Skinner (дата обращения: 14.02.2021).

⁴¹⁷ Скиннер называет себя заклятым врагом этого явления. См: Skinner Q. What Intellectual History Teaches Us: A Conversation with Quentin Skinner (The Governance Podcast Ep6) / Centre for the Study of Governance & Society, July 10th, 2018. URL: <https://csgs.kcl.ac.uk/podcast/what-intellectual-history-teaches-us-a-conversation-with-quentin-skinner/> (дата обращения: 20.04.2021).

объемы личных данных, которые затем используются в корыстных целях, передаются третьим лицам с целью заработка либо по требованию властей, которые в том числе используют эту информацию для формирования политического дискурса и «производства согласия»⁴¹⁸. Новые технологии в основном внедряются для удовлетворения корпоративных потребностей, ускорив тенденцию к повышению применимости «модели пропаганды»⁴¹⁹ и облегчая осуществление социально-политических изменений в обществе. Конечно, мы не можем отрицать возможности, которые дали нам новые технологии и средства коммуникации, однако у каждой из таких «возможностей» есть обратная сторона. Например, они позволили людям быстро и легко совершать покупки, но в тоже время дали возможность компаниям собирать личные данные пользователей своих сервисов, выстраивая на основе больших данных – массивов изначально неструктурированной информации – подробную модель их поведения с учетом индивидуальных особенностей. Таргетированная реклама является вполне безобидным следствием такой деятельности, которая, впрочем, активизирует коммерциализацию⁴²⁰.

Огромная проблема здесь, на которую указывает Скиннер – угроза конфиденциальности, которая, несмотря на широкое обсуждение, не мешает повсеместной практике слежения за людьми без их согласия. Такие люди несвободны согласно неоримскому пониманию свободы, зато с точки зрения либерального понимания эти люди вполне «свободны», поскольку никто не

⁴¹⁸ См.: Chomsky N., Edward S. Herman. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books, 1988. P. 12.

⁴¹⁹ «Модель пропаганды» (propaganda model) - теория Ноама Хомского и Эдварда С. Хермана, которую они впервые ввели в 1988 в своей книге «Производство согласия» (*Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*). Теория представляет собой концептуальную модель, объясняющую, как наиболее влиятельное экономическое и политическое меньшинство через регулируемые СМИ системно формирует и продвигает в формально демократических обществах предвзятую и выгодную для себя информацию, и таким образом манипулирует общественным мнением в целях производства согласия в отношении экономических, социальных и политических решений. (См.: Ibid. P. 12-13.)

⁴²⁰ См.: Chomsky N., Edward S. Herman. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books, 1988. P. 12.

вмешивается в их жизнь, если они не совершают незаконных действий. Проблема в том, что в условиях деспотической власти человек не знает, как могут быть расценены определенные его действия, даже если считает их вполне законными. В руках власти наблюдение – очень тонкий механизм контроля, даже если людям известен факт незаконной слежки. Отправляя безобидное на первый взгляд электронное письмо, человек вынужден подвергать себя самоцензуре, и не потому, что он знает, что может с ним произойти, а наоборот – потому, что не знает⁴²¹.

Хомский в своих рассуждениях о языке и политике отмечает, что в социально-политическом дискурсе «привилегированный статус присваивается версии, которая лучше соответствует потребностям власти и привилегий. Однако важно не упускать из виду огромный дисбаланс в том, как социальная реальность представляется публике»⁴²². Это утверждение можно дополнить скиннеровским, согласно которому до нас обычно доходит лишь мнение победившей стороны. Поэтому задачей интеллектуального историка является поиск и попытки восстановить более широкие, недостающие языковые структуры и элементы дискуссии⁴²³. Попытаемся рассмотреть, как соотносится анализ последних в подходе Кембриджской школы.

§ 2.2.2. Формирование идеологии, ее связь с социально-политическим действием идеолога

Итак, изменение языка и ключевых социально-политических концепций одновременно становится изменением и в окружающей нас социальной реальности. Эти изменения могут носить различный характер и протекать в

⁴²¹ См.: Fillafer F.L., McClure J. Contextualism, Global Intellectual History, and Neoliberalism: A Conversation with Quentin Skinner. P. 16. URL: https://www.academia.edu/30173415/Contextualism_Global_Intellectual_History_and_Neoliberalism_A_Conversation_with_Quentin_Skinner (дата обращения: 14.02.2021).

⁴²² Chomsky N. On Language: Chomsky's Classic Works Language and Responsibility and Reflections on Language in One Volume. New York: The New Press, 2007. P. 8.

⁴²³ См.: Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

некоторой степени спонтанно. В конце концов, как уже было отмечено, для Скиннера процесс «борьбы» интерпретаций и авторских интенций на пути к современной политической мысли лишен всякой телеологичности⁴²⁴.

Вместе с тем, это не исключает того, что социально-политические изменения могут осуществляться целенаправленно. Для Скиннера главными действующими лицами, «контекстным фоном»⁴²⁵ этих изменений в истории политических идей являются идеологии. Люди всегда стремились распространить свое мировоззрение и навязать собственную систему ценностей окружающим. Когда один автор восхваляет или критикует другого, он прежде всего продвигает свою собственную систему ценностей. Для Скиннера эта борьба мировоззрений неизбежна⁴²⁶ и, по сути, «все основные труды по моральной, социальной и политической философии были призваны узаконить определенные моральные, социальные и политические позиции и делегитимизировать другие. Все они должны рассматриваться как идеологические документы», поскольку «даже самые архитектурные из этих текстов не могут быть отделены от идеологических конфликтов периода, в котором они были написаны»⁴²⁷. В конце концов, главная задача идеолога, «реформатора или революционера – завоевать власть, а не создать более справедливое общество»⁴²⁸, и для выполнения этой задачи идеолог использует всю свою изобретательность и риторические приемы.

Таким образом, языковые практики могут использоваться как осознанная манипуляция политическим языком, результатом чего становится

⁴²⁴ См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 29.

⁴²⁵ Nagy Á., Milán P. A politika konceptualista eszmetörténete. Kari Palonen: Küzdelem az idővel // Budapesti Könyvszemle – BUKSZL. Budapest: Harmattan Kiadó. 2011. Vol. 23. Iss. 04. P. 355.

⁴²⁶ См.: Palonen K. Quentin Skinner: history, politics, rhetoric. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 138.

⁴²⁷ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

⁴²⁸ Chomsky N. On Language: Chomsky's Classic Works Language and Responsibility and Reflections on Language in One Volume. New York: The new Press, 2007. P. 80.

идеологическое изменение. Вопрос о том, использовались ли риторические практики идеологов для защиты идеологии или против нее, имеет уже второстепенное значение, поскольку в любом случае изменение социально-политического дискурса происходит в угоду завуалированным интересам, что может стать серьезным препятствием для исторического познания. Как отмечает философ Сами Сюръямэки: «то, что инновационный идеолог здесь преследует – (лингвистические) иллюкативные эффекты. Таким образом, согласно Скиннеру, достижение “таких эффектов, как проявление, выражение или получение одобрения или неодобрения действий, которые они описывают”, является лингвистическим вопросом, в то время как вопрос о том, удалось ли им убедить “своих слушателей или читателей принять какую-то новую точку зрения”, является историческим вопросом о перлюкативных эффектах. Это можно резюмировать в следующей фразе: инновационный идеолог использует языковые средства для достижения политических/социальных целей»⁴²⁹.

В этом отношении необходимость анализа авторских высказываний обусловлена тем, что, по мнению некоторых исследователей, такие манипулятивные по сути устремления имеют опасность вырасти, к примеру, в политический экстремизм, маскирующий и приукрашивающий собственные интересы через апелляцию к «универсальным» ценностям и использование общедоступных и общепринятых концепций языка⁴³⁰. Исследование языковых, риторических техник и практик манипуляции идеолога с целью добиться своих целей, – например, оправдать политическую деятельность и вызвать концептуальные изменения и инновации, – является центральной темой работ Скиннера⁴³¹. Он проделал обширную работу в этом направлении

⁴²⁹ Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 73.

⁴³⁰ См. напр.: Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблицер, 2019. 256 с.

⁴³¹ См. напр.: Skinner Q. Moral Principles and Social Change // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 145–157.

в «Истоках современной политической мысли»⁴³², где помимо прочего описаны процессы манипуляции и изменения идеологий, а также их последствия. При этом Скиннер не стремится размышлять о политическом мышлении слишком абстрактно и сводить его лишь к грубому «манипулированию набором понятий»⁴³³, поскольку с его точки зрения «грубое упрощение – полагать, что наша социальная действительность состоит из прозрачных объектов и состояний, которые можно надеяться изложить с помощью правильно выстроенной знаковой системы таким образом, что любому здравомыслящему наблюдателю станет ясно, что происходит»⁴³⁴.

Рассмотрим подробнее, как он и его коллеги пытаются избежать подобных упрощений при анализе манипуляций идеолога.

§ 2.2.3. Идеолог как экспроприатор политических языков

Основоположники Кембриджской школы критикуют взгляд на идеолога как на кого-то, кто лишь привносит нечто совершенно новое в попытке добиться изменений. Также было бы некорректно утверждать, что какой-либо автор хотел сказать, если не новое, то нечто совершенное отличное от того, что ему приписывается. Поскольку автор всегда занимает определенную стратегическую позицию в борьбе интерпретаций, то контекст – это уже «нечто гораздо больше, чем контекст, стоящий за текстами: он относится к

⁴³² Goldie M. The context of The Foundations // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 9. См.: Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 464 с.; Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 564 с.

⁴³³ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 264; см. также: Данн Д. Политическая философия – будущее человечества // Русский журнал. 17.05.2009. URL: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskaya-filosofiya-budushee-chelovechestva> (дата обращения: 20.02.2020).

⁴³⁴ Скиннер К. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 279–280.

целому социальному пространству дебатов»⁴³⁵, формирующему некий общедоступный язык – «нормальный», благодаря которому становятся видимыми конкретные истории, которые образуют, так сказать, потенциальную совокупность всех возможных значимых высказываний в определенное время и в определенной культуре. Авторы «запутаны»⁴³⁶ в социальном пространстве дебатов и «живут внутри [установленного в нем. – Д.К.] нормативного словаря политических языков».

Таким образом, идеолог – это не всегда и не только новатор, но в первую очередь «экспроприатор», поскольку если он «приходит в мир, который уже создал свои знания и построил свои собственные политические языки, то он не может просто привнести нечто новое»⁴³⁷. То есть идеолог, по сути, наследует политические языки, они не являются его собственностью. Для Покока передача языка от одного автора другому – «в некоторой степени это свойство самой природы языка»⁴³⁸. Нормативный словарь политических языков помогает идеологу осмыслить и «упорядочить» окружающую его социальную реальность. Конечно, наследуя политические языки, идеологи, тем не менее, могут использовать их с другими намерениями как инструмент изменения социальной реальности и действовать уже «внутри лингвистического и интеллектуального контекста своих нормативных словарей»⁴³⁹. Так, политические языки имеют свойство изменяться, даже когда сам исторический контекст их формирования «изживается, однако при

⁴³⁵ Skornicki A. Lectures critiques // *Revue française de science politique*. 2019. Vol. 69. No. 3. P. 502.

⁴³⁶ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 32–33.

⁴³⁷ Araújo P. Росокок e a historiografia como linguagem política // *Resgate: Revista Interdisciplinar de Cultura*. 2017. Vol. 25. No. 1 (33). P. 276.

⁴³⁸ Покок Д. Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») / *Кембриджская школа: история и метод* / Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 149.

⁴³⁹ Ван Гелдерен, М. Между Кембрижем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 388.

этом они способны также сохранять свою непрерывность и навязывать своим «наследникам» определенные ограничения⁴⁴⁰.

Остановимся подробнее на ограничениях словаря идеолога.

Высказывание как форма социального действия нуждается в идеологической легитимности, которое в подходе Скиннера является одним из ключевых отношений между идеологией и действием⁴⁴¹. Поскольку «в каждом социальном контексте существует лишь ограниченное число речевых актов, которые могут казаться легитимными»⁴⁴², возникает оппозиция манипуляции идеолога и устоявшихся конвенций нормативного словаря политических языков, которые ее ограничивают⁴⁴³. Эти ограничения порождают со стороны идеолога определенные стратегии для их обхождения, которые заключается прежде всего в «игре с репертуаром легитимации»⁴⁴⁴, т.е. в учете набора конвенций и риторических ограничений при описании социальных действий в конкретном социальном контексте, в котором автор продвигает свои идеи⁴⁴⁵. Для Скиннера история политической мысли является не просто битвой интерпретаций на политической арене, а деятельностью, связанной с приспособлением этих стратегий распространения идеологии на фоне широкого спектра доминирующих общественных сил с целью закрепления и

⁴⁴⁰ См.: Покок Д. Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 150.

⁴⁴¹ См.: Skinner Q. Language and Social Change // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / Ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 119–132.

⁴⁴² Weymans W. Een nieuwe les van de geschiedenis // Karakter: tijdschrift van wetenschap. 2003. Vol. 1. Iss. 4. P. 17.

⁴⁴³ Принти отмечает, с помощью данной оппозиции Скиннер «стремится поставить под сомнение ограничения нашего поведения». (Printy M. Skinner and Pocock in Context: Early Modern Political Thought Today // History and Theory. 2009. Vol. 48 (1). P. 116.)

⁴⁴⁴ Skornicki A. Lectures critiques // Revue française de science politique. 2019. Vol. 69. No. 3. P. 502.

⁴⁴⁵ См.: Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 319.

гегемонии новой идеологии⁴⁴⁶. Это подразумевает учет идеологом отношений его действий к господствующим социальным группам, поскольку социально-политическое изменение «становится общепринятым и авторитетным в той мере, в какой столкновение политических сил влечет за собой защиту или учреждение практик, для характеристики и легитимации которых используется идеологическая манипуляция»⁴⁴⁷. Стратегии идеолога в свою очередь включают в себя различные тактики, некоторые из которых примитивные и грубые, другие более современные, сложные, тонкие, и порой довольно изощренные, третьи ничем особым не примечательны и мало у кого вызывают особое удивление или отвращение, а четвертые довольно необычные и «драматичные»⁴⁴⁸.

Далее будут подробно рассмотрены подобные тактики, а также прочие аспекты идеологической манипуляции и ее ограничений.

§ 2.2.4. Новаторство идеолога и стратегии легитимации политического речевого действия

Итак, для того чтобы выяснить, какое вмешательство идеолог пытался совершить, необходимо прежде всего понимать, что он изначально связан ограничениями конвенций нормативного словаря политических языков, и это свою очередь определяет способ вмешательства. Новаторство идеолога здесь заключается в том, чтобы приспособить эти конвенции к своим целям, политическому действию, совершить вмешательство через изменение использования конвенций⁴⁴⁹. Таким образом, «ключом к политической

⁴⁴⁶ См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 31.

⁴⁴⁷ Chomsky N. On Language: Chomsky's Classic Works Language and Responsibility and Reflections on Language in One Volume. New York: The new Press, 2007. P. 80.

⁴⁴⁸ Подробнее об этих формах и их описании см.: Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 73.

⁴⁴⁹ Printy M. Skinner and Pocock in Context: Early Modern Political Thought Today // History and Theory. 2009. Vol. 48 (1). P. 116.

позиции текста»⁴⁵⁰ является понимание того, какие действия идеологов совершаются через конвенции и как эти действия соотносятся с манипуляцией, какого вмешательства с помощью этого желают и вообще могут добиться идеологи, поскольку не каждый готов нарушить устоявшиеся конвенции, пытаясь пересмотреть и изменить их, а тем более подорвать.

Это и берется выяснить Скиннер. Он приводит следующий пример. Допустим, существует некая политика или курс действий, которые некий субъект желает продвинуть. В стремлении обрести социальное и политическое признание своих идей, у него нет иного выбора, кроме как, используя сложившийся практический и нормативный набор конвенций, попытаться показать, что его поведение может быть каким-то образом узаконено с точки зрения существующих нормативных убеждений, то есть ему необходимо легитимировать свои намерения. Все стратегии и тактики идеолога в этом направлении заключаются прежде всего в том, чтобы, с одной стороны, уметь «как можно более четко сформулировать свою новую политику с точки зрения существующих ценностей»⁴⁵¹, а с другой – «идеолог «меняет одну часть идеологии, придерживаясь другой ее части, апеллируя к конвенции и тем самым укрепляя ее»⁴⁵².

Одна из таких стратегий, описываемых Скиннером, состоит в том, чтобы манипулировать оценочными терминами, точнее их потенциалом как речевых актов. Целью здесь является убедить тех, кто обычно описывает с помощью этих оценочных терминов поведение идеолога как отрицательное или в лучшем случае нейтральное, пересмотреть в конечном счете свое отношение

⁴⁵⁰ См.: Талли, Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику / Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 224.

⁴⁵¹ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

⁴⁵² Талли, Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику / Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 229.

к использованию этих терминов в сторону более одобрительной и благоприятной оценки поведения идеолога⁴⁵³.

Конкретные тактики этой стратегии заключаются в следующем. Первая тактика направлена на привнесение в дискурс новых, выгодных идеологу терминов. Это может быть сделано в грубой форме, когда идеолог пытается придумать положительные термины «как описание якобы новых принципов, а затем применить их как описание любых сомнительных действий»⁴⁵⁴. В «мягкой» форме эта тактика выражается в трансформации диапазона значений оценочных терминов в ходе полемики путем «расширения»⁴⁵⁵ этого значения от негативного или нейтрального в отношении к действиям идеолога до одобрительного.

Другая тактика рассматриваемой стратегии также имеет две формы и состоит в том, чтобы «варьировать диапазон речевых актов, обычно выполняемых с существующими неодобрительными терминами»⁴⁵⁶. Первая форма направлена на то, чтобы «нейтрализовать» значение термина, выражающего неодобрительную оценку, а вторая – на то, чтобы «перевернуть»⁴⁵⁷ это значение.

Две остальные тактики данной стратегии по сути являются обратными аналогами вышеупомянутых: идеолог заменяет в своих интересах значение оценочных терминов на отрицательное по отношению к действиям или явлениям, которые он, например, пытается дискредитировать; либо же идеолог сам привносит эти оценочные термины. На этом список описываемых Скиннером тактик первой стратегии манипуляции завершается.

Вторая стратегия с его точки зрения гораздо важнее и заключается уже не в том, чтобы ввести новые термины или расширить их значение, а «в

⁴⁵³ См.: Skinner Q. *Moral Principles and Social Change* // Skinner Q. *Visions of Politics. Volume 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 151.

⁴⁵⁴ Syrjämäki S. *Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism* (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 74.

⁴⁵⁵ Ibid.

⁴⁵⁶ Skinner Q. *Moral Principles and Social Change* // Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 151.

⁴⁵⁷ Ibid. P. 152.

манипулировании критериями применения существующего набора похвальных терминов»⁴⁵⁸, которые не применяются к поведению идеолога, и убедить окружающих в том, что они на самом деле могут быть применены к этому поведению. И здесь вступают в силу другие тактики, которым Скиннер уже не дает такого подробного описания, как в случае с первой стратегией⁴⁵⁹.

Одна из заслуг Скиннера здесь заключается в том, что он призвал отказаться от одностороннего понимания связи текста и контекста, будто один полностью обусловлен другим, и обратил внимание на то, что если отражающие устоявшиеся социальные практики структуры языка и обладают принудительной силой и ограничивают идеолога, было бы ошибочным прийти на этом основании к выводу, что «авторы – всего лишь “узники дискурса, в рамках которого они берут в руки перо”»⁴⁶⁰. Как текст «находится в состоянии относительной автономии от своего контекста»⁴⁶¹, так и идеолог находится в таком же отношении к дискурсу. Таким образом, для Скиннера история политической философии «предполагает известную степень свободы авторской воли»⁴⁶². Конвенции не лишают идеолога свободы новаторского «маневра». Скиннер видит свою задачу в том, чтобы идентифицировать, когда, где и как возникает это новаторство⁴⁶³.

При этом как носитель и «наследник» политических языков идеолог должен понимать, что для их трансформации он должен быть хорошо знаком с уже устоявшимися концепциями в рамках конкретной ситуации. Эти

⁴⁵⁸ Ibid. P. 153.

⁴⁵⁹ См.: Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 75.

⁴⁶⁰ Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод / Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 319.

⁴⁶¹ Cervera-Marzal M. Pour une conception coopérative des méthodes de lecture de Leo Strauss et Quentin Skinner // Klesis. Revue philosophique. 2012. No. 22. P. 18.

⁴⁶² Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 32–33.

⁴⁶³ См.: Skinner Q. Some Problems in the Analysis of Political Thought and Action // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / Ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 106–107.

концепции в свою очередь будут использоваться идеологом для описания и оценивания его потенциальных речевых действий. Кроме того, последние должны «принимать форму расширения или критики некоторого существующего отношения или проекта, который уже управляется конвенцией». Без соблюдения этого условия инновационный шаг идеолога не имеет «никаких шансов быть понятым»⁴⁶⁴.

В то же время, как мы видим из генеалогии Скиннера, поскольку концепции не имеют однозначных определений, то идеолог имеет довольно широкий диапазон для манипуляции и легитимации.⁴⁶⁵ Таким образом, конвенции устоявшейся идеологии способны не только ограничивать идеолога, но и помочь ему «легитимировать социальное действие»⁴⁶⁶. Другими словами, язык способен «расширить возможности» идеолога⁴⁶⁷.

С точки зрения Скиннера, задача идеолога здесь состоит в том, чтобы найти подходящий набор слов для проведения необходимых изменений или признания и учреждения новых легитимных практик, ему необходим убедительный язык, который не выходит далеко за рамки конвенций. «Другими словами, – заключает Скиннер. – Вы должны быть способны показать, что ваши новые проекты могут быть узаконены с точки зрения существующих убеждений»⁴⁶⁸. Возможно, что идеолог пытается «поддержать,

⁴⁶⁴ Skinner Q. Conventions and the Understanding of Speech Acts // *The Philosophical Quarterly*. 1970. Vol. 20. No. 79. P. 135; см. также: Sytjämäki S. *Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation)*. Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 78.

⁴⁶⁵ См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 32–33.

⁴⁶⁶ Талли Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику // *Кембриджская школа: история и метод* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 227.

⁴⁶⁷ См.: Скиннер Кв. Ответ моим критикам // *Кембриджская школа: история и метод* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 319.

⁴⁶⁸ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

либо свергнуть, высказаться за или против какого-то определенного набора верований или способов действий»⁴⁶⁹. Но даже в этом случае набор нормативных слов не обязательно должен быть новаторским в манере радикальных или революционных текстов. Здесь может действовать более мягкая сила. Порой известные в этом смысле авторы, считает Скиннер, лишь «пытаются показать вам, как это делает Гоббс, что у вас есть гораздо более веские причины для сохранения существующих договоренностей, чем вы могли бы предположить. Некоторые из величайших из этих текстов консервативны в том строгом смысле, что они хотят быть консерваторами»⁴⁷⁰. Таким образом, крупные социально-политические изменения не обязательно проводятся идеологом подрывным, порой радикального образом.

Но если идеолог осуществляет легитимное политическое действие в рамках конвенций существующей идеологии, хотя и в собственных скрытых интересах, то можем ли мы вообще расценивать его манипуляцию как моральное принуждение? В конце концов, при желании «любому обществу удастся учреждать и изменять моральную идентичность»⁴⁷¹, но в данном случае изменения могут быть не настолько явны, чтобы расценивать их как принуждение. Для Скиннера в этой манипуляции действительно нет принуждения, поскольку в таких легитимных изменениях, как правило, «нет никакого намека на то, что они постоянно разрушают политику или мораль своего времени. Это был бы простой предрассудок – хотя он очень распространен в интеллектуальной жизни»⁴⁷². Более того, Скиннер связывает возникновение социально-политических изменений и новаторства с кризисом и запросом на них у самого общества, а идеологи лишь реагирует на этот

⁴⁶⁹ Ibid.

⁴⁷⁰ Ibid.

⁴⁷¹ Талли Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 227.

⁴⁷² Skinner Q. Concepts only have history // Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

запрос. Так, одни конвенции устаревают, а новые приживаются и успешно входят в употребление. С точки зрения Скиннера, «именно кризисы политики, кризисы морали в обществах приводят в движение политическую теорию. Никто не собирается теоретизировать о любом из этих вопросов в пустоте»⁴⁷³. Это может привести к ошибочному заключению, что политическая философия развивается только во времена кризиса, но это не так: «всегда есть правящие идеологии. Просто чем больше все их принимают, тем меньше они должны быть сформулированы. Обычно люди выкристаллизовывают в опубликованных в трактатах свои взгляды на политическую или моральную сферу только тогда, когда в обществе возникла потребность в прояснении какой-то конкретной концепции, которая стала упускаться из виду или приобрела дурную славу»⁴⁷⁴.

При этом у любого кризиса легитимации есть предел: «конвенциями использования, управляющими господствующим нормативным словарем, нельзя манипулировать неограниченно и поэтому их нельзя применять для легитимации любой необычной практики. Пределом и каузальным ограничением для легитимных нестандартных акций будет то, до какой степени может быть оправданна идеологическая манипуляция»⁴⁷⁵.

Таким образом, мы рассмотрели различные аспекты легитимации и новаторства, а также основные тактики манипуляции идеолога. С одной стороны, идеологи используют идеи и высказывания как добровольные акты легитимации или делегитимации. С другой стороны, нормативный язык, набор конвенций и легитимных риторических практик, является не только ресурсом, но и ограничением действий идеолога. И здесь не существует идеального компромисса с интересами и принципами идеолога. Мы в очередной раз видим, как язык становится фактором социальных изменений, а с учетом

⁴⁷³ Ibid.

⁴⁷⁴ Ibid.

⁴⁷⁵ Талли Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 228.

вышеописанного можно было бы назвать это «манипуляция как фактор социальных изменений», однако некоторые тактики и формы манипуляции, к которым обращается идеолог, не позволяет расценивать ее в грубой форме. Конечно, тонкие тактики манипуляции внешне не являются «подрывным» вмешательством, однако узаконив новые практики и делегитимизируя устоявшиеся идеолог со временем может добиться значительных социальных изменений⁴⁷⁶. Поэтому, так или иначе, трудно обойти моральную сторону такой манипуляции и не задаться вопросом: действуют ли иногда политические мыслители неискренне и цинично, чтобы добиться «легитимным» способом своих целей, и если да, то может ли интеллектуальный историк рассматривать намерения и действия идеолога в категориях морали и приписывать им значение истинности или ложности. Ответ на этот вопрос лежит в понимании рациональности убеждений.

§ 2.2.5. Истинность и рациональность убеждений идеолога, их изменение в процессе легитимации

Проблема истинности высказываний и убеждений автора – еще один философский вопрос, на котором Скиннер не раз останавливается, когда говорит о роли языка как фактора социальных изменений, поскольку этот вопрос «маскирует все, что делает автор, когда пишет»⁴⁷⁷. В предыдущей главе мы уже рассматривали подробно основные черты интенционалистского подхода Скиннера, в котором он провел разделение между мотивами и интенциями автора. Здесь мы возвращаемся к этому разделению, чтобы ответить на вопрос об искренности автора, использующего риторические приемы и манипуляцию.

⁴⁷⁶ См.: Skornicki A. Lectures critiques // Revue française de science politique. 2019. Vol. 69. No. 3. P. 503.

⁴⁷⁷ Hamel Ch. Quentin Skinner, La vérité et l'historien (traduction accompagnée d'une introduction) // Skinner Q. La vérité et l'historien / Ed. by Ch. Hamel. Paris: Editions de l'EHESS, 2012. P. 26.

Скиннер разделяет вопрос о том, почему автор придерживается определенных убеждений, от вопроса об истинности этих убеждений. Даже когда эта истинность очевидна, вопрос об искренности идеолога неуместен для исследователя, поскольку ответ на него относится к группе мотивов, а они, как мы уже знаем, лежат за пределами контекстуального анализа. Поэтому одно из предположений Скиннера об истинности убеждений идеолога и о моральной стороне манипуляции в ее связи с этими убеждениями заключается в том, что интеллектуальный историк не может задаваться вопросом искренности иначе как в случае, когда автор заявляет приверженность определенным принципам или убеждениям, но действуют вопреки им, что отражается в его же дальнейших утверждениях. В то же время это не говорит о том, что автор действует искренне, если, конечно, мы не можем доказать обратное. Не важно, известны ли нам убеждения и принципы автора или нет, поскольку он в любом случае может в определенный момент поступиться ими в конкретной ситуации, действуя сиюминутно, а не исходя из убеждений и принципов. В этом смысле автор остается неискренним в своих убеждениях, чего исследователь все же не может утверждать, поскольку никогда не сможет раскрыть факт этой неискренности⁴⁷⁸. С точки зрения Скиннера, эту неискренность нельзя объяснить аффектом, психологическим давлением, «провалом рациональности» или «социальной функцией»⁴⁷⁹.

С точки зрения, например, Хомского, мы и не должны доказывать факт искренности идеолога, поскольку он в той или иной мере стремится к власти, которая, по сути, всегда нелегитимна до тех пор, пока тот не докажет обратного. Суть в том, что бремя доказывания легитимности социально-политических отношений, – которые хоть и в разной степени, но все же предполагают иерархические отношения, – всегда лежит на идеологе, который

⁴⁷⁸ Скиннер Кв. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 139.

⁴⁷⁹ Skinner Q. Interpretation, Rationality and Truth // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 31.

продвигает их в жизнь. Если же легитимность им не доказана, то такая власть подлежит демонтажу⁴⁸⁰. Подобным образом при контекстуальном анализе высказываний бремя ответственности за выбор интерпретации лежит на исследователе, когда «речь идет о выборе между несколькими реферативными полями»⁴⁸¹, поскольку он тоже становится идеологом, вступая в борьбу интерпретаций.

Однако, по мнению Скиннера, ответ на вопрос, почему с нашей точки зрения идеолог действует неискренне и в соответствии с явно ложными убеждениями, кроется в том, что в определенной ситуации действовать именно так и придерживаться таких убеждений было вполне рационально. Скиннер определяет рациональность следующим образом: «рациональное убеждение, таким образом, будет тем, которого агент достиг посредством некоторого признанного процесса рассуждения. Такой процесс, в свою очередь, будет тем, который, согласно преобладающим нормам эпистемической рациональности, можно сказать, дает агенту веские основания предполагать [...], что вера, о которой идет речь, истинна»⁴⁸².

Следовательно, истинность убеждений идеолога носит прагматический характер. Эта точка зрения подробно развернута Скиннером в статье «Интерпретация, рациональность и истина»⁴⁸³, где он, отвечая философу Чарльзу Тейлору, затрагивает вопрос о роли истины в объяснении убеждений прошлого. Для Скиннера истинность или ложность убеждений прошлого, с которыми сталкивается историк, не должна играть роли в объяснении убеждений автора. Вместо этого, для того чтобы понять, во что верили общества прошлого, Скиннер призывает фокусироваться не на истинности

⁴⁸⁰ См.: Chomsky N. Activism, Anarchism, and Power. Noam Chomsky interviewed by Harry Kreisler // *Conversations with History*. March 22, 2002. Institute of International Studies, University of California, Berkeley. URL: <https://chomsky.info/20020322/> (дата обращения: 17.12.2020).

⁴⁸¹ Неклюдова М.С. Танец с мумией: авторские интенции в контексте и вне контекста // *Ex Cathedra*. Современные методы изучения культуры. М.: РГГУ, 2012. С. 107.

⁴⁸² Skinner Q. Interpretation, Rationality and Truth // Skinner Q. *Visions of Politics*. Volume 1: *Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 31.

⁴⁸³ Ibid. P. 27–56.

убеждений конкретного автора, а на том, чтобы выяснить, имели ли его современники те же убеждения и принципы. Ведь те убеждения, которые в одном обществе могут казаться абсурдными, а потому иррациональными, завтра могут быть приняты ведущими мыслителями и защищены массовым сознанием, став тем самым более рациональными убеждениями. И наоборот: когда-то, например, было более рациональным верить в существование ведьм или геоцентрическую систему. Другими словами, задача интеллектуального историка здесь состоит в том, чтобы реконструировать интеллектуальный контекст убеждений автора и выявить, были ли они рациональны, т.е. служил ли культурный контекст того времени адекватной опорой авторским высказываниям. Эта реконструкция в инструменталистском ключе дает нам понимание намерений и речевых актов автора.

При этом Скиннер не предлагает критерия идеального определения концепции рациональности, поскольку «практики, воплощающие ее, кажутся слишком сложными и открытыми, чтобы быть схваченными в форме алгоритма»⁴⁸⁴. Скиннер также является «заклятым врагом» трансисторического понимания рациональности⁴⁸⁵, и крайне далек от желания применить подобное понимание к убеждениям авторов прошлого. При этом Скиннер не отрицает, что «мы можем и должны» это делать, а отрицает лишь возможность спрашивать о том, было ли «рационально обосновано» какое-либо убеждение⁴⁸⁶. Проблема здесь заключается в том, что когда мы выражаем ценности словами, наше описание всегда остается неполным, и сделать его полным невозможно. Всегда есть нечто неосознанное нашим пониманием, что не удалось окончательно выразить. В этом смысле «ценности – это невидимые вещи».⁴⁸⁷ Поскольку «между прошлым и

⁴⁸⁴ Ibid. P. 31.

⁴⁸⁵ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

⁴⁸⁶ Ibid.

⁴⁸⁷ Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation. P. 27. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).

настоящим существует сильная когнитивная непрерывность»⁴⁸⁸, а каждый автор – это одновременно идеолог, соответственно нет четкого определения их ценностей и границ между ними⁴⁸⁹. Скиннер пытается проиллюстрировать это утверждение, рассмотрев практику некоторых ведущих историков, изучавших системы верований обществ в прошлом.

Для Скиннера вопрос о том, во что верить рационально, а во что нет, «всегда зависит от того, во что еще вы верите»⁴⁹⁰, поэтому такой вопрос уместен только когда речь идет о «целой системе верований»⁴⁹¹. Через описание системы убеждений и принципов мы можем выявить действующие языковые конвенции. Однако здесь возникает проблема, связанная с рациональной обоснованностью убеждений, которая заключается в том, что всегда имеет место «своего рода концептуальный релятивизм [...] Я действительно не вижу, как историки могут избежать того, чтобы быть релятивистами в этом смысле»⁴⁹², – заключает Скиннер. Мы должны осознавать, что значения терминов, которые мы используем для выражения наших мыслей, часто меняются со временем, что может привести нас к неправильному толкованию того, что имеется в виду. Более того, то, что сказал автор, также может оказаться обманчивым, поскольку он часто используют то, что можно назвать красноречивыми риторическими стратегиями. Из них наиболее очевидна ирония, которую нужно отличать от остального, что сказал автор. Эту стратегию очень трудно обнаружить, поскольку нам всегда легче поверить в то, во что верил автор и что он написал, чем подозревать его в неискренности.

⁴⁸⁸ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

⁴⁸⁹ См.: Skinner Q. The Idea of Cultural Lexicon // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 161–162.

⁴⁹⁰ Ibid.

⁴⁹¹ Ibid. P. 161–162.

⁴⁹² Skinner Q. Concepts only have history // Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

Чтобы проиллюстрировать все вышесказанное – прагматический характер убеждений идеолога и их относительность – возьмем в качестве примера один из упоминаемых Скиннером политических инструментов, используемых идеологами для манипуляции – религию.⁴⁹³ Даже идеолог, цинично относящийся к религии, будет ограничен нормативным словарем религиозного общества, и для достижения своих целей ему придется казаться человеком, разделяющим религиозные ценности. Будучи неискренним, такому идеологу необходимо быть осторожным в своих высказываниях и подстраивать их так, чтобы они соответствовали религиозным языку и не противоречили выгодным для достижения результата ценностям. В этом примере перед нами в какой-то степени случай «циничного» манипулирования. Однако стоит учитывать, что на самом деле подобная стратегия приводит к изменениям не только окружения, но и самого идеолога. Во-первых, необходимость постоянного самоконтроля сама по себе является своего рода ограничением, в результате которого идеолог может стать «пленником» используемого словаря. Во-вторых, более высокая цель мотивирует идеолога еще больше следовать чуждым ему ценностям. Если ему необходимо казаться добродетельным и трудолюбивым, то придется совершать действия, в результате которых он действительно будет таковым. Так идеолог становится узником изначально чуждых ему ценностей, которые

⁴⁹³ Скиннер довольно много писал об эпохе Реформации и был вынужден в ряде своих исторических проектов подробно изучать христианское богословие. Он пришел к выводу, что «большая часть нашего нынешнего политического лексикона представляет собой секуляризацию прежних религиозных идеалов, которые необходимо понять, если мы хотим понять самих себя». При этом он никогда не считал религиозный аспект своих исследований подходящим, хотя и вынужден был этим заниматься. Скиннер видит в этом явное собственное ограничение: как историк он был лишен «чувствительности» к этой теме, и когда он изучает христианскую теологию, то ему «очень трудно воспринимать ее всерьез». В результате такое отношение, по-видимому, оказало большее влияние на его труды, чем он сам предполагал. По словам Скиннера, его часто обвиняли в отсутствии «чувствительности к важности религии» в своих исследованиях, за что его даже прозвали «рационалистом просвещения». (Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).)

он в итоге постепенно принимает. В этом заключается еще одно ограничение в отношении циничного манипулирования⁴⁹⁴.

Таким образом, идеолог манипулирует не только установками окружающих, а в какой-то степени меняет и собственное отношение к реальности, т.е. он манипулирует собой, своими собственными убеждениями, от которых может позже и отказаться при смене ситуации, интересов и приоритетов. Здесь необходим некий внутренний компромисс идеолога: через что он готов переступить, где готов поступиться своими интересами и даже поверить в то, что он говорит, если до этого не верил.

Обстоятельства, рассмотренные выше – особенности процессов манипуляции, конвенционализации и легитимации – заметно усложняют интеллектуальному историку осуществление ключевого этапа в подходе Скиннера: анализ того, «как идеологическое изменение начинает вплетаться в способы действия, как оно становится конвенциональным»⁴⁹⁵. Казалось бы, все, что остается, это выяснить, с какими текстами предстоит работать. Проблема в том, что историк не может знать заранее, с чем конкретно ему предстоит работать, чтобы суметь правильно рассмотреть текст, связав его с другими подобными текстами, которые покажут, что в нем происходит. Скиннер считает это очень сложной задачей⁴⁹⁶. Таким образом, интерпретация текстов оказывается затруднительной.

Для Скиннера «одним из главных шагов» здесь⁴⁹⁷ является реконструкция нормативного словаря политических языков. Она заключается

⁴⁹⁴ Ibid.; см. также: Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 12-13.

⁴⁹⁵ Талли Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 230.

⁴⁹⁶ См.: Skinner Q. Concepts only have history // Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacetemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

⁴⁹⁷ См.: Ван Гелдерен М. Между Кембрижем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 393–394.

прежде всего в том, чтобы собрать информацию, которая поможет выявить намерения автора. Интеллектуальный историк стремится выполнить эту задачу и восстановить смысл и иллюкативную силу высказываний, которую обозначил Остин через интерпретацию аргументов автора в их первоначальном контексте⁴⁹⁸, однако недостаточно знать только общие обстоятельства их происхождения и риторическую среду, в которую автор пытался вмешаться и занять определённую позицию. Для Скиннера решение указанной задачи заключается также в «ограничении нашего диапазона описаний любого данного текста теми, которые в принципе мог бы признать сам автор»⁴⁹⁹. На практике для интеллектуального историка это означает необходимость учитывать всех менее известных персонажей, вращающихся вокруг «главного» автора, сопоставить их тексты, чтобы понять и «увидеть, что в них происходит»⁵⁰⁰, каков общий способ мышления и речи автора и к чему он обращался, когда нарушал конвенции или не принимал их во внимание, какие «ходы» использовал. Текстовый и контекстуальный анализ, таким образом, полностью дополняют друг друга.

Далее, для реконструкции нормативного словаря должны быть известны действующие в конкретных обстоятельствах языковые конвенции, в которых происходят речевые акты. Необходимо проанализировать языковые практики, понять, что представляет собой словарь идеолога, понять, какие проблемы обсуждал автор, а также использовать его категориальные инструменты – концепции, критерии, допущения, концептуальные разграничения и пр., – которые он мог использовать, когда описывал свои действия.

Таким образом, мы рассмотрели инструментарий Кембриджской школы для анализа отношений языка и социальных изменений. Труд школы все еще

⁴⁹⁸ См.: Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 297.

⁴⁹⁹ Skinner Q. Analysis of political thought and action // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / Ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 102.

⁵⁰⁰ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemp.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

продолжается ее последователями и сторонниками, в том числе и в отечественной гуманитарной науке. Методология школы также активно пересматривается, дополняется и критикуется. Обо всем этом подробно пойдет речь в следующей главе.

ГЛАВА 3. КРИТИКА КЕМБРИДЖСКОЙ ШКОЛЫ. ПРИМЕНЕНИЕ ПОДХОДА В РОССИИ

§ 3.1. Последователи и критики Кембриджской школы

Ранее мы рассматривали общие особенности методологии школы, а также отличия в подходах основоположников школы. Далее мы проведем подробное сравнение Кембриджской школы с другими подходами и традициями, которые занимались похожими исследованиями, но по-разному анализировали отношения концептуальных и социальных изменений, исторического контекста/ Также будет рассмотрена взаимная критика рассматриваемых методологий. Кроме того, мы обсудим изменения в подходе Скиннера и критику его подхода. Такой анализ может помочь нам указать на более общие методологические проблемы интеллектуальной истории и определить «слепые пятна» в ее различных подходах.

§ 3.1.1. Новое поколение Кембриджской школы и переосмысление идей Скиннера

Скиннер известен как блестящий оратор. Он всегда стремился максимально четко и убедительно донести свои идеи. Не в последнюю очередь он преуспел и как учитель: многие из его бывших учеников стали работать в крупных университетах и применяли его метод в своих исследованиях. Это в немалой степени поспособствовало распространению подхода Скиннера за пределы Кембриджа⁵⁰¹. Со временем ряды последователей Кембриджской школы пополнялись, а влияние Скиннера становилось настолько большим, что его подход к контекстуальному изучению истории политической мысли начал задавать некоторые методологические «стандартны» интеллектуальной истории как научного направления. В результате Кембриджская школа «институционализовала и упорядочила идеи Скиннера до такой степени,

⁵⁰¹ Nagy Á., Milán P. A politika konceptualista eszmetörténete. Kari Palonen: Küzdelem az idővel // Budapesti Könyvszemle – BUKSZL. Budapest: Harmattan Kiadó, 2011. Vol. 23. Iss. 04. P. 353.

что факел революционных инноваций был передан новому поколению»⁵⁰². Например, помимо уже указанных основоположников и представителей школы, Атнашев и Велижев выделяют более широкий список авторов, которых они относят ко второму поколению представителей школы: Иен Хемпшер-Монк, Мартин ван Гелдерен, Джеймс Талли, Ричард Так, Дэвид Армитедж, Кари Палонен, Мелвин Рихтер, Энтони Пагден, Сьюзан Джеймс, Маурицио Вироли, Джонатан Кларк, Филип Петтит⁵⁰³. Они также выделяют близких Кембриджской школе исследователей «Сассекской школы (С. Коллини, Д. Уинч), которые, в отличие от Скиннера, Покока и их последователей, занимаются историей британской политической мысли XIX столетия»⁵⁰⁴.

Многим из этих ученых предстояло заняться пересмотром оригинальных идей и работ «первого» поколения Кембриджской школы. Одним из таких примеров пересмотра является сборник, вышедший в 2003 году в Кембридже после конференции в честь Скиннера и названный «Переосмысление “Истоков современной политической мысли”»⁵⁰⁵. Данный сборник статей под редакцией Аннабель Бретт и Джеймса Талли, – попытка, как это видно из названия, переосмыслить важнейшую работу⁵⁰⁶ Скиннера, а также задуматься над тем, почему она по-прежнему имеет значение. Сборник был составлен коллегами Скиннера и его бывшими учениками к двадцать пятой годовщине публикации «Истоков». В нем собраны статьи известных авторов, таких как Джон Покок, Ричард Так и Дэвид Армитедж. Результат работы этой международной группы исследователей – необычайно продуктивный вклад в

⁵⁰² Garsten B. Review of Kari Palonen, Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric // Ethics. 2007. Vol. 117. № 3. P. 570.

⁵⁰³ См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 14.

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ См.: Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Ed. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 310 p.

⁵⁰⁶ См.: Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 464 с.

интеллектуальную историю, представляющий интерес для большого числа исследователей ранне-современной истории политической мысли.

Основными темами сборника являются контекст «Истоков современной политической мысли» Скиннера, его «лингвистическая» философия, некоторые важные мыслители, которые были предметом его исследований, гуманизм Возрождения, риторика, поздняя схоластика, а также демократия. Поскольку сборник охватывает довольно широкий спектр вопросов, попытаемся выделить из его статей несколько главных моментов⁵⁰⁷, представляющих интерес для специалистов по истории политической мысли XVI и XVII вв., хотя лишь некоторые из авторов используют тот тип методологических размышлений, который обычно связывают с работой Скиннера⁵⁰⁸. Эти статьи достаточно узкоспециализированы, тем не менее они могут быть полезны тем, кто заинтересован в изучении истории Кембриджской школы и исследуемых ее авторами проблем.

Итак, первые главы сборника рассматривают так называемые «прекурсоры» (англ. precursors – предшественники) – термин, который сам Скиннер может отвергать на методологических основаниях, – а также контексты исследований Скиннера, которые можно обнаружить среди историков, аналитических философов и философов языка XX в.⁵⁰⁹.

Марк Голди⁵¹⁰, Холли Гамильтон-Бликли⁵¹¹ и Уоррен Бутчер⁵¹² анализируют интеллектуальный контекст, в котором Скиннер развивал

⁵⁰⁷ Ключевые выводы некоторых статей уже были озвучены в примечаниях данного исследования.

⁵⁰⁸ Printy M. Skinner and Pocock in Context: Early Modern Political Thought Today // *History and Theory*. 2009. Vol. 48 (1). P. 113.

⁵⁰⁹ Nederman C. J. Rethinking the Foundations of Modern Political Thought (review) // *Renaissance Quarterly*. 2008. Vol. 61. № 1. P. 271.

⁵¹⁰ См.: Goldie M. The context of *The Foundations* // *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 3–19.

⁵¹¹ См.: Hamilton-Bleakley H. Linguistic philosophy and *The Foundations* // *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 20–33.

⁵¹² См.: Boutcher W. Unoriginal authors: how to do things with texts in the Renaissance // *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 73–92.

собственные методы интерпретации.⁵¹³ Голди рассматривает академический и интеллектуальный контекст 1960-х и 1970-х гг., когда Скиннер работал над «Истоками». Статья историка Марка Голди преследовала следующие цели: наметить препятствия, которые Скиннер считал помехами для изучения интеллектуальной истории в 1960-х гг.; подробно рассмотреть критику того «Истоков» за чрезмерную приверженность телеологическому нарративу о появлении современной теории суверенного государства; наконец, подчеркнуть дань уважения Скиннера Макс Веберу⁵¹⁴, особенно в отношении его внимания к концепции легитимности, а также в том плане, что историк использовал концепцию «Verstehen» (понимание) немецкого социолога⁵¹⁵. Резюмируя статью Голди, историк Майкл Принти отмечает, что тот пытается показать, как ранняя критика «Истоков» носила телеологический характер: «критики утверждали, что развитие современного светского государства было единственным достижением ранне-современной политической мысли. Скиннер использовал тезис “модернизации”, который пронизывал так много исторических исследований в течение и после 1960-х годов»⁵¹⁶. Однако с точки зрения самого Голди, Скиннер просто пытался «нарушить классическое повествование о рождении современности»⁵¹⁷. Далее в статье «Лингвистическая философия и “Истоки”»⁵¹⁸ историк Холли Гамильтон-Бликли рассматривает лингвистическую методологию Скиннера и ее влияние, а также то, как две концепции, центральные для трудов Скиннера о методе,

⁵¹³ Nederman C.J. Rethinking the Foundations of Modern Political Thought (review) // *Renaissance Quarterly*. 2008. Vol. 61. No. 1. P. 271–272.

⁵¹⁴ См.: Goldie M. The context of *The Foundations* // *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 4.

⁵¹⁵ Ibid.; см. также: Printy M. Skinner and Pocock in Context: Early Modern Political Thought Today // *History and Theory*. 2009. Vol. 48 (1). P. 114.

⁵¹⁶ Ibid. P. 115.

⁵¹⁷ Ibid.; Goldie M. The context of *The Foundations* // *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 3–19.

⁵¹⁸ См.: Hamilton-Bleakley H. Linguistic philosophy and *The Foundations* // *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 20–33.

контексте и посредничестве, были основаны на работах Коллингвуда, Витгенштейна и Остина⁵¹⁹. Бутчер стремится внести свой вклад в подход Скиннера путем расширения его концепции авторского посредничества и обращает внимание на то, что наиболее важный аспект текста – его значение – может быть не его конкретным содержанием, а лишь тем фактом, что этот текст был перепечатан, прочитан и распространен в определенный период⁵²⁰.

Вклад Покока в «Переосмысление “Истоков”» достаточно скромно. Его статья содержит мало существенной критики или попыток расширения тем, исследуемых Скиннером. Покок в основном упоминает о вкладе, который в его исследования внес Скиннер; рассматривает собственный тезис о преемственности аристотелизма; кратко прослеживает истоки Кембриджского проекта до издания Ласлеттом филмеровского «Патриарха» и отмечает вклад Ласлетта в историю политической мысли. Также Покок обращает внимание на то, что занимается теперь историографией и гражданским обществом, что занимает не самое важное место в скиннеровских исследованиях⁵²¹.

Несмотря на то, что «Переосмысление “Истоков”» подразумевает собой расширение, пересмотр и переоценку работы Скиннера, в сборнике не часто можно столкнуться с явной критикой в его адрес. Скорее авторы сборника демонстрируют влияние и подчеркивают актуальность «Истоков» 1978 года. Присутствуют лишь незначительные возражения (к примеру, статьи Хёпфля и Така содержат наиболее резкие замечания). Тем не менее, многие ученые попытались выразить значительные оговорки в отношении методологического подхода и интерпретаций Скиннера. Он всегда серьезно относился к замечаниям в отношении своих работ⁵²² и, отвечая другим

⁵¹⁹ Ibid. P. 20–21.

⁵²⁰ См.: Boucher W. Unoriginal authors: how to do things with texts in the Renaissance // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P.73–92.

⁵²¹ См.: Pocock J.G.A. Foundations and moments // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 37-49.

⁵²² См.: Weymans W. Een nieuwe les van de geschiedenis // Karakter: tijdschrift van wetenschap. 2003. Vol. 1. Iss. 4. P. 18.

авторам в конце сборника, доходит даже до того, что критически пересматривает свой труд⁵²³.

Таковы основные темы, рассматриваемые авторами сборника «Переосмысление “Истоков современной политической мысли”». Они содержат некоторую, если ее можно так назвать, критику в отношении основной работы Скиннера. Однако критика в его адрес не исчерпывается лишь рассмотренным сборником.

§ 3.1.2. Скиннер и его критики

Среди ученых разных направлений было большое количество тех, кто решил бросить вызов Скиннеру и заняться его критикой, и порой довольно резкой. Философ Кари Палонен был обеспокоен тем, что критики Скиннера выделяются на фоне авторов, пытавшихся лишь пересмотреть и расширить его идеи. Хотя последователи Кембриджской школы внесли заметный вклад в распространение ее идей, они, как правило, лишь практиковали наработки Скиннера и других основоположниками школы. Кроме того, в историографической практике последователей не уделялось должного внимания философскому анализу. Обеспокоенность Палонена была прежде всего связана с убеждением, что «если новизна действительно является главным критерием научной ценности, то, несомненно, последователи Скиннера сегодня менее ценны, чем его критики»⁵²⁴.

Конечно, спустя десятилетия с начала «подрывной» деятельности Скиннера и с приходом к нему известности его методы уже не вызывали таких бурных споров и критики как раньше, к тому же он довольно успешно отстаивал свои идеи. Однако, критика исследователей из разных областей гуманитарной науки в адрес Скиннера не прекращались, особенно со стороны

⁵²³ См.: Nederman C. J. Rethinking the Foundations of Modern Political Thought (review) // *Renaissance Quarterly*. 2008. Vol. 61. No. 1. P. 272.

⁵²⁴ Garsten B. Review of Kari Palonen, Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric // *Ethics*. 2007. Vol. 117. № 3. P. 570. К слову, особенность Палонена среди последователей Кембриджской школы заключается в том, что его идеи как последователя школы имеют не меньшую новизну и ценность, чем его критика по отношению к ней.

историков и политологов, что неудивительно, поскольку Скиннер всегда был особенно резким по отношению к этим дисциплинам. Отмечают, что порой он даже «с некоторой иронией приумножал примеры анахронизма или свидетельства этноцентризма у своих коллег»⁵²⁵. Своими исследованиями Скиннер поставил под удар основы традиционного подхода к изучению политической мысли и устоявшиеся в нем методы работы с источниками.

Скиннер подвергался наибольшим нападкам таких исследователей, как Джон Кин, Чарльз Д. Тарлтон, Роберт Лэмб, Эмиль Перро-Соссин, а также Жуан Ферес Жуниор. Впрочем, они критиковали и остальных основоположников школы. Некоторые из этих нападков были вполне обоснованы, другие были менее объективны и имели серьезные упущения⁵²⁶, на которые обратил внимание и Скиннер в ответах своим критикам. Критике Скиннера посвящен сборник статей «Значение и контекст: Квентин Скиннер и его критики»⁵²⁷ под редакцией Джеймса Талли, представляющий собой подборку наиболее критических статей и подробные ответы Скиннера, который как всегда с вниманием относился к возражениям оппонентов и пытался конструктивно и последовательно реагировать.

Мы не будем описывать весь спектр критики в адрес Скиннера, но лишь в общих чертах рассмотрим некоторые ключевые примеры. Главное возражение в отношении Скиннера состояло в том, что его подход «...делает изучение политических мыслителей прошлого бесполезным для

⁵²⁵ Речь идет о мифологиях анахронизма – склонности историков интерпретировать авторов прошлого через современную и чуждую им парадигму на основе вырванных из контекста высказываний. Таким образом, историки искали в текстах ответы на вопросы, которых там быть не могло, и строили на этой основе теории и доктрины, якобы принадлежавшие авторам прошлого. (См. напр.: Hauchecorne M. Recension sur «Quentin Skinner. Visions of politics: Regarding Methods. Volume 1». Cambridge: Cambridge University Press, 2002, (viii + 209 p.), reedite en 2003 // La Revue d'histoire des sciences humaines. 2007. No. 17. P. 186.

⁵²⁶ См.: Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation). P. 2. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).

⁵²⁷ См.: Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / Ed. by J. Tully. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988. 353 p.) Подробнее о данных мифологиях речь пойдет в следующем параграфе.

настоящего»⁵²⁸. Его критикам было непонятно, почему мы должны читать сегодня таких авторов, как Гоббс, если их можно понять только в их собственном времени. Одним из таких критиков был Тарлтон, который, также критиковал Данна и Покока⁵²⁹. Изначально критика Тарлтона в адрес Скиннера носила неявный характер и касалась в основном разногласий в понимании сущности языка. Позже он вообще заявил, что в статьях Скиннера «нет никакой практической пользы для политологов и специалистов по интеллектуальной истории»⁵³⁰. Тарлтон не стесняется в выражениях, когда высказывает недоумение по поводу того, каким образом результаты подхода Скиннера вообще могут «представлять интерес для кого-то, кроме любителей пыльных древностей»⁵³¹. Дальнейшая критика Тарлтона касалась как общей концепции Скиннера, так и связанного с его трактовкой языка «философского подхода к человеческому пониманию»⁵³². Для Тарлтона была неприемлема «статическая концепция языка»⁵³³ в подходе Скиннера. Эти замечания были отвергнуты Скиннером⁵³⁴. Кроме того, как отмечает в его защиту историк Сэм Уолтон, у самого Тарлтона присутствует критикуемая им концепция языка⁵³⁵.

Скиннера также критикуют за отсутствие у его методологии фундаментальных теоретических оснований. Тот же Тарлтон считает, что

⁵²⁸ Weymans W. Een nieuwe les van de geschiedenis // *Karakter: tijdschrift van wetenschap*. 2003. Vol. 1. Iss.4. P. 18.

⁵²⁹ См.: Tarlton Ch.D. *Historicity, Meaning and Revisionism in the Study of Political Thought // History and Theory*. 1973. Vol. 12. No. 3. P. 307–328.

⁵³⁰ Ibid. P. 321.

⁵³¹ Ibid. P. 314; см. также: Скиннер Кв. *Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 249.*

⁵³² Walton S. *A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation)*. P. 5. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).

⁵³³ Tarlton Ch.D. *Historicity, Meaning and Revisionism in the Study of Political Thought // History and Theory*. 1973. Vol. 12. No. 3. P. 313.

⁵³⁴ См.: Скиннер Кв. *Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 253–346.*

⁵³⁵ См.: Walton S. *A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation)*. P. 2. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).

подход Скиннера полон неопределенностей и обвиняет его в «антифундаментализме»⁵³⁶. На последний также указывает политолог Жуан Ферес Жуниор⁵³⁷. Предметом его критики было использование в подходе Скиннера теории речевых актов. Анализируя критику политолога Джона Кина⁵³⁸, Ферес Жуниор указывает на то, что нельзя использовать теорию речевых актов для интерпретации текстов, поскольку письменная форма речи сильно отличается от устной, следовательно «любые попытки понимания с самого начала бесполезны»⁵³⁹. Уолтон утверждает, что критика Фереса Жуниора в отличие от Тарлтона и Кина носит обоснованный характер, и затем последовательно раскрывает недостатки критического анализа, который Ферес Жуниор применил к подходу Скиннера⁵⁴⁰.

Историк Роберт Лэмб⁵⁴¹ также указывал на антифундаментализм в подходе Скиннера и критиковал другие его элементы. Его философская критика направлена на отличии «вечных» и «многолетних» проблем в понимании Коллингвуда и Скиннера. Лэмб находит коллингвудовское понимание «более разумным»⁵⁴² и критикует скиннеровское понимание «вечного», «многолетнего» и «долговечного», поскольку оно «противоречит здравому смыслу и требует некоторых существенных доказательств или аргументов в поддержку»⁵⁴³. Уолтон согласен с тем, что Скиннер не

⁵³⁶ Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation). P. 5. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).

⁵³⁷ См.: Feres Júnior J. Taking Text Seriously: Remarks on the Methodology of the History of Political Thought // Contributions to the History of Concepts. 2008. Vol. 4. No. 1. P. 57–80.

⁵³⁸ Keane J. More theses on the philosophy of history // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / Ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 204–218.

⁵³⁹ Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation), P. 15. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 08.12.2020).

⁵⁴⁰ Ibid. P. 16–19.

⁵⁴¹ См.: Lamb R. Recent Developments in the Thought of Quentin Skinner and the Ambitions of Contextualism // Journal of the Philosophy of History. 2009. No. 3 (3). P. 246–265; Lamb R. Quentin Skinner's revised historical contextualism: a critique // History of the Human Sciences. 2009. Vol. 22 (3). P. 51–73.

⁵⁴² См.: Lamb R. Quentin Skinner's revised historical contextualism: a critique // History of the Human Sciences. 2009. Vol. 22 (3). P. 59–63.

⁵⁴³ Ibid. P. 61.

предоставляет этих доказательств, однако указывает на то, что метафора, выбранная Лэмбом, была неудачной и неподходящей для сравнения вышеуказанных концепций, что создает лишь дополнительные ошибки в их понимании⁵⁴⁴.

Скиннер серьезно относился к критике антифундаментализма в его работах, что поспособствовало эволюции его научных взглядов. По замечанию Уолтона, поздний Скиннер даже согласился бы с этой критикой, поскольку антифундаментализм действительно был свойственен большинству его ранних работ⁵⁴⁵. Между тем, продолжает Уолтон, «“пробелы” в методологии Скиннера, вероятно, намеренно оставлялись им незаполненными и основывались на предположении, что методология не должна быть совершенной и в ней “всегда должно оставаться свободное пространство, концептуальное “сдерживание”»»⁵⁴⁶.

Таким образом, мы рассмотрели основные критические замечания в отношении идей Скиннера. Эти замечания, как правило, были часто не обоснованными, и сам Скиннер это признавал, но с некоторыми оговорками, за которыми сразу же следовали обоснованные ответы. Учитывая большое внимание к идеям и работам Скиннера, можно в очередной раз увидеть, какую большую роль и ценность имеет его мысль.

§ 3.2. Сравнение методологии Кембриджской школы с другими походами

Интеллектуальная история как развивающееся направление исследований была довольно широко распространена в западной академической среде еще с первой половины XX в. в качестве своего предшественника – истории идей. По сравнению с ней Кембриджская школа –

⁵⁴⁴ См.: Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation). P. 20–21.

URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation (дата обращения: 08.12.2020).

⁵⁴⁵ Ibid. P. 16.

⁵⁴⁶ Ibid. P. 5.

явление относительно молодое в западной политической науке, которое отличается более беспристрастным подходом при анализе истории политической мысли. Основоположников школы не устраивали «антиисторичные» подходы, в противовес которым они «использовали весь спектр доказательств; занимались критическим изучением источников; отвергали анахронизм и избегали телеологии»⁵⁴⁷.

Разберем основные отличия Кембриджской школы от подхода истории идей, а затем рассмотрим подробнее подход немецкой *Begriffsgeschichte*.

§ 3.2.1. Кембриджская школа против анахронизма в истории идей

История идей начала развиваться в Соединенных Штатах и была в основном представлена несколькими ключевыми фигурами. Одной из них был философ Лео Штраус (1899–1973), которого некоторые рассматривают как «главного антагониста»⁵⁴⁸ Кембриджской школы. Он рассматривал «великие» тексты политической философии прошлого как непогрешимые источники «вечных» идей и ценностей, превосходящих современные, которые «должны быть отвергнуты»⁵⁴⁹. Позднее многие исследователи переняли взгляды Штрауса. Несмотря на то, что Скиннер критиковал Штрауса, известны попытки «скооперировать» их подходы⁵⁵⁰. Академическое прошлое Штрауса

⁵⁴⁷ Bourke R. The Cambridge School. URL: <https://www.qmul.ac.uk/history/media/ph/news/The-Cambridge-School.pdf> (дата обращения: 13.11.2019).

⁵⁴⁸ Skinner Q. Quentin Skinner on Meaning and Method // The Art of Theory – a quarterly journal of political philosophy. Interview by Teresa Bejan. 10/27/2015. P. 4. URL: https://www.academia.edu/1073948/Quentin_Skinner_on_Meaning_and_Method (дата обращения: 07.40.2021).

⁵⁴⁹ Bourke R. The Cambridge School. P.4. URL: <https://www.qmul.ac.uk/history/media/ph/news/The-Cambridge-School.pdf> (дата обращения: 13.11.2020).

⁵⁵⁰ См. напр.: Labrecque S., Lemieux R. La fronde et la crosse. Aspects cynégétiques du débat entre «textualisme» et «contextualisme» en histoire des idées // *Cygne noir, revue d'exploration sémiotique*. 2015. No. 3: «Sémiotique des mystères». URL: <http://www.revucygnenoir.org/numero/article/la-fronde-et-la-crosse> (дата обращения: 21.04.2021); Cervera-Marzal M. Pour une conception coopérative des méthodes de lecture de Leo Strauss et Quentin Skinner // *Klesis. Revue philosophique*. 2012. No. 22. P. 11–28. Авторы в своих попытках опираются прежде всего на следующие работы Штрауса : Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. 364 с.; Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей, 2007. 312 с.; Штраус Л. Преследование и искусство письма // *Социологическое обозрение*. 2012. Т. 11. № 3. С. 12-25; Strauss L.

было изначально связано с философией. Позднее он начал работать на факультете политических наук в США, но при этом как и раньше занимался политической философией. История идей тогда все еще была в основном уделом философов и политологов. Со временем изучение истории политической мысли стало главной объектом исследований интеллектуальных историков.

Еще одна ключевая фигура, связанная с историей идей как направления исследований – упомянутый ранее американский философ Артур Лавджой. Оспаривая утверждение философа Уильяма Джеймса об отсутствии идей, Лавджой настаивал на существовании неизменных «идей-единиц»⁵⁵¹. Эти идеи охватывают все великие научные труды и продукты культуры, т.е. образуют некий «интеллектуальный континуум»⁵⁵², который Лавджой в своей одноименной книге называет «великой цепью бытия» (The Great Chain of Being)⁵⁵³. Анализ истории идей, предложенный Лавджоем, стремится исследовать мыслительные паттерны, «путешествующие» по мировой истории, взаимодействуя и образуя различные идейные комбинации. В этом метод Лавджоя в европейских исследованиях был, пожалуй, ближе всего к другой немецкой школе истории идей, связанной с Фридрихом Майнеке.

Идеи-единицы можно восстановить через критический подбор текстов. При этом Лавджой не акцентировался лишь на отборе текстов «великих» мыслителей, а расширял свои исследования до «популярных мнений, чтобы понять проблемы, вопросы и переживания того времени под пристальным вниманием»⁵⁵⁴. В этом история идей Лавджоя как предшественница

Thoughts on Machiavelli. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 348 p.; Strauss L. The City and Man. Chicago: University of Chicago Press, 1978. 254 p.

⁵⁵¹ Cuttica C. Intellectual History // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). Vol. 12 / Ed. by J.D. Wright. Oxford: Elsevier, 2015. P. 255.

⁵⁵² Ibid.

⁵⁵³ См.: Lovejoy A.O. The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 382 p.

⁵⁵⁴ Cuttica C. Intellectual History // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). Vol. 12 / Ed. by J.D. Wright. Oxford: Elsevier, 2015. P. 255–256.

интеллектуальной истории имеет некоторое сходство с подходом Кембриджской школы.

Внимание Лавджоя к идеям-единицам было нацелено на раскрытие вклада мыслителей прошлого в трансисторические политические проблемы⁵⁵⁵. История идей рассматривала концепции как естественную базовую единицу исторического анализа. Однако такой подход был совершенно неисторическим с точки зрения Кембриджской школы. Для Скиннера, например, строить историю идей, используя идеи-единицы Лавджоя, неоправданно по нескольким причинам.

Прежде всего, проблема используемых историей идей интерпретаций заключается в том, что они непримиримо избегают любых ссылок на намерения рассматриваемого автора. Это больше похоже на философскую критику или моральное суждение, что делает историю лишь «набором трюков, с помощью которых мы играем с мертвыми»⁵⁵⁶. Отказ историков идей от анализа намерений ведет к тому, что они неизбежно сталкиваются с неразрешимой в рамках их подхода дилеммой взаимосвязи убеждений автора с его текстами и в итоге становятся жертвами опасной ошибки – анахронизма, т.е. проецируют свои ментальные установки на другие исторические времена и культуры.

Основоположники кембриджской школы активно боролись с анахронизмом, что стало общим отличительным основанием для их методологии. Более того, контекстуалистский подход кембриджцев был разработан именно как критика чрезмерной абстракции чисто философской истории идей. Вниманием к неисторическому характеру этой популярной методологической традиции отчасти объясняется и успех кембриджцев. Для них намерение авторов, которые используют один и тот же термин для выражения некой идеи, не всегда есть одно и то же, и даже если бы мы хотели

⁵⁵⁵ См. Lovejoy A.O. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 382 p.

⁵⁵⁶ Skinner Q. *Visions of Politics. Volume 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 65.

восполнить это многообразие, пытаясь понять контекст, в котором автор использовал этот термин, ничего бы не вышло, потому что сам контекст, как и намерения, также может быть неоднозначным. Поэтому историю трудно понять лишь как историю базовых идей-единиц. Соответственно лучше не организовывать сюжеты вокруг них. Можно создать только историю различных видов использования идей и различных намерений, которые привели к ее использованию⁵⁵⁷.

Вместе с тем, борясь с анахронизмом, Скиннер все же склонялся к тому, что подобные ошибки в определенной степени неизбежны, поскольку «в действительности – никогда не получится просто исследовать то, что сказал тот или иной классический автор (в особенности, если речь идет о другой культуре), оставив в стороне наши ожидания по поводу того, что он должен был говорить»⁵⁵⁸. Историк должен на что-то опираться, чтобы понять и структурировать текст, «...а структурировать то, что нам незнакомо, мы можем, только опираясь на то, что нам знакомо»⁵⁵⁹, т.е. те критерии, которые имеются, иначе никакого понимания вообще не может быть.

С точки зрения Скиннера, ошибки анахронизма можно, хоть и не полностью, но все же в значительной степени избежать, поскольку он легко разоблачим⁵⁶⁰. Поэтому Скиннер и его коллеги попытались выработать критерии для выявления анахронизма. Их задачу упрощало то, что в отличие от историков идей, которые делали предметом своего изучения лишь сам текст, его внутреннее содержание и смысл, взгляд Кембриджской школы на текст как набор форм социальных действий – речевых актов, позволял

⁵⁵⁷ Скиннер здесь понимает идеи как синоним концепций/концептов, которые способны отражать историческую преемственность своих определений, а не лавджоевские «вечные» идеи-единицы, которые среди прочего даже «не способствуют анализу стратегий легитимации». (Hauchecorne M. Recension sur «Quentin Skinner. Visions of politics: Regarding Methods. Volume 1». Cambridge: Cambridge University Press, 2002, (viii + 209 p.), reedite en 2003 // La Revue d'histoire des sciences humaines. 2007. No. 17. P. 188.).

⁵⁵⁸ Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 57.

⁵⁵⁹ Там же.

⁵⁶⁰ Там же. С. 78.

исследователю избежать вышеупомянутой «психологической» дилеммы о убеждениях автора, поскольку для кембриджцев намерение – это не просто психическое состояние, предшествующее написанию текста, а «реагирование на саму ситуацию, вписанную в более широкий набор языковых условностей»⁵⁶¹. В попытках реконструировать это «реагирование» и проследить изменение языковых конвенций Скиннер и его коллеги обратили особое внимание на интеллектуальный контекст в качестве пояснительного и интерпретативного фактора. Они настаивают на том, что «необходимо поместить текст во все произведения, которые в то же время занимались одной и той же проблемой и в основном разделяли ее»⁵⁶². Эта лексическая совокупность представляет собой идеологический контекст, структурированный условностями эпохи, которые необходимо изучать и учитывать при интерпретации произведений политической философии. Конвенции, состоящие из общих концепций, аргументов и примеров могут быть сопоставлены путем чтения незначительных текстов, таких как манифесты, дневники, речи и личные письма. Именно помещая тексты таких авторов как Макиавелли или Гоббс в контекст конвенций своего времени, можно понять смысл, который они приписывали используемым концепциям.

Итак, чтобы понять причины анахронизма и избежать его, Скиннер пытается идентифицировать и классифицировать формы его проявления – так называемые «мифологии»⁵⁶³. Основные из них Скиннер описывает в статье «Значение и понимание в истории идей», однако философ Сами Сюръемэки обращает внимание на тот факт, что помимо них остаются «незамеченным или, по крайней мере, без упоминания» другие мифологии: на самом деле типология Скиннера «гораздо более детализирована» и включает

⁵⁶¹ Skornicki A. Lectures critiques // *Revue française de science politique*. 2019. Vol. 69. No. 3. P. 502.

⁵⁶² Prévost J.G. *De l'étude des idées politiques*. Sainte-Foy: Presses de l'université du Québec, 1995. P. 61.

⁵⁶³ Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 58.

«подкатегории», которые в свою очередь состоят из 12 подподкатегорий «нижнего уровня», и все это в общей сложности образует типологию из 19 наименований, которые не имеют разделения по своей важности у Скиннера⁵⁶⁴. Сюръемэки называет эти формы «грехами» (sins) и выделяет привязанность историка к настоящему как «первородный грех»⁵⁶⁵ (original sin), поскольку эта форма анахронизма неизбежна, в то время как опираясь на знание классификации остальных «грехов» интеллектуальный историк может в значительной степени избежать этой ошибки. Мы не будем подробно описывать всю типологию мифологий, а скажем лишь о тех формах, которые Скиннер перечисляет в вышеупомянутой статье. Для более подробной и детальной информации будет достаточно обратиться к классификации Сюръемэки⁵⁶⁶.

Среди мифологий, выделяемых Скиннером, стоит прежде всего отметить самую стойкую – «мифологию доктрин»⁵⁶⁷, которая породила предположение, будто автор пытается сформулировать некую теорию по какому-либо вопросу, и если историки достаточно упорно ведут поиски этой «теории» в текстах автора, то обязательно найдут ее. Эта мифология имеет несколько форм. Во-первых, для того чтобы сформулировать искомую «теорию», особенно если сегодня она является актуальной, историки берут некие разрозненные и порой даже несвязанные высказывания классических авторов. Эта форма делится в свою очередь на три подкатегории. Первую Скиннер упоминает как «явный анахронизм» (sheer anachronism), характерный

⁵⁶⁴ См.: Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 94.

⁵⁶⁵ Ibid. P. 94–95.

⁵⁶⁶ Ibid. P. 96. Также можно обратиться к следующим описаниям: Marcotte-Chénard S. Le contextualisme de Quentin Skinner à l'épreuve du cas Machiavel // Methodos. 2013. Vol. 13. P. 360–386; Labrecque S., Lemieux R. La fronde et la crose. Aspects cynégétiques du débat entre «textualisme» et «contextualisme» en histoire des idées // Cygne noir, revue d'exploration sémiotique. 2015. No. 3: «Sémiotique des mystères». URL: <http://www.revuecygnenoir.org/numero/article/la-fronde-et-la-crose> (дата обращения: 21.04.2021).

⁵⁶⁷ Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 96.

для любых интеллектуальных биографий, которые исходят лишь из анализа внутреннего содержания текста и не помещают высказывания в их надлежащий контекст, тем самым приписывая автору то, что он не говорил и даже не мог сказать, «поскольку смысл этот автору был недоступен»⁵⁶⁸. Вторая подкатегория является противоположностью первой и заключается в утверждении, что некий автор сформулировал некую теорию, однако отличие здесь заключается в том, что автор действительно мог придерживаться этой теории, но по определенным причинам она все же не была им сформулирована⁵⁶⁹. С точки зрения Скиннера, ситуация порой может доходить до абсурда, когда «классик, которому явно не удастся выдвинуть опознаваемую теорию по одной из традиционных тем, подвергается критике за свою неспособность это сделать»⁵⁷⁰. Таким образом, тот факт, что автор не собирался этого делать, просто игнорируется. В конце концов, возможно, что «пишущий вынужден прятать свои взгляды, расходящиеся с традицией, “между строк”»⁵⁷¹.

Есть также и другие формы мифологии, против которых боролся Скиннер, например мифология «когерентности», «пролепсиса» «провинциализма» (*parochialism*), «прямого перевода» и «рациональности»⁵⁷². В качестве примера мы описали лишь самую распространенную и устойчивую мифологию и дали развернутое описание ее форм и подкатегорий. С точки зрения Скиннера, опираясь на подобную классификацию мифологий, любой историк мог бы легко разоблачить анахронизм, однако часто из-за отсутствия в его арсенале этого «важнейшего инструмента историка»⁵⁷³ ошибка анахронизма по-прежнему усиленно распространяется, особенно когда речь

⁵⁶⁸ Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 59–60.

⁵⁶⁹ Там же. С. 109–110.

⁵⁷⁰ Там же. С. 54.

⁵⁷¹ Там же. С. 75.

⁵⁷² Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 96.

⁵⁷³ Ibid. P. 95.

идет о классических авторах. Поэтому избежание анахронизма остается проблематичным⁵⁷⁴.

Итак, мы рассмотрели основные отличия Кембриджской школы от истории идей и как подход кембриджцев строился на критике анахронизма, в который так часто впадали историки идей, чей подход, как мы видим, чрезвычайно далек от адекватного анализа связи языковых и социальных изменений. В этом плане гораздо ближе к Кембриджской школе другая традиция – *Begriffsgeschichte*, поскольку ее анализ основывается прежде всего «на изначальной лингвистичности и социальности человеческих существ»⁵⁷⁵.

§ 3.2.2. Кембриджская школа и *Begriffsgeschichte*

Begriffsgeschichte («История понятий», также известная как «концептуальная история» или «история концепций») – немецкая традиция контекстуальных исследований⁵⁷⁶, которую часто сравнивают с Кембриджской школой. *Begriffsgeschichte* возникла в конце 1960-х гг. и была связана с австрийским историком Отто Бруннером (1898–1982) и немецким историком Вернером Конце (1910–1986). В нынешнем виде эта школа является более-менее самостоятельной междисциплинарной областью исследований и связана главным образом с именем немецкого историка Райнхарта Козеллека (1923-2006), ее главного представителя и основателя. Предшественником *Begriffsgeschichte* считается *Geistesgeschichte*⁵⁷⁷ (нем. *Geist* – «дух», «душа», или «разум» в метафизическом смысле, а также *Geschichte* –

⁵⁷⁴ См.: Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 78.

⁵⁷⁵ Ван Гелдерен М. Между Кембрижем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 386–387.

⁵⁷⁶ Скиннер обсуждает эти подходы в последних двух главах своего сборника. См.: Skinner Q. *Visions of Politics. Volume 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 225 p.

⁵⁷⁷ См.: Richter M. *Begriffsgeschichte and the History of Ideas* // *Journal of the History of Ideas*. 1987. Vol. 48. No. 2. P. 247–263.

«история») – термин, которым историки обозначают область исследований, связанную с изучением культурных явлений в истории народа, свойственных определенному временному периоду. Основой методологии *Begriffsgeschichte* послужили: энциклопедия в семи томах под названием *Geschichtliche Grundbegriffe (GG)*⁵⁷⁸, исторические словари *Historisches Wörterbuch der Philosophie (HWPh)*⁵⁷⁹, *Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680-1820 (Handbuch)*⁵⁸⁰, а также работы самого Козеллека.

Begriffsgeschichte, как это видно из названия, занимается историей концепций. В «*Geschichtliche Grundbegriffe*» («Основные исторические концепции»), одним из редакторов которой на протяжении двух десятилетий был Козеллек, проводится исторический анализ словаря, состоящего из 109 ключевых исторических концепций политической, социальной и экономической сфер общества, а также того, как они меняли свое значение с античности до XX в. Примерами этих концепций являются: семья, общество, гражданин, политика, суверенитет, демократия, разделение властей, партия, класс, коммунизм, профсоюз и пр.⁵⁸¹. Помимо них Козеллек в своих методологических работах также осуществляет анализ других концепций, например, когда анализирует высказывания немецкого государственного и политического деятеля Карла Августа фон Гårденберга⁵⁸². Так, в рамках проекта концептуальной истории Козеллек формулирует теорию политических концепций.

⁵⁷⁸ См.: *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialer Sprache in Deutschland: in 8 Bde.* / Eds. by O. Brunner, W. Conze und R. Koselleck. Stuttgart, 1972–1997.

⁵⁷⁹ См.: *Historisches Wörterbuch der Philosophie: Völlig neubearbeitete Ausgabe des Wörterbuchs der philosophischen Begriffe von Rudolf Eisler* / Eds. by J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel. Bd. 1–12. Basel u. a.: Schwabe, 1971–2005.

⁵⁸⁰ См.: *Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680-1820: Heft 1-21* / Eds. by R. Reichardt, E. Schmitt, H.J. Lüsebrink und J. Leonhard in Verbindung mit G. van den Heuvel und A. Höfer. München, 1985–2017.

⁵⁸¹ См. напр.: Norberg J. *Political Concepts* // *The Encyclopedia of Political Thought, First Edition* / Ed. by M.T. Gibbons. Oxford: Blackwell-Wiley, 2015. P. 7-8.

⁵⁸² См.: Nagy Á., Milán P. *A politika konceptualista eszmetörténete*. Kari Palonen: Kúzdelem az idővel // *Budapesti Könyvszemle – BUKSZL*. Budapest: Harmattan Kiadó, 2011. Vol. 23. Iss. 04. P. 353.

Подход Козеллека и его коллег имеет некоторые точки соприкосновения с подходом Кембриджской школы, хотя оба заметно отличаются по своим теоретическим основаниям. Рассмотрим сначала подробнее их сходства и затем перейдем к отличиям.

Прежде всего, обе школы решительно отказываются от распространенной среди историков идеи догмы – рассматривать идеи как пассивные высказывания о конкретной проблеме, как вечные истины, идеи-единицы Лавджоя. Вместо подобных антиисторических подходов, практикуемых различными историографическими течениями, основоположники Кембриджской школы и *Begriffsgeschichte* пытаются выработать более подходящую методологию анализа концепций: они решают поместить их в «надлежащий» исторический контекст⁵⁸³. Если быть более конкретными, Козеллек и его сторонники, как и кембриджцы, уделяют особое внимание изучению семантических изменений в политических языках и их роли в социальных изменениях. Стоит также отметить, что здесь мы видим идеи, объединяющие не только две школы, но и всех «историков концепций», поскольку даже в рамках этого направления область исследований достаточно неоднородна⁵⁸⁴. Во-первых, все они согласны, что политические языки и включенные в них концепции необходимо изучать исторически. Но история – это нечто большее, чем просто трансформация концепций, это еще и политические действия, т.е. использование идеологами этих концепций в определенном историческом контексте, благодаря чему они и приобретают свой смысл⁵⁸⁵.

Концептуальные историки уделяют особое внимание взаимодействию всех этих элементов и приходят к следующему выводу: концепции – это

⁵⁸³ См.: Cuttica C. Intellectual History // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). Vol. 12 / Ed. by J.D. Wright. Oxford: Elsevier, 2015. P. 257.

⁵⁸⁴ См.: Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 18.

⁵⁸⁵ См.: Рихтер М. Покок, Скиннер и *Begriffsgeschichte* // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 369.

инструменты или даже оружие, используемое идеологами для достижения личных целей различными способами. Так называемые вечные понятия на самом деле являются концепциями, включающими в себя множество значений, вокруг которых ведется борьба интерпретаций, и вне этой борьбы концепции просто не имеют своих значений. Эта борьба усиливается в период социально-политических изменений, структурных сдвигов и переходов. С точки зрения концептуальных историков концепции воплощают в себе некое состояние социальной реальности и выступают «...узлами социального опыта, который разворачиваются перед нами, раскрывая социальный и исторический контекст определенной эпохи»⁵⁸⁶. Таким образом, концепции являются некими индикаторами, отражающими социальные изменения. Исходя из этого, Козеллек приходит к выводу, что если перейти от толкования высказываний к исторической классификации содержащихся в них концепций, то можно легко обнаружить, какие слои социального опыта эпохи были включены в высказывания⁵⁸⁷.

Вместе с тем, – и здесь мы также видим сходство обеих школ – эти концепции выступают не только индикаторами, отражающими социальные изменения, но также обуславливающими их факторами-инициаторами. Это выражается в том, как идеологи используют концепции «в качестве инструментов для интерпретации и формирования своей ситуации»⁵⁸⁸. Как отмечает историк Сами Сюръемэки: «Понятия не существуют вне мира, они являются частью мира, и, соответственно, мир может быть изменен с помощью понятий, а понятия могут изменяться по мере изменения мира. Это теоретическое понимание приводит к объяснению концептуальных изменений и их связи с социальными изменениями, а также служит для устранения

⁵⁸⁶ Там же.

⁵⁸⁷ Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2006. С. 33–53.

⁵⁸⁸ Norberg J. Political Concepts // The Encyclopedia of Political Thought, First Edition / Ed. by M.T. Gibbons. Oxford: Blackwell-Wiley, 2015. P. 8; Hölzing Ph. Akteure, Ideen, Strukturen // Hölzing Ph. Ein Laboratorium der Moderne: Politisches Denken in Deutschland 1789-1820. Berlin: Springer VS, Wiesbaden. 2015. P. 26.

резкого различия между теорией и практикой. Соответственно, изучение концептуальной истории означает изучение формы культурных, политических и социальных изменений»⁵⁸⁹.

Таким образом, семантический анализ исторических эпох в подходе *Begriffsgeschichte* имеет дело прежде всего с анализом связи концептуальных и социальных изменений. В этом *Begriffsgeschichte* имеет тесную связь с социальной историей, с которой основатели направления пытались связать концепции, исследуя структурные изменения в обществе, политике и экономике. С одной стороны, *Begriffsgeschichte* была близка социальной истории, что стало существенным шагом в отдалении от традиционной истории идей, представленной Лавджоем, а с другой – смогла избежать крайней формы исторической социальной науки, какой ее, например, предлагала немецкая *historische Sozialwissenschaft* («историческая социальная наука») в лице социальных историков из Билефельда, и это в свое время стало «спасением для интеллектуальной истории»⁵⁹⁰.

Еще на начальном этапе развития *Begriffsgeschichte* была предпринята попытка методологического слияния предлагаемого ею концептуального анализа основных концепций с социальной историей. Однако попытка образования общей области исследований между этими дисциплинами не получила развития, поскольку с 1970-х гг. отношения между ними стали рассматриваться более строго в теоретическом плане, особенно с учетом того, что сам Козеллек пытался в своих работах обозначить автономию и особую значимость своего подхода в отношении социальной истории⁵⁹¹. Как отмечает историк Мартин ван Гелдерен: «Козеллек утверждает, что общество и язык являются метаисторическими априори, без которых история была бы

⁵⁸⁹ Syrjämäki S. *Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism* (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 18.

⁵⁹⁰ Мартин ван Гелдерен. Между Кембриджем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 386-387.

⁵⁹¹ См.: *Historische Semantik und Begriffsgeschichte* / Ed. by R. Koselleck. Stuttgart: Klett-Cotta, 1979. 400 S.

непостижимой. Соответственно, концептуальная и социальная история претендуют на независимую универсальность, что распространяется и на такие исторические субдисциплины, как культурная⁵⁹², экономическая и интеллектуальная история. Однако с точки зрения немецкой *Begriffsgeschichte* независимость концептуальной и социальной истории не ведет к унификации, поскольку Козеллек настаивает, что «язык и историю следует аналитически разграничивать, так как ни одна из этих сфер в своей целостности не может зависеть от другой»⁵⁹³.

Разработанный Козеллеком подход был изначально «основан на конструктивистской идее, что социальная реальность создается путем разговоров о ней, из самого дискурса»⁵⁹⁴. Как отмечает ван Гелдерен: «В основе *Begriffsgeschichte* лежит творческое напряжение между социальной реальностью и языком»⁵⁹⁵. По аналогии с кембриджским подходом *Begriffsgeschichte* видит своей основной задачей продемонстрировать эту связь. Для этого Козеллек проводит тщательный анализ языка, изменений политических словарей, а также ключевых концепций как индикаторов социально-политических изменений. Таким образом, в попытке понять концептуальные и структурные изменения в истории через анализ семантических сдвигов Козеллек стремится описать исторические тенденции возникновения современности. Он рассматривает концептуальную историю прежде всего как «метод, с помощью которого можно зафиксировать разрыв

⁵⁹² К слову, такие направления как культурная история и история науки основоположник Кембриджской школы Квентин Скиннер не считает примерами интеллектуальной истории. (См.: Skinner Q. What Intellectual History Teaches Us: A Conversation with Quentin Skinner (The Governance Podcast Ep6) // Centre for the Study of Governance & Society, July 10th, 2018. URL: <https://csgs.kcl.ac.uk/podcast/what-intellectual-history-teaches-us-a-conversation-with-quentin-skinner/> (дата обращения: 20.04.2021).)

⁵⁹³ Ван Гелдерен М. Между Кембрижем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 385.

⁵⁹⁴ Nagy Á., Milán P. A politika konceptualista eszmetörténete. Kari Palonen: Küzdelem az idővel // Budapesti Könyvszemle – BUKSZL. Budapest: Harmattan Kiadó, 2011. Vol. 23. Iss. 04. P. 353.

⁵⁹⁵ Ван Гелдерен М. Между Кембрижем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 386.

между прошлым и будущим в современный период или показать, как горизонт ожиданий людей начал отдаляться от их пространства опыта к концу XVIII века»⁵⁹⁶.

В этом прослеживается сходство со стремлением Скиннера раскрыть пути, по которым мы могли бы пойти, через реконструкцию политической мысли прошлого. Кроме того, сам Скиннер пытался ориентироваться в том же направлении, что и авторы сборников «Geschichtliche Grundbegriffe» или «Historisches Wörterbuch der Philosophie». В предисловии к «Истокам современной политической мысли» он даже ссылаясь на необходимость изучения определенных словарей, как это делал Козеллек, и через них узнавать о намерениях автора. Метод, используемый Скиннером в этой работе интерпретируется Палоненом как шаг к *Begriffsgeschichte*⁵⁹⁷.

Предпринимались некоторые попытки методологического сближения Кембриджской школы с *Begriffsgeschichte*, одним из сторонников которого был прежде всего историк Мелвин Рихтер. Однако сосредоточенность контекстуального подхода кембриджцев на реконструкции исторического смысла речевого действия в контекстах воспрепятствовала этому сближению: концептуальную историю больше интересовали концепции как таковые, а не их контекст⁵⁹⁸. И поскольку примирить эти школы не удавалось, Палонен в нескольких исследованиях постарался согласовать их методологии и предложить методику, которая заимствует разработки обеих школ⁵⁹⁹. Сравнивая критерии и практику скиннеровских эссе и глоссария Козеллека⁶⁰⁰,

⁵⁹⁶ Norberg J. Political Concepts // The Encyclopedia of Political Thought, First Edition / Ed. by M.T. Gibbons. Oxford: Blackwell-Wiley, 2015. P. 9.

⁵⁹⁷ См.: Palonen K. Quentin Skinner: history, politics, rhetoric. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 89.

⁵⁹⁸ См.: Атнашев Т. Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 28.

⁵⁹⁹ См.: Palonen K. The History of Concepts as a Style of Political Theorizing: Quentin Skinner's and Reinhart Koselleck's Subversion of Normative Political Theory // European Journal of Political Theory. 2002. No. 1. P. 91-106; Palonen K. Political Theorizing as a Dimension of Political Life // European Journal of Political Theory. 2005. No. 4. P. 37-50.

⁶⁰⁰ См.: Garsten B. Review of Kari Palonen, Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric // Ethics. 2007. Vol. 117. No. 3. P. 570.

основное внимание Палонен уделил проблеме «исторического времени», точнее тому, что Козеллек называл «темпорализацией»: интеграция взгляда на время в структуру основных социальных концепций (особенно современности), отражающих горизонты будущего. Достаточно вспомнить действия различных «измов», которые в своих концептуальных терминах показывали будущее как социальную возможность и поле реализации идеалов. Темпорализация, наполнение концепции политики временными коннотациями рассматривается Палоненом как одна из важнейших характеристик *Sattelzeit*⁶⁰¹. Козеллек придумал этот термин для обозначения переходного периода, эпохального порога или фундаментального момента в европейской истории между Ранним Новым Временем и Новым Временем.

Как и Скиннер, Козеллек признает нормативность политических языков и конвенций, которые могут быть как ограничением новой социально-политической практики, так и ее средством, расширяющим возможности автора. Однако здесь уже обнаруживаются заметные отличия двух традиций, чьи взаимоотношения характеризуются скептицизмом и критикой. Сегодня «дебаты вокруг соперничества двух направлений – британского и немецкого – конституируют научную идентичность отдельных исследовательских сообществ»⁶⁰².

Таким образом, рассмотрев основные сходства *Begriffsgeschichte* и Кембриджской школы, мы переходим к их главным отличиям. Прежде всего, у каждой из школ свое понимание того, как концепции преобразуются в исторической практике. Кембриджцы были сосредоточены на более длительном историческом периоде. Ключевой период для исследований *Begriffsgeschichte* приходится на конец XVIII в. и начало XIX в., а предмет ее

⁶⁰¹Эта концепция Козеллека буквально переводится как «седловое время» и обозначает «переломное время» (нечто вроде английского *threshold period*). (См.: Palonen K. *Rhetorical and Temporal Perspectives on Conceptual Change. Theses on Quentin Skinner and Reinhart Koselleck* // *Finnish Yearbook of Political Thought*. 1999. Vol. 3. P. 51.)

⁶⁰²Атнашев, Т. Велижев, М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7.

исследований простирается от потока информации через СМИ и институты культуры до рассмотрения потока концепций и символов. Подход кембриджцев сосредоточен на более широком круге индивидуальных мыслителей и анализу в основном лишь «внезапных концептуальных сдвигов»⁶⁰³. Концептуальных историков больше интересовали причины и последствия концептуальных сдвигов, их восприятие группами, движениями и партиями, которые «соревнуются за право определять» ключевые концепции.⁶⁰⁴

Также основоположники обеих школ опираются на различные традиции мышления. В то время как *Begriffsgeschichte* развивалась в лоне немецкой традиции историографии⁶⁰⁵ (Козеллек развивает свою методологию, основываясь на идеях Карла Шмитта, Ганса-Георга Гадамера и отчасти Мартина Хайдеггера⁶⁰⁶) и фокусировалась на концепциях, используемых во франкоязычном и немецкоязычном политических дискурсах, Кембриджская школа в свою очередь опиралась на англосаксонскую традицию (опора на идеи Коллингвуда и философию языка Остина и Витгенштейна в работах Скиннера) и ориентировалась прежде всего на исторические изменения в англосаксонском мире⁶⁰⁷. Если немецкая школа имела преимущественно

⁶⁰³ Hauchecorne M. Recension sur «Quentin Skinner. Visions of politics: Regarding Methods. Volume 1». Cambridge: Cambridge University Press, 2002. viii + 209 p. reedite en 2003 // *La Revue d'histoire des sciences humaines*. 2007. No. 17. P. 190.

⁶⁰⁴ Рихтер М. Покок, Скиннер и *Begriffsgeschichte* // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 369. Рихтер считает заметным упущением Покока и Скиннера игнорировать эти процессы: «Рассматривая периоды быстрых изменений, необходимо обращать внимание на трансформации языка, сопутствующие трансформациям структур. У самого Покока есть важное исследование такого рода [...] Однако он, так же, как и Скиннер оставляет за скобками собственно лингвистический аспект крупномасштабных структурных изменений». (Там же: С. 370.) Этим они «осложняют задачу адекватного осмысления политических идеологий в привычном смысле этого слова». (Там же. С. 368.)

⁶⁰⁵ См.: Ван Гелдерен М. Между Кембрижем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 387.

⁶⁰⁶ См.: Cuttica C. *Intellectual History* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. Vol. 12 / Ed. by J.D. Wright. Oxford: Elsevier. 2015. P. 257.

⁶⁰⁷ См.: Nagy Á., Milán P. A politika konceptualista eszmetörténete. Kari Palonen: *Küzdelem az idővel* // *Budapesti Könyvszemle – BUKSZL*. Budapest: Harmattan Kiadó, 2011. Vol. 23. Iss. 04. P. 354.

социально-исторический и герменевтический характер, то английская, помимо идейно-исторической направленности, имеет преимущественно прагматические, контекстуальные черты.

Сосредоточенность Козеллека на практическом применении концепций вызывала критику со стороны кембриджцев⁶⁰⁸. В их глазах серьезным упущением Козеллека является то, что он «имеет тенденцию скрывать полемическое и риторическое измерение жизни понятий»⁶⁰⁹, тем самым отделяя последние от их конкретного исторического контекста. Таким образом, подход *Begriffsgeschichte* игнорировал роль человеческого фактора в формировании истории политической мысли. Кембриджская школа, напротив, выводит этот фактор на первый план: действия человека для них – «главный двигатель истории»⁶¹⁰, трансформаций традиционных речевых моделей в процессе создания нового политического дискурса. Кембриджцы были сосредоточены на лингвистическом и интертекстуальном контексте, и описание Скиннером игры языковых условностей, традиций и риторической транскрипции не может быть сопоставлено с тем, что представляет собой социальный опыт Козеллека, поскольку взгляды двух авторов принципиально различны.

Итак, рассмотрев сходства и отличия между подходами Кембриджской школы и *Begriffsgeschichte*, а также их взаимную критику, заключим, что, несмотря на порой примирительный тон (особенно если сравнивать с отношением кембриджцев к истории идей), их отношения имеют довольно сложный характер. Однако не следует недооценивать вклад *Begriffsgeschichte*

⁶⁰⁸ См.: Cuttica C. *Intellectual History // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. Vol. 12 / Ed. by J.D. Wright. Oxford: Elsevier, 2015. P. 257; Ван Гелдерен М. Между Кембриджем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 388.

⁶⁰⁹ Skornicki A. *Lectures critiques // Revue française de science politique*. 2019. Vol. 69. No. 3. P. 503.

⁶¹⁰ Ван Гелдерен, М. Между Кембриджем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 389.

в исследования истории политической мысли. Для нас прежде всего важно то, что историки концепций обратили внимание интеллектуальных историков на связь концептуальных и социальных изменений. В понимании роли этой связи в истории политической мысли *Begriffsgeschichte* имеет много общего с Кембриджской школой. Чему-то они могут даже «поучиться друг у друга»⁶¹¹. Как отмечает историк Сами Сюръямэки, для того чтобы заниматься интеллектуальной историей и «избежать анахронизма, необходима определенная чувствительность к концептуальной истории», а она в свою очередь «извлекает выгоду»⁶¹² из интеллектуальной истории.

Сравнив основные элементы и принципы подходов *Begriffsgeschichte* и Кембриджской школы, можно сказать, что интеллектуальные историки в лице Скиннера и его коллег по Кембриджу действительно проявили внимание к концептуальной истории. По сути, кембриджцы отчасти ею и занимаются в том смысле, что извлекли и дополнили некоторые теоретические и практические наработки немецкой школы, хотя и не признают ее в качестве отдельного научного направления⁶¹³. В конце концов, они и себя именуют таковым с настороженностью и скепсисом.

§ 3.3. Применение методологии Кембриджской школы в России

Одна из главных заслуг Скиннера заключалась «во всестороннем освещении современной политической мысли и попытках понимания разных авторов в контексте их работы»⁶¹⁴. В то же время подобные попытки затрудняются тем, что, по мнению Скиннера, «понимание сформулированных

⁶¹¹ Рихтер М. Покок, Скиннер и *Begriffsgeschichte* // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 386.

⁶¹² Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation). Tampere: Tampere University Press, 2011. P. 18.

⁶¹³ См.: Рихтер М. Покок, Скиннер и *Begriffsgeschichte* // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 348.

⁶¹⁴ См.: Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 277.

в прошлом утверждений ставит особого рода проблемы и может привести к нетипичным выводам, особенно в том, что касается условий изменения языка»⁶¹⁵. Исходя из этого, можно задаться вопросом, каким образом подобный анализ современной политической мысли позволил бы нам перейти к исследованию ее специфики в отдельных странах в разные исторические периоды? Попытаемся дать на него ответ.

§ 3.3.1. Попытки применения методологии Кембриджской школы к истории России: историографический обзор

В последние годы активно возросший интерес к Кембриджской школе интеллектуальной истории и фундаментальным трудам ее основоположников породил потребность к применению наработок теоретико-методологического подхода школы по отношению к российской истории политической мысли. В отечественной гуманитарной науке предпринимаются попытки в этом направлении, и работа все еще продолжается. Эти попытки могут быть обоснованы тем, что идентификация основных идиом российской социальной и политической мысли становится «первой исследовательской задачей, которая требует тщательного предварительного изучения цепочки локальных полемик»⁶¹⁶. Отметим ряд ключевых авторов, работающих в этом направлении.

Прежде всего, очень важным событием для отечественной гуманитарной науки стал выход сборника под названием «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории»⁶¹⁷ под редакцией Тимура Атнашева и Михаила Велижева. Книга знакомит отечественную гуманитарную и социальную науку с методологией школы, ее историей и

⁶¹⁵ См.: Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 111.

⁶¹⁶ Атнашев Т. Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 39.

⁶¹⁷ См.: Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.

критикой. Попытка продемонстрировать методологическую и практическую актуальность Кембриджской школы в России является ключевой целью этого сборника. Ранее Атнашев и Велижев уже довольно подробно описывали методологию школы в нескольких публикациях⁶¹⁸. В указанном сборнике они и другие авторы идут дальше. В нем, в частности, содержится целый раздел, посвященный истории политических языков в России, представленный шестью статьями, в том числе и за авторством Атнашева и Велижева. В разделе предпринимается попытка применить методологию Кембриджской школы к отечественной истории.

Перед тем как мы осветим статьи авторов этого раздела, следует отметить ряд отечественных исследователей, которые перед выходом сборника уже пытались уделить Кембриджской школе и ее основоположникам внимание в своих статьях. Среди них, например, Атнашев и Велижев выделяют «Олега Хархордина, Алексея Миллера, Александра Бикбова, Виктора Каплуна, Александра Дмитриева, Артемия Магуна, Ирину Савельеву, Александра Доброхотова, Николая Копосова, Михаила Ямпольского и др.»⁶¹⁹. Среди прочих авторов стоит также отметить работников центра «Res Publica» Марию Пономареву и Никиту Туманова из Европейского университета в Санкт-Петербурге, которые в сотрудничестве с Хархординым перевели ряд работ Скиннера, а также посвятили статью⁶²⁰, приуроченную к выходу его двухтомника в 2018 г., благодаря чему возрос круг знакомых с работами Скиннера исследователей. На портале Gefter.ru также опубликован ряд статей, посвящённых основоположникам Кембриджской школы и ключевым концепциям ее методологии. Как отмечает Павлов, долгое время ее обсуждение было лишь «уделом ученых, а также ресурса Gefter.ru (если бы

⁶¹⁸ См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7–52.

⁶¹⁹ Там же. С. 35.

⁶²⁰ См.: Пономарева М., Туманов Н. Квентин Скиннер и основания «кабинетной идеологии»: к выходу русского перевода «Истоков современной политической мысли» // Colta.ru. 15.01.2018. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/17045> (дата обращения: 23.02.2021).

охват аудитории этого сайта был широк, можно было бы вести речь о том, что Кембриджская школа уже какое-то время пользуется спросом большого круга читателей)»⁶²¹. Со временем имена Скиннера и Покока начинают попадать в отечественные вузовские программы курсов по историографии и истории политических идей, и уже встречаются не только в кандидатских диссертациях, но даже в анонимных рефератах и статьях в интернете⁶²².

Теперь вернемся к упомянутому выше сборнику. Как сказано, статьи одного из его разделов представляют собой «ряд историографических работ отечественных ученых [...], которые предлагают свои подходы к изучению общественно-политических языков в России. Большая часть исследований выполнена под прямым методологическим влиянием Кембриджской школы, а часть – реализована с близких теоретических позиций»⁶²³. Так, Сергей Польской рассматривает происхождение и становление секулярного рационального дискурса в официальном языке российской власти в XVIII в., помещая известные тексты и аргументацию авторов в языковой и концептуальный контекст этой эпохи и исследуя употребляемые ими концепты. Автор рассматривает два вопроса: прежде всего, «каким образом происходит дискурсивное преодоление кризиса легитимности, порожденного насильственными действиями власти в отношении наследника престола», и во-вторых, «...как решается проблема принадлежности власти и ее преемственности в рамках политического языка 1720-1760-х годов»⁶²⁴. Татьяна Борисова рассматривает связь теории права на основе расширенного понимания необходимой обороны, выстроенной Анатолием Кони в деле Веры

⁶²¹ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 263.

⁶²² См.: Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 35.

⁶²³ Там же. С. 8–9.

⁶²⁴ См.: Польской С.В. «Истязание по натуральной правде»: легитимация насилия и становление рационального политического языка в России XVIII века // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 414.

Засулич, а также то, как победа в судебном процессе подобной трактовки поспособствовала эгалитарному началу в понимании социальной справедливости⁶²⁵. Константин Бугров в своей статье утверждает, что «при изучении адаптации и развития республиканской политической мысли в России нам следует сделать акцент на концепции добродетели вслед за Пококом, а не свободы вслед за Скиннером», и пытается «в самой сжатой форме предложить исторический обзор этого вопроса»⁶²⁶. Екатерина Правилова анализирует отличия разных интерпретаций концепции собственности, рассматривает, какую из них имела в виду Екатерина II, когда провозглашала нераздельность собственности и свободы, а также отмечает, «насколько избирательна была Екатерина в выборе моделей для заимствования»⁶²⁷.

§ 3.3.2. Границы и перспективы локального применения методологии Кембриджской школы

Как мы видим, методология Кембриджской школы имеет свое относительно неизменное ядро, опираясь на которое возможно применить метод школы к локальным историческим контекстам, что отечественные исследователи и попытались сделать. При этом, говоря о релевантности методологии Кембриджской школы в отечественном академическом поле и состоятельности связанных с этим попыток ее адаптации и применения по отношению к истории России, необходимо отметить несколько обстоятельств.

Прежде всего, стоит упомянуть важное замечание, с которого начинается статья философа Александр Павлова, посвященная Кембриджской

⁶²⁵ См.: Борисова Т.Ю. «Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, Т. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 522–546.

⁶²⁶ Бугров К.Д. Республика/революция: Гражданская добродетель в политической истории России Засулич // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 551.

⁶²⁷ Правилова Е.А. «Частная собственность» в языках российского общества конца XVIII – начала XIX века // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 485.

школе истории политической мысли. Автор отмечает, что, несмотря на попытки российских ученых «адаптировать метод» Кембриджской школы, «по определенным причинам это практически невозможно сделать»⁶²⁸. Среди главных причин Павлов прежде всего выделяет контекст, в котором развивалась методология кембриджцев, и те существенные изменения, которые она впоследствии претерпела. Также это тот факт, что интересы основоположников Кембриджской школы имели тенденцию постепенно разделяться и смещаться в те области, где «их установки по конкретным причинам неприменимы. Таким образом, – заключает Павлов. – «Продолжение их проекта [...] возможно скорее и в лучшем случае в области современной социальной и политической философии, нежели в европейской политической мысли XV–XVII веков или американской политической мысли XVIII века»⁶²⁹. И хотя Скиннер указывает, что его подход все же можно применять «с таким же успехом» к современности, он отмечает при этом, что в таком случае пользы от этого подхода будет меньше, и далее заключает: «Если мой подход и имеет какую-то особую ценность, то она заключается в том, что мы возвращаемся к более отдаленным традициям мышления, которые, возможно, в течение столетий были утрачены из виду»⁶³⁰. Другими словами, мы лишь описываем политические языки прошлого в их надлежащем контексте, что является довольно непростой задачей. Мы не можем, к примеру, просто взять историю, написанную в XVII веке в Англии и перенести это знание в такой же форме словно в «контейнере» на революционную Америку столетием позже, поскольку это уже совсем другая история, другая социальная реальность, иной контекст, в котором текст будет восприниматься иначе⁶³¹.

⁶²⁸ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 261.

⁶²⁹ Там же.

⁶³⁰ Skinner Q. Concepts only have history / Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espacestemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

⁶³¹ См.: Fillafer F.L., McClure J. Contextualism, Global Intellectual History, and Neoliberalism: A Conversation with Quentin Skinner. P. 6.

Эти замечания указывают на сложность интерпретации авторских высказываний с применением методологии Кембриджской школы, что затрудняет ее адаптацию к конкретным локальным случаям и историческим эпохам. В частности, это касается и истории политических языков России, учитывая то, что научный язык школы является достаточно новым и непривычным для российского читателя «из-за его отчетливой ориентации на традицию англосаксонской аналитической философии середины XX века»⁶³².

Таким образом, мы имеем некоторые обстоятельства, затрудняющие применение метода Кембриджской школы в России. Однако стоит ли вообще перед нами такая задача – применять данную методологию по отношению к российской истории? Очевидно, что да. Другой вопрос: как эту задачу сформулировать и каких методологических рамок должен придерживаться исследователь для ее выполнения. В данном случае будет полезным обратиться к словам Атнашева и Велижева: «Задача историков политического языка в России никак не может сводиться к попыткам механически идентифицировать в текстах, написанных на русском языке, ту же повестку, которая волновала английских, французских или немецких интеллектуалов, или найти набор российских ответов на серию западноевропейских вопросов; ключевые вопросы и наиболее влиятельные языки отечественной политической философии и интеллектуальной истории в целом, конечно, могут быть предметом самостоятельного изучения и поиска. Речь идет об истолковании целой серии трансформаций, которые претерпевают европейские концепции при переносе в другой политический контекст, и об анализе оригинальных отечественных политических языков. В этом смысле мы можем попробовать сформулировать основные элементы

URL: https://www.academia.edu/30173415/Contextualism_Global_Intellectual_History_and_Neoliberalism_A_Conversation_with_Quentin_Skinner (дата обращения: 14.02.2021).

⁶³² Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 26.

междисциплинарного подхода к исследованию истории политической философии в России, основанного на достижениях Кембриджской школы»⁶³³.

Велижев в завершении своей статьи «Язык и контекст в русской интеллектуальной истории» отмечает общую задачу историков политических языков, которая «...состоит в реконструкции и сопряжении микроконтекстов, наполняющих тексты историческим содержанием и их легитимирующих. И в этом отношении исследовательская программа Кв. Скиннера и Дж. Покока [...] представляется чрезвычайно продуктивной для изучения интеллектуальной истории России»⁶³⁴.

Не вдаваясь далее в вопрос о том, успешна адаптация метода Кембриджской школы или нет, можно заключить, что, по крайней мере, «описательную» задачу авторы сборника выполнили и им удалость подробно сформулировать основные элементы кембриджского подхода, необходимые для его понимания широким кругом исследователей истории политической мысли в России⁶³⁵. Для отечественной гуманитарной науки это уже важный шаг несмотря на то, что многие попытки заимствования западной методологии не всегда удаются, особенно когда представляют собой желание слепо копировать методы, не учитывая при этом контекст их разработки и применения. В действительности российские исследователи не просто берут методологию Кембриджской школы в готовом виде и слепо копируют ее инструментарий. Они идут дальше: критически перерабатывают эту

⁶³³ Там же. С. 38.

⁶³⁴ Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: Первое «Философическое письмо» Чаадаева // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 519.

⁶³⁵ Выражая в целом положительное отношение к выходу рассмотренного ранее сборника под редакцией Атнашева и Велижева и не ставя под вопрос оригинальные статьи отечественных авторов, А.В. Павлов, тем не менее, указывает на ряд небольших «изъянов» данного сборника. Например, некоторые редакторские недоработки и опечатки способны помимо некоторого раздражения у скрупулёзного читателя ввести в замешательство молодых исследователей, которые решат ознакомиться с Кембриджской школой именно с помощью данного сборника. (См.: Павлов А.В. Истина и метод: рецензия на сборник о Кембриджской школе // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III. № 1. С. 315–329.)

методологию, отбирают из нее конкретные элементы, «которые формируются и обсуждаются в ходе научных дискуссий и материализуются в результатах конкретной работы профессионалов в российских и международных сообществах»⁶³⁶. Затем они уже «адаптируют» эти элементы.

Таким образом, использование междисциплинарного подхода Кембриджской школы к исследованию истории социально-политической мысли в России, несомненно, имеет большую ценность. Однако необходимо отделять саму методологию от исторических исследований кембриджцев, в которых последние применяли свой метод, поскольку исследуемые ими исторические периоды имели иной смысл и культурную специфику, отличную от России с ее социально-политическим контекстом.

Мы осветили лишь некоторые проблемы состоятельности методологии Кембриджской школы в отношении ее применимости, а также границы ее адаптации к истории общественно-политических языков России. Методология Кембриджской школы и вопросы, которые поднимают ее авторы и последователи, на сегодняшний день все еще открыты для обсуждений, и их еще предстоит исследовать, учитывая то, какое важное значение открытия «кембриджских ученых» имеют для истории социально-философского познания в России. Поэтому поход Кембриджской школы интеллектуальной истории остается крайне актуальными для российского исследователя.

⁶³⁶ Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. 2018. № 4, ч. 2. С. 297.

Заключение

В соответствии с обозначенными задачами мы попытались рассмотреть возможности интерпретационных методов Кембриджской школы интеллектуальной истории применительно к анализу роли языка в социальных изменениях.

В первой главе мы дали общую характеристику Кембриджской школы. Также были рассмотрены несколько наиболее распространенных для обозначения школы терминов: «история понятий» «история идей» и «интеллектуальная история». Первые два обозначают отдельные традиции исследований, отличные от Кембриджской школы и подвергшиеся критике ее основоположников. Вместе с тем, все эти традиции исследований рассматриваются как предшественники, а порой даже как прикладные дисциплины и субдисциплины интеллектуальной истории – междисциплинарной отрасли исторического знания, обозначающей единую методологическую программу широкого спектра различных подходов исследований. Таким образом, мы пришли к выводу, что «интеллектуальная история» является самым подходящим обозначением Кембриджской школы – «Кембриджской школы интеллектуальной истории», поскольку это название отражает широту охвата предмета Кембриджской школы и дает нам большую свободу в работе с ее теоретико-методологическим подходом, в частности применительно к социально-философскому анализу.

Далее был проведен небольшой обзор предыстории становления Кембриджской школы и упомянут ряд исследователей, чьи методологические разработки сыграли роль предпосылок возникновения школы, повлияв на ее будущих основоположников. Описывается, как зарождался метод лингвистического контекстуализма в подходе школы, основывающийся на разработках Питера Ласлетта и Джона Остина. Наконец, мы отметили как в условиях кризиса политической философии их открытия послужили теоретическим и практическим импульсами для возникновения новых методов исследований, удовлетворявших запросам политической науки, и как

эти методы были изначально были направлены против традиционного подхода к изучению истории политической мысли.

Далее речь идет непосредственно о самих основоположниках школы – Квентине Скиннере, Джоне Пококе и Джоне Данне. Проводится обзор их основных идей и работ. Рассматриваются особенности и отличия в их подходах, а также общие черты, которые дают основание говорить об общей методологической программе школы. Наибольшее внимание, как и в последующих главах, было уделено Скиннеру, поскольку именно его идеи получили наибольшее распространение в России и за рубежом. Однако делать на этом основании вывод, что Скиннер является главным представителем Кембриджской школы было бы неправильным, поскольку Скиннер – это еще не методология школы. Сосредоточенность на подходе Скиннера обусловлена прежде всего особой актуальностью его подхода в рамках данного исследования и особой ценностью его применения для социально-философского познания.

Мы описали академический путь Скиннера и становление его метода, основные исторические и методологические работы, используемые им концепции (Остина, Витгенштейна, Коллингвуда и др.) для разработки собственного подхода к интерпретации истории политической мысли, альтернативного традиционным «антиисторическим» методам анализа. Кроме того, была подробно рассмотрена одна из главных (наряду с риторикой и идеологией) тем исследований Скиннера – генеалогия, с помощью которой он пытался раскрыть «непройденные пути», в первую очередь в истории Англии. В частности, мы разобрали описанную Скиннером генеалогию свободы, где он обращает внимание на некогда забытую неоримскую (республиканскую) концепцию свободы. Скиннер утверждает, что историк не может и не должен извлекать из изучения авторов прошлого вневременные уроки, критикует негативную концепцию свободы Исая Берлина и предлагает обновленное видение республиканизма, которое позволило бы примирить личную свободу и участие граждан. Проект Скиннера по ревитализации республиканизма

позволил пересмотреть ключевые концепции истории политической мысли и актуализировать осознанное понимание наших на первый взгляд очевидных убеждений. Тем самым Скиннер сделал большой вклад в политическую и социальную философию.

Наконец, рассмотрены основные черты интенционалистского подхода Скиннера, определены цель и задачи интеллектуального историка, а также те правила, которых ему необходимо придерживаться для реконструкции речевого действия.

Далее мы описали основные работы и концепцию политических языков Покока, сравнив его историческую практику со скиннеровской. Наконец Джон Данн – «нетипичный»⁶³⁷ и часто упускаемый из виду представитель Кембриджской школы. Постепенное отклонение Данна от общего курса школы наряду с прочими разногласиями стало одной из причин расхождения путей основоположников школы, что давало основание сомневаться в наличии у них единой и последовательной методологической программы. Таким образом, на сегодняшний день существует двойственное отношение к методологии Кембриджской школы, в том числе со стороны самих основоположников. Одни избегают рассматривать их как единую школу. Другие рассматривают как устоявшийся теоретико-методологический подход со своим неизменным ядром, общими основаниями, убеждениями и выводами. Этих оснований основоположники строго придерживаются по сей день. И главное, что их объединяет – контекстуальное изучение истории политической мысли. С этой точки зрения Кембриджская школа, несомненно, объединена широкими методологическими принципами и по-прежнему следует общей методологической программе. При этом каждый из основоположников школы стремился внести свой вклад не только в ее методологию, но также и в изучение истории политической мысли, пытаясь занять свою позицию в методологических дебатах интеллектуальной истории.

⁶³⁷ Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 264.

Во второй главе мы проанализировали методологию Кембриджской школы и принципы ее подхода к анализу роли языка в социальных изменениях. Рассмотрены элементы контекстуального анализа в подходе школы, которые опираются на разные аспекты исторического контекста: политического, идеологического, социального и лингвистического. Для интеллектуального историка все эти элементы входят в понятие «интеллектуальный контекст», который также понимают как исторический. Однако в методологи Кембриджской школы контекст можно понимать прежде всего как лингвистический. Этот оригинальный «лингвистический» шаг часто подвергался критике за игнорирование остальных элементов контекстуального анализа в пользу чисто лингвистических обстоятельств. На самом деле междисциплинарный подход Кембриджской школы всегда пытался избежать недостатков одностороннего анализа контекста. Основоположники школы рассматривают влияние политических языков и идей на социальные изменения как историки, политические теоретики и философы, объединяя методы философско-лингвистического анализа и социально-исторических исследований. В этом плане их оригинальный подход к анализу роли языка в социальных изменениях имеет большую ценность и актуальность для широкого круга дисциплин, и особенно для социально-философского познания.

Мы попытались определить методологические и дисциплинарные границы применимости подхода Кембриджской школы и пришли к выводу, что подход школы имеет ценность для социально-философского познания не меньшую, чем для политических и исторических исследований, истории политической мысли. С одной стороны, подход школы исторический, применяемый прежде всего к языкам политическим, что делает его актуальным для исследований истории политической мысли. С другой стороны – язык в методологии Кембриджской школы выступает как фактор-инициатор социальных изменений, т.е. как социальное действие, влияющее на

социальные структуры и меняющее социальную реальность; но в то же время язык является отражением, «индикатором» социальных изменений.

Далее описывается, как подход Кембриджской школы применим к анализу структуры политических языков идеолога, его стратегий и тактик изменения социальной реальности с помощью манипуляций конвенциями нормативного словаря, а также ограничений этих изменений. Для этого мы рассмотрели две связанные с генеалогией главные темы в подходе Скиннера – идеологию и риторику, в частности методы анализа риторических аспектов языка и их роли в концептуальном изменении. Были изложены представления Скиннера об интенциональности авторов прошлого; взаимосвязи политической теории с социальной реальностью; о роли социально-политического речевого действия в формировании и изменении идеологии; а также о проблеме легитимации в идеологическом контексте.

Для того, чтобы лучше понять подход Кембриджской школы, мы попытались на примере Скиннера обратить его против самих основоположников школы и провести анализ политического проекта, лежащего в основе его подхода. Отстаиваемый здесь тезис заключается в том, что сами основоположники Кембриджской школы, как и любой историк или политический теоретик, выражающий свою интерпретацию прочитанного, становятся авторами политическими акторами-идеологами, даже если сами этого до конца не осознают или не признают. Они участвуют в изменении и перераспределении власти путем занятия определенной позиции в своих текстах, например, поддержке или критике определенных политических языков, и таким образом кембриджцы влияют на социально-политические изменения. Сам Скиннер соглашается с наличием тесной связи между его методологическими установками и политическими взглядами, хотя придерживается мнения, что как исследователь-историк он не выступает в позиции идеолога, а лишь изучает контекст и раскрывает для современного

понимания уже непонятные нам ходы прошлого⁶³⁸. На самом деле между методологическим и чисто политическим аспектом исследований Скиннера отмечается некоторая напряженность, которая исходит, например, из его критики неолиберализма и призывов к ревитализации неоримской концепции свободы.

В третьей главе мы рассмотрели изменение, пересмотр и критику интерпретирующей теории кембриджцев, общие черты и отличия ее от других подходов интеллектуальной истории, (прежде всего от истории идей и немецкой *Begriffsgeschichte*).

Наконец, мы рассмотрели вопрос о возможности применения подхода Кембриджской школы к исследованиям современной политической мысли: о попытках его применения к разным странам и историческим периодам, в частности по отношению к истории России; а также о том, насколько оправдано такое «локальное» применение подхода школы. Исходя из исследования методов интерпретации, разработанных прежде всего Скиннером, можно заключить, что использование междисциплинарного подхода Кембриджской школы к исследованию истории социально-политической мысли в России, несомненно, имеет большую ценность, но с учетом особенностей методологии Кембриджской школы и отличия контекста ее исторических исследований от российского. Таким образом, возможно эффективное применение в социально-философском познании теоретико-методологического подхода Кембриджской школы, уже ставшего традиционным для истории политической мысли и обретающего все большую известность и практическую актуальность в России, в немалой степени благодаря растущей доступности переводов работ представителей школы.

Основоположники Кембриджской школы придавали особое значение пониманию политической теории и динамике развития, которая сама по себе

⁶³⁸ Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 18–19.

рассматривалась как часть политической практики. Можно сказать, что эти авторы одновременно внесли вклад в фундаментальную проблему политической науки и социальной философии, а именно в проблему позиции политического теоретика и интеллектуального историка по отношению к политической и социальной реальности, которую эти теоретики в определенной степени создают и меняют. Наша задача состояла в том, чтобы подробно раскрыть для отечественного исследователя этот вклад в изучение социально-философской проблематики: как подход школы может быть использован для исследования роли языка в социальных изменениях.

Как известно, Скиннер воздерживался от каких-либо конкретных предложений по применению своего подхода. Скорее он призывал дополнить полученные им идеи в области философии, интеллектуальной истории и политической теории с той целью, чтобы создать более тесное взаимодействие между ними. Скиннер объединил задачи этих направлений на пути к единой цели – раскрыть историю современной политики в ином, «надлежащем» свете. Для этого он использует риторику и выстраивает генеалогию ключевых концепций истории политической мысли. Таким образом, Скиннер словно «набрасывает перспективу нового горизонта, а затем надеется убедить как можно больше людей заполнить набросок и расширить его красками»⁶³⁹, призывая к сотрудничеству в изучении политической философии. Попыткой в этом направлении стало данное исследование, в котором мы внесли конкретное предложение, а именно: попытаться использовать подход Скиннера и теоретико-методологический подход Кембриджской школы в целом для социально-философского познания.

⁶³⁹ Walton S.A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation), P. 1. URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation_ (дата обращения: 19.01.2020).

Список литературы

1. Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7–52.
2. Атнашев Т., Велижев М. Политическая философия Джона Покока // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 2. № 3. С. 141–144.
3. Берлин И. Четыре эссе о свободе. Лондон: Overseas Publications Interchange, 1992. 395 с.
4. Борисова Т.Ю. «Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, Т. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 522–546.
5. Бугров К.Д. Республика/революция: Гражданская добродетель в политической истории России Засулич // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 547–581.
6. Ван Гелдерен М. Между Кембрижем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 348–381.
7. Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: Первое «Философическое письмо» Чаадаева // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 500–521.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018. 352 с.
9. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб.: Азбука, 2020. 704 с.

10. Данн Д. Политическая философия – будущее человечества // Русский журнал. 17.05.2009. URL: <http://www.russ.ru/pole/Politicheskaya-filosofiya-budushee-chelovechestva> (дата обращения: 20.02.2020).
11. Данн Дж. Не очаровываться демократией. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 160 с.
12. Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. 2018. № 4, ч. 2. С. 288–302.
13. Кадыров Д.Э. Возвращение к «Истокам» Квентина Скиннера // Философская мысль. 2020. № 6. С. 13–23. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33178 (дата обращения: 22.09.2020).
14. Кадыров Д.Э. Методология социально-исторического познания: подход Кембриджской школы интеллектуальной истории // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 253–260.
15. Кадыров Д.Э. Применение методологии Кембриджской школы интеллектуальной истории в исследованиях истории социально-философского знания // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 1 (51). С. 319–326.
16. Каневский П.С. Переосмысливая демократию (размышления о книге Джона Данна «Не очаровываться демократией») // Вестник Московского университета. 2017. Т. 23. № 2. С. 165–187.
17. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.
18. Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2006. С. 33–53.
19. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 488 с.

20. Крюкова И.В. Перформативное высказывание и перформативный глагол // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет. 2009. № 4 (9). С. 52–54.
21. Локк Дж. Два трактата о правлении М.; Челябинск: Социум, 2019. 482 с.
22. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М.: Пан Пресс, 2020. 471 с.
23. Мишура А.М., Павлов А.В. «Патриархия»: политическая философия Роберта Филмера // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 1. С. 92–105.
24. Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1. М.: Издательство Московского университета, 2013. 400 с.
25. Неклюдова М.С. Танец с мумией: авторские интенции в контексте и вне контекста // Ex Cathedra. Современные методы изучения культуры. М.: РГГУ, 2012. С. 106–118.
26. Остин Дж.Л. Перформативы – констативы // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 23–34.
27. Павлов А.В. Истина и метод: рецензия на сборник о Кембриджской школе // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III. № 1. С. 315–329.
28. Павлов А.В. Кембриджская школа политической мысли // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/video/97122> (дата обращения: 25.01.2020).
29. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 560 с.
30. Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. № 4. С. 261–302.

31. Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 288 с.

32. Покок Д.Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 142–190.

33. Покок Д.Г.А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории. // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 192–217.

34. Покок Д.Г.А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.

35. Польской С.В. «Истязание по натуральной правде»: легитимация насилия и становление рационального политического языка в России XVIII века // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 409–484.

36. Пономарева М., Туманов Н. Квентин Скиннер и основания «кабинетной идеологии»: к выходу русского перевода «Истоков современной политической мысли» // Colta.ru. 15.01.2018. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/17045> (дата обращения: 23.02.2021).

37. Правилова Е.А. «Частная собственность» в языках российского общества конца XVIII – начала XIX века // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 484–499.

38. Рихтер М. Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 348–380.

39. Социальные знания и социальные изменения / Под ред. В. Г. Федотовой. М.: ИФ РАН, 2001. 284 с.
40. Скиннер Кв. The State // Понятие государства в четырех языках: сб. ст. / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во Европейского университета: Летний сад, 2002. С. 12–74.
41. Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.
42. Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 464 с.
43. Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 564 с.
44. Скиннер Кв. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 123–141.
45. Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 253–346.
46. Скиннер Кв. Свобода до либерализма. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 120 с.
47. Скиннер Кв. Язык и политические изменения // Логос. 2005. № 3 (48). С. 143–152.
48. Словарь историка / Под ред. Н. Оффенштадта, при участии Г. Дюфо и Э. Мазюреля; пер. с фр. Л.А. Пименовой. М.: РОССПЭН, 2011. 223 с.
49. Талли Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику // Кембриджская школа: история и метод Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 253–346.

50. Философия языка / Ред.- сост. Дж. Р. Сёрл. М.: Едиториал УРСС, 2004. 208 с.
51. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
52. Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. 364 с.
53. Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей, 2007. 312 с.
54. Штраус Л. Преследование и искусство письма // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 12-25.
55. Alexander J. The Cambridge School, circa 1875 to 1975 // History of Political Thought. 2016. No. 37. P. 360–386.
56. Ambjörnsson R. Om möjligheten av en folkets idéhistoria // Idéhistoria i tiden: perspektiv på ämnets identitet under sjuttiofem år / Eds. by N. Andersson & H. Björck. Stockholm: Brutus Östlings bokförlag Symposion, 2008. S. 207–216.
57. Araújo P. Pocock e a historiografia como linguagem política // Resgate: Revista Interdisciplinar de Cultura. 2017. Vol. 25. No. 1 (33). P. 275–294.
58. Asbach O. Von der Geschichte politischer Ideen zur «History of Political Discourse». Skinner, Pocock und die «Cambridge School» // Zeitschrift für Politik. 2002. No. 12 (2). S. 638.
59. Aullón de Haro P. La recepción de la obra de Menéndez Pelayo y la creación de la Historia de las Ideas // Analecta malacitana: Revista de la Sección de Filología de la Facultad de Filosofía y Letras. 2014. Vol. 37. No. 1-2. P. 7–37.
60. Austin J.L. How to Do Things with Words. Cambridge: Harvard University Press, 1975. 168 p.
61. Basham P. Book Review: Setting the People Free: The Story of Democracy // Cato Journal. 2006. Vol. 26. Iss. 1. P. 208–213.
62. Berlin I. Liberty: Incorporating «Four Essays on Liberty». New York: Oxford University Press, 2002. 416 p.

63. Bevir M. The Contextual Approach // The Oxford Handbook of the History of Political Philosophy / Ed. by G. Klosko. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 11–24.

64. Bkankovsky Y. An Interpretive Method for Talmudic Literature (פרשנות על מאמר התלמוד). Yuval Bkankovsky: Jerusalem, 2013. 158 p. URL: https://www.academia.edu/4099173/An_Interperative_Method_for_Talmudic_Literature_%D7%9E%D7%90%D7%9E%D7%A8_%D7%A2%D7%9C_%D7%A4%D7%A8%D7%A9%D7%A0%D7%95%D7%AA_%D7%94%D7%AA%D7%9C%D7%9E%D7%95%D7%93 (дата обращения: 21.10.2020).

65. Blackledge P. Reflections on the Marxist Theory of History. Manchester, UK: Manchester University Press, 2006. 232 p.

66. Bolkus J., Tattersall I., Chomsky N., Berwick R. How Could Language Have Evolved? // PLOS Biology. 2014. Vol. 12 (8). URL: <https://chomsky.info/20140826/> (дата обращения: 22.04.2021).

67. Bourke R. The Cambridge School. URL: <https://www.maul.ac.auk/history/media/ph/news/The-Cambridge-School.pdf> (дата обращения: 13.11.2019).

68. Boutcher W. Unoriginal authors: how to do things with texts in the Renaissance // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 73–92.

69. Burgess G. Filmer, Sir Robert (1588? – 1653) // Oxford Dictionary of National Biography / Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-9424> (дата обращения: 13.10.2019).

70. Centre for the History of Political Thought / People. Co-directors. Professor Quentin Skinner – CV. URL: <https://projects.history.qmul.ac.uk/hpt/wp-content/uploads/sites/7/2015/04/Quentin-Skinner-CV-.pdf> (дата обращения: 18.01.2021).

71. Cervera-Marzal M. Pour une conception coopérative des méthodes de lecture de Leo Strauss et Quentin Skinner // *Klesis. Revue philosophique*. 2012. No. 22. P. 11–28.

72. Chomsky N. Activism, Anarchism, and Power. Noam Chomsky interviewed by Harry Kreisler // *Conversations with History*. March 22, 2002. Institute of International Studies, University of California, Berkeley. URL: <https://chomsky.info/20020322/> (дата обращения: 17.12.2020).

73. Chomsky N. Notes on Anarchism Excerpted from *For Reasons of State*, 1973. URL: <https://chomsky.info/state01/> (дата обращения: 09.12.2020).

74. Chomsky N. *On Language and Culture // Contrasts: Soviet and American Thinkers Discuss the Future* / Ed. by W. Osiatynski. New York: MacMillan, 1984. P. 95–101.

75. Chomsky N. *On Language: Chomsky's Classic Works Language and Responsibility and Reflections on Language in One Volume*. New York: The New Press, 2007. 496 p.

76. Chomsky N. *On Phases // Foundational Issues in Linguistics Theory* / Ed. by R. Freidin, C.P. Otero, & M.L. Zubizarreta. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. P. 133–166.

77. Chomsky N., Edward S. Herman. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books, 1988. 432 p.

78. Cowan B. *Ideas in Context: From the Social to the Cultural History of Ideas // Palgrave Advances in Intellectual History* / Eds. by B. Young and R. Whatmore. Houndmills: Palgrave, 2006. P. 171–188.

79. Cuttica C. *Intellectual History // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. Vol. 12 / Ed. by J.D. Wright. Oxford: Elsevier, 2015. P. 255–261.

80. Dunn J. *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 346 p.

81. Dunn J. *Setting the People Free: The Story of Democracy*. London: Atlantic Books, 2005. 246 p.

82. Dunn J. *The Future of Political Philosophy in the West* // Dunn J. *Rethinking Modern Political Theory: Essays 1979-83*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 171–189.

83. Dunn J. *The History of Political Theory* // Dunn J. *The History of Political Theory and Other Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 26–27, 30.

84. Dunn J. *The Identity of the History of Ideas* // *Philosophy*. 1968. Vol. 43. No. 164. P. 85–104.

85. Dunn J. *The Political Thought of John Locke: An Historical Account of the Argument of the «Two Treatises of Government»*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 290 p.

86. Dunn J. *The Politics of Socialism: An Essay in Political Theory*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1984. 124 p.

87. Dunn J. *Western Political Theory in the Face of the Future*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993. 143 p.

88. Dunn J. *What is Living and What is Dead in the Political Theory of John Locke* // Dunn J. *Interpreting Political Responsibility: Essays 1981–1989*. Oxford: Polity, 1990. P. 9–25.

89. Dunn J., Abrams B. *Modern Revolutions and Beyond. An Interview with John Dunn* // *Contention*. 2017. Vol. 5. No. 2. P. 114–131.

90. Dunn J., Cerovac I. *John Dunn Interview* // *Croatian Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 20. No. 59. P. 133–138.

91. Dunn J., Wrigley T. *Thomas Peter Ruffell Laslett (1915–2001)* // *Proceeds of the British Academy. Vol. 130. Biographical Memoirs of Fellows IV* / Ed. by P.J. Marshall. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 109–129.

92. Enebakk V. *Den norske idéhistoriens idéhistorie* // *Nytt Norsk Tidsskrift*. 2005. Vol. 22. No. 3. S. 271–284.

93. Fear Ch. *The question-and-answer logic of historical context* // *History of the Human Sciences*. 2013. Vol. 26. Iss. 3. P. 68–81.

94. Feres Júnior J. Taking Text Seriously: Remarks on the Methodology of the History of Political Thought // Contributions to the History of Concepts. 2008. Vol. 4. No. 1. P. 57–80.

95. Fillafer F.L., McClure J. Contextualism, Global Intellectual History, and Neoliberalism: A Conversation with Quentin Skinner. 20 p. URL: https://www.academia.edu/30173415/Contextualism_Global_Intellectual_History_and_Neoliberalism_A_Conversation_with_Quentin_Skinner (дата обращения: 14.02.2021).

96. Floyd J. Why the History of Ideas Needs More than Just Ideas // Intellectual History Review. 2011. Vol. 21. Iss. 1. P. 27–42.

97. Garsten B. Review of Kari Palonen, Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric // Ethics. 2007. Vol. 117. No. 3. P. 566–571.

98. Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialer Sprache in Deutschland: in 8 Bde. / Eds. by O. Brunner, W. Conze und R. Koselleck. Stuttgart, 1972–1997.

99. Geuna M. Skinner, pre-humanist rhetorical culture and Machiavelli // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 50–72.

100. Goldie M. The context of The Foundations // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 3–19.

101. Grafton A. The history of ideas: Precept and practice, 1950-2000 and beyond // Journal of the History of Ideas. 2006. Vol. 67. No. 1. P. 1–32.

102. Grumsen S., Hjernitslev H.H. Institut for Idehistorie 1967-2004: Et studie af institutionens oprettelse, udvikling og afvikling // Slagmark – Tidsskrift for idéhistorie. 2007. No. 50. P. 96–124.

103. Gulsen S. An Interview with John Dunn // International Political Anthropology. 2012. Vol. 5. No. 2. P. 179-196.

104. Hamel Ch. Quentin Skinner, *La vérité et l'historien* (traduction accompagnée d'une introduction) // Skinner Q. *La vérité et l'historien* / Ed. by Ch. Hamel. Paris: Editions de l'EHESS, 2012. 72 p.

105. Hamilton-Bleakley H. *Linguistic philosophy and The Foundations // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought* / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 20–33.

106. *Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680-1820: Heft 1-21* / Eds. by R. Reichardt, E. Schmitt, HJ. Lüsebrink und J. Leonhard in Verbindung mit G. van den Heuvel und A. Höfer. München, 1985–2017.

107. Hauchecorne M. Recension sur «Quentin Skinner. *Visions of politics: Regarding Methods. Volume 1*». Cambridge: Cambridge University Press, 2002, (viii + 209 p.), reedite en 2003 // *La Revue d'histoire des sciences humaines*. 2007. No. 17. P. 185–191.

108. *Historische Semantik und Begriffsgeschichte* / Ed. by R. Koselleck. Stuttgart: Klett-Cotta, 1979. 400 s.

109. *Historisches Wörterbuch der Philosophie: Völlig neubearbeitete Ausgabe des Wörterbuchs der philosophischen Begriffe von Rudolf Eisler* / Eds. by J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel. Bd. 1–12. Basel u. a.: Schwabe, 1971–2005.

110. Hölzing Ph. *Akteure, Ideen, Strukturen // Hölzing Ph. Ein Laboratorium der Moderne: Politisches Denken in Deutschland 1789-1820*. Berlin: Springer VS, Wiesbaden. 2015. P. 23–32.

111. *Ideas in Context*. URL: <https://www.cambridge.org/core/series/ideas-in-context/7E30BA052B5A1F0AF3C67156FEA725BE> (дата обращения: 01.03.2020).

112. Keane J. *More theses on the philosophy of history // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* / Ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 204–218.

113. Krefting E., Schaanning E., Aasgaard R. *Grep om fortiden Perspektiver og metoder i idéhistorie*. Oslo: Cappelen Damm Akademisk, 2017. 304 s.

114. Kuschel G. B. Skinner's Methodology: A Weapon against Liberalism // *Res Publica Revista de Historia de las Ideas Políticas*. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 109–122.

115. Labrecque S., Lemieux R. La fronde et la crosse. Aspects cynégétiques du débat entre «textualisme» et «contextualisme» en histoire des idées // *Cygne noir, revue d'exploration sémiotique*. 2015. No. 3: «Sémiotique des mystères». URL: <http://www.revuecygnoir.org/numero/article/la-fronde-et-la-crosse> (дата обращения: 21.04.2021).

116. Lamb R. Quentin Skinner's revised historical contextualism: a critique // *History of the Human Sciences*. 2009. Vol. 22 (3). P. 51–73.

117. Lamb R. Recent Developments in the Thought of Quentin Skinner and the Ambitions of Contextualism // *Journal of the Philosophy of History*. 2009. No. 3 (3). P. 246–265.

118. Lane M. Doing Our Own Thinking for Ourselves: On Quentin Skinner's Genealogical Turn // *Journal of the History of Ideas*. 2012. Vol. 73. No. 1. P. 179–200.

119. Laslett P. Introduction // Filmer R. *Patriarchia and other Political Works* / Ed. Peter Laslett. Oxford: Basil Blackwell, 1949. 326 p.

120. Laslett P. Introduction // John Locke. *Two Treatises of Government* / Ed. Peter Laslett. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. 289 p.

121. Lovejoy A.O. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 382 p.

122. Lüsebrink H.L. Histoire conceptuelle (Begriffsgeschichte) // *Historiographies. Concepts et débats, I* / Eds. by C. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia, N. Offenstadt. Paris: Gallimard, coll. «Folio histoire», 2010. P. 162–169.

123. Marcotte-Chénard S. Le contextualisme de Quentin Skinner à l'épreuve du cas Machiavel // *Methodos*. 2013. Vol. 13. P. 360–386.

124. *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* // Ed. by J. Tully. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988. 353 p.

125. Mulrow M., Mahler A. Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte. Berlin: Suhrkamp, 2010. 286 s.

126. Nagy Á., Milán P. A politika konceptualista eszmetörténete. Kari Palonen: Küzdelem az idővel // Budapesti Könyvszemle – BUKSZL. Budapest: Harmattan Kiadó, 2011. Vol. 23. Iss. 04. P. 352–358.

127. Nederman C.J. Rethinking the Foundations of Modern Political Thought (review) // Renaissance Quarterly. 2008. Vol. 61. No. 1. P. 271–272.

128. Norberg J. Political Concepts // The Encyclopedia of Political Thought, First Edition / Ed. by Michael T. Gibbons. Oxford: Blackwell-Wiley, 2015. P. 7–8.

129. Palonen K. Quentin Skinner's Rhetoric of Conceptual Change // History of the Human Sciences. 1997. Vol. 10. No. 2. P. 61–80.

130. Palonen K. Political Theorizing as a Dimension of Political Life // European Journal of Political Theory. 2005. No. 4. P. 351–366.

131. Palonen K. Quentin Skinner: history, politics, rhetoric. Cambridge: Polity Press, 2003. 216 p.

132. Palonen K. Rhetorical and Temporal Perspectives on Conceptual Change. Theses on Quentin Skinner and Reinhart Koselleck // Finnish Yearbook of Political Thought. 1999. Vol. 3. P. 41–59.

133. Palonen K. The History of Concepts as a Style of Political Theorizing: Quentin Skinner's and Reinhart Koselleck's Subversion of Normative Political Theory // European Journal of Political Theory. 2002. No. 1. P. 91–106.

134. Panagia D. A Theory of Aspects: Media Participation and Political Theory // New Literary History. 2014. Vol. 45. P. 527–548.

135. Perreau-Saussine E. Quentin Skinner in Context // The Review of Politics. 2007. Vol. 69. No. 1. P. 106–122.

136. Pocock J.G.A. Barbarism and Religion. Vol. 1: The Enlightenment of Edward Gibbon, 1737–1764. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 323 p.

137. Pocock J.G.A. Foundations and moments // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 37–49.

138. Pocock J.G.A. *Intellectual History // Intellectual History: 5 Questions /* Eds. by M. H. Jeppesen, F. Stjernfelt, M. Thorup. Copenhagen: Automatic Press, 2013. P. 143–147.

139. Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law: A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century.* Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 424 p.

140. Prévost J.G. *De l'étude des idées politiques.* Sainte-Foy: Presses de l'université du Québec, 1995. 110 p.

141. Printy M. *Skinner and Pocock in Context: Early Modern Political Thought Today // History and Theory.* 2009. Vol. 48 (1). P. 113–121.

142. *Rethinking the Foundations of Modern Political Thought /* Eds. by A. Brett and J. Tully. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 310 p.

143. Richter M. *Begriffsgeschichte and the History of Ideas // Journal of the History of Ideas.* 1987. Vol. 48. No. 2. P. 247–263.

144. Searle J. *The Construction of Social Reality.* New York: Free Press, 1995. 241 p.

145. Searle J. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind.* Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 288 p.

146. Searle J. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language.* Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p.

147. Skinner Q. «Social meaning» and the explanation of social action // *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics /* Ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 79–96.

148. Skinner Q. *A Genealogy of Liberty by Quentin Skinner – Lecture Transcript /* as part of Harry Camp Memorial Lectures at Stanford Humanities Center, October 27, 2016. URL: <https://cluelesspoliticalscientist.wordpress.com/2017/01/27/a-genealogy-of-liberty-by-quentin-skinner-lecture-transcript/> (дата обращения: 12.02.2020).

149. Skinner Q. *A Genealogy of the Modern State // Proceedings of the British Academy.* 2009. Vol. 162. Lectures (2008). P. 325–370.

150. Skinner Q. A Genealogy of the State — Lecture Transcript // Presented at: Nicholas D. Chabraja Center for Historical Studies, Northwestern University November 9, 2011. URL: <https://cluelesspoliticalscientist.wordpress.com/2017/05/18/a-genealogy-of-the-state-by-quentin-skinner-lecture-transcript/> (дата обращения: 12.02.2020).

151. Skinner Q. Analysis of political thought and action // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / Ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 97–118.

152. Skinner Q. Concepts only have history // Interview. Emmanuelle Tricoire et Jacques Lévy, nov. 2007. URL: <https://www.espaceAestemps.net/articles/quentin-skinner/> (дата обращения: 11.02.2020).

153. Skinner Q. Conventions and the Understanding of Speech Acts // The Philosophical Quarterly. 1970. Vol. 20. No. 79. P. 118-137.

154. Skinner Q. Interpretation and Understanding of Speech Acts // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 103–127.

155. Skinner Q. Interpretation, Rationality and Truth // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 27–56.

156. Skinner Q. Language and social change // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / Ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 119–132.

157. Skinner Q. Moral Principles and Social Change // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 145-157.

158. Skinner Q. On Encountering the Past: an Interview with Quentin Skinner // Finnish Yearbook of Political Thought. 2002. No. 6. P. 34–63.

159. Skinner Q. Quentin Skinner on Meaning and Method // The Art of Theory – a quarterly journal of political philosophy. Interview by Teresa Bejan. 10/27/2015. URL: https://www.academia.edu/1073948/Quentin_Skinner_on_Meaning_and_Method (дата обращения: 07.40.2021).

160. Skinner Q. *Some Problems in the Analysis of Political Thought and Action // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / Ed. by J. Tully.* Cambridge: Polity Press, 1988. P. 97–118.

161. Skinner Q. *Surveying The Foundations: a retrospect and reassessment // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Eds. by A. Brett and J. Tully.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 236–261.

162. Skinner Q. *The Idea of Cultural Lexicon // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 158–174.

163. Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 225 p.

164. Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 2: Renaissance Virtues.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 478 p.

165. Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 3: Hobbes and Civil Science.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 406 p.

166. Skinner Q. *What Intellectual History Teaches Us: A Conversation with Quentin Skinner (The Governance Podcast Ep6) / Centre for the Study of Governance & Society, July 10th, 2018.* URL: <https://csgs.kcl.ac.uk/podcast/what-intellectual-history-teaches-us-a-conversation-with-quentin-skinner/> (дата обращения: 12.02.2020).

167. Skornicki A. *Lectures critiques // Revue française de science politique.* 2019. Vol. 69. No. 3. P. 501–509.

168. Sperlich W.B. *Noam Chomsky.* London: Reaktion Books, 2006. 174 p.

169. Strauss L. *The City and Man.* Chicago: University of Chicago Press, 1978. 254 p.

170. Strauss L. *Thoughts on Machiavelli.* Chicago: University of Chicago Press, 1995. 348 p.

171. Syrjämäki S. *Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism (Academic Dissertation).* Tampere: Tampere University Press, 2011. 224 p.

172. Syrjämäki S., Koikkalainen P. Quentin Skinner. On Encountering the Past // Finnish Yearbook of Political Thought. 2002. Vol. 6. P. 34–63.

173. Tarlton Ch.D. Historicity, Meaning and Revisionism in the Study of Political Thought // History and Theory. 1973. Vol. 12. No. 3. P. 307–328.

174. The Return of Grand Theory in the Human Sciences / Ed. by Q. Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 224 p.

175. Vasoli C. The Machiavellian Moment: A Grand Ideological Synthesis // The Journal of Modern History. 1977. Vol. 49. No. 4. P. 661–670.

176. Walton S. A Defence of Certain Aspects of Quentin Skinner's Methodology (Masters Dissertation). URL: https://www.academia.edu/21655061/A_Defence_of_Certain_Aspects_of_Quentin_Skinners_Methodology_Masters_Dissertation (дата обращения: 08.12.2020).

177. Weymans W. Een nieuwe les van de geschiedenis // Karakter: tijdschrift van wetenschap. 2003. Vol. 1. Iss. 4. P. 17–19.

178. Weymans W. Über den Nutzen der Ideengeschichte: Quentin Skinners Verteidigung der republikanischen Freiheit gegen den modernen Staat // Leviathan. 2005. Vol. 33. No. 3. P. 384–390.

179. Whitney W.D. Language and the Study of Language: Twelve Lectures on the Principles of Linguistic Science. New York: C. Scribner & Company, 2011. 526 p.

180. Williams R. Keywords: a vocabulary of culture and society. New York: Oxford University Press, 2015. 270 p.